ТАЙНАЯ ВОЙНА

КРОТЫ ГРУ В НАТО

МИХАИЛ БОЛТУНОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первый открытый рассказ о нашей разведывательной сети на Западе, которая действует сейчас.

С падением СССР тайная война не просто не закончилась — она набирает новый оборот, вражеские шпионы и наши разведчики продолжают свою незаметную деятельность, лишь изредка становясь героями международных скандалов.

Политический бестселлер, который впервые срывает покровы с новейших шпионских тайн.

- Михаил Болтунов
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - Часть первая. ШВЕДСКИЙ «ОРЕЛ»
    -
    - БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ ДЛЯ НОВИЧКА
    - УСЛУГА ЗА УСЛУГУ
    - ОСОБАЯ РОЛЬ ЦЕННОГО АГЕНТА
    - «ПОЛКОВНИК, ВЫ АРЕСТОВАНЫ…»
    - «МОЯ ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ»
    - «Я СТАЛ НАСТОЯЩИМ ШПИОНОМ»
    - СВЕРХСЕКРЕТНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ НЕСС ЗИОНА
    - ВЗЯТЬ ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ
  - Часть вторая. НА КРАЮ ЯДЕРНОЙ БЕЗДНЫ
    -
    - «БАШНЮ ПОЧИНИТЬ, КОМАНДИРА — НАКАЗАТЬ…»
    - ЗАГАДКА КИЛЬСКИХ ШЛЮЗОВ
    - АХ, БЕЛЫЙ ПАРОХОД…
    - ПОД ПСЕВДОНИМОМ «ЛОДЖ»
    - ФОКУС ДЛЯ ДУНКАН
    - БАГДАДСКИЙ ВОР
    - ПОДНОЖКА СУДЬБЫ
    - НА КОМ ТУЛУП НЕ СВОЙ?
    - «АППАРАТОМ ГРУ ЗАВЕРБОВАН ИСТОЧНИК»
    - ПОЕЗДКА НА «ВТОРУЮ РОДИНУ»
    - «ВОЗМОЖНА ВЫПЛАТА ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СУММЫ…»
    - «РЕШИТЕЛЕН, СОБРАН И СМЕЛ»
    - СЕМЬ БЕД — ОДИН ОТВЕТ
    - В ДУШУ ЧЕЛОВЕКУ НЕ ЗАЛЕЗЕШЬ
    - «ВРЕД ОЧЕНЬ И ОЧЕНЬ СУЩЕСТВЕННЫЙ»
    - ПРОШУ РАЗРЕШЕНИЯ НА ВСТРЕЧУ

- В РОЛИ БИРЖЕВОГО МАКЛЕРА
- ПОЧЕМУ МОЛЧИТ ГЕКТОР?
- СОВЕТСКИЙ «КРОТ» В НАТО
- ПЕРВЫЕ ШАГИ
- В НЕБЕСАХ МЫ ЛЕТАЛИ ОДНИХ
- ЭЛИТА РАЗВЕДКИ
- ПРИЗНАНИЕ СУПЕРАГЕНТА МАРШАЛУ ГРЕЧКО
- БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС
- ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР
- «НАГРАДИТЬ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА…»
- АГЕНТ-СВЯЗНИК ЛУИЗА
- «МЫ ДОЛЖНЫ ОТСТУПИТЬ»
- «ОДНА ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ПАРА…»
- РИСКОВАТЬ АГЕНТОМ НЕ СЛЕДУЕТ
- ОТПУСК РАЗВЕДЧИКА
- НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК СУПЕРАГЕНТА
- ЦЕННЫЙ ПОДАРОК ДЛЯ ГЕНШТАБА
- ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА
- В ПОЛШАГЕ ОТ ПРОВАЛА
- «Я ПОТЕРЯЛ ВСЕ…»

○ Часть третья КТО ВЫ, МИССИС ГЛЕН?

-
- УСТАНОВИТЬ ПРИЧИНУ ПРОВАЛА — НЕВОЗМОЖНО
- СУДЬБА ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА
- КОСМЕТИЧЕСКИЙ САЛОН ДЛЯ НЕЛЕГАЛА
- ДОКЛАДЫВАЮ ПОЛУЧЕННУЮ ИНФОРМАЦИЮ

○ ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Михаил Болтунов
Кроты ГРУ в НАТО

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

4 апреля 1949 года. Не прошло еще и четырех лет, как закончилась Вторая мировая война. Разгромлены фашистская Германия и Япония. На земле нет страны, которая могла бы представлять угрозу для мирового сообщества. Тем не менее, 10 стран Европы, а также Канада, во главе с США создали крупнейший в мире военно-политический блок, названный Организацией Североатлантического договора (НАТО).

Против кого «дружили» эти 12 стран, большинство из которых еще вчера были союзниками СССР в борьбе с фашизмом? Сегодня они изобретали себе нового врага. Им оказался тот самый Советский Союз, который внес решающий вклад в победу и заплатил за свободу, в том числе и этих стран, невиданную цену — 26 миллионов жизней своих лучших сыновей и дочерей.

Образование мощнейшего блока НАТО в Советском Союзе, естественно, было воспринято как угроза собственной безопасности. Однако ведущие страны альянса — США, Великобритания, Франция — пытались заверить СССР, что НАТО сугубо оборонительная организация. Что ж, это вполне соответствовало военной доктрине нашего государства. Советский Союз также не собирался ни на кого нападать. И СССР предложил странам НАТО свое вступление в альянс. Но советская инициатива почему-то была отклонена.

А действительно, почему? На этот вопрос до сих пор нет внятного ответа. Да он, собственно, и не нужен. От руководителей НАТО за долгие десятилетия существования альянса мы наслушались много миролюбивых слов. Жаль только, что из них не построишь мира.

Пока был силен Советский Союз и Варшавский Договор, блок НАТО постоянно бряцал оружием, пытаясь демонстрировать военное превосходство, однако на открытую агрессию не решался. Но как только исчезла с карты мира великая Советская страна, а бывшие союзники Москвы, как крысы, бежали с тонущего парохода и стали царапаться в двери Североатлантического альянса, НАТО показал свое истинное лицо.

Уже в 1992 году самолеты блока стали контролировать судоходство в Адриатическом море. Они наблюдали за соблюдением эмбарго, установленного против Югославии. В следующем году авиация США, Голландии и Франции уже патрулировала воздушное пространство этой балканской страны.

В 1994 году истребители США напали на сербские штурмовики и сбили их. И, наконец, в 1999 году началась

военная агрессия против бывшей Республики Югославии, которая, кстати говоря, не находилась ни с одной из стран альянса в состоянии войны. Таким образом, НАТО нарушил два важнейших принципа международного права: Устав ООН и государственный суверенитет Югославии.

Впрочем, через месяц после начала бомбардировок Белграда, в Вашингтоне на 50-м юбилейном саммите страны — участницы альянса приняли новую «Стратегическую концепцию союза НАТО», в которой цинично заявили о «гуманитарной интервенции», а также о намерении вооруженных сил блока «осуществлять операции кризисного реагирования», выходящие за рамки 5-й статьи Вашингтонского договора, или, иначе говоря, за пределами действия Североатлантического договора и без санкции Совета Безопасности ООН.

Правда, некоторые европейские государства воспрепятствовали фиксации в стратегической концепции претензии НАТО на проведение подобных операций без санкции Совбеза ООН и ОБСЕ. Но это не меняет сути дела. Если в Югославии можно, то почему в какой-либо другой «неугодной» стране нельзя.

Потом была война в Ираке, в Ливии. Возникает вопрос: кто следующий? Иран, Северная Корея? А может быть, Россия? Вот уж воистину, не спрашивай, по ком звонит колокол…

Скоро НАТО будет праздновать свое 65-летие. Руководители альянса вновь соберутся на юбилейный или полуюби-лейный саммит где-нибудь в Вашингтоне и будут рассказывать «сказки» о том, как они умело и бескровно научились «разруливать» международные конфликты, придумают какую-нибудь новую суперсовременную доктрину и найдут для нее ласковое, этакое «пушистое» и совсем не страшное название. Тот, кто глух и слеп, поверит или сделает вид, что поверил. Кто же хочет знать правду, тому дорога в Косово, в Ирак, Ливию, Сирию.

К счастью, наша разведка, как внешняя, так и военная, никогда не питала иллюзий относительно «миролюбия» НАТО. Мощные вооруженные силы Североатлантического альянса всегда были направлены против Советского Союза, а потом и России. А это означало только одно: мы должны были хорошо знать и постоянно изучать блок НАТО. Как он живет, чем дышит, каким современным вооружением владеет, насколько умело обучает своих офицеров и солдат.

Но чтобы ответить на столь непростые вопросы, следовало проникнуть в штабы, в воинские части, в учреждения, в узлы связи, на командные пункты альянса. И мы проникли. Хоть сделать такое было очень не просто.

Люди, которые занимались этой опасной и тяжелой работой, офицеры Главного разведывательного управления и их ценные источники в структурах НАТО, оказали нам неоценимую услугу, сослужили великую службу — уберегли нашу страну от ядерных ударов, которые планировали нанести руководители США и Североатлантического альянса.

Сегодня нередко слышатся упреки из-за океана о некоей агрессивной сущности Советского Союза. Полноте, господа! Обескровленная войной страна не могла никому угрожать. А уж США и подавно. А вот в Штатах все это было — и ядер-ное оружие, и многочисленные средства доставки, и, главное, патологическое желание, я бы сказал, жажда уничтожения непокорной Страны Советов. Оттого и родились эти людоедские планы — сначала уничтожить 30 наших городов, потом дошли до 300 и так далее. В общем, очень хотелось заокеанским стратегам оставить на нашей территории сотни, тысячи Херосим. НАТОвцы, кстати говоря, особо и не стеснялись в выражениях. Так прямо и оформили свои желания, назвав это весьма ясно и понятно — «Планом ядерной войны». И приложили к нему «Перечень целей для нанесения ядерных ударов на территории СССР и стран народной демократии». И после такого нас еще смеют обвинять в агрессивности?

Эта книга рассказывает о тех, кто честно делал свое дело, спасая наше Отечество от посягательств НАТО. В первой части повествование идет об агентах, непосредственно не работавших в структурах альянса, но в силу своей служебной деятельности имевших доступ к секретам военно-политического блока. Во второй автор знакомит читателей с ценными источниками военной разведки, которые проходили службу в одном из штабов НАТО и на узле связи командования, а также с вице-президентом французского филиала крупной американской химической компании, втянутой в орбиту интересов Североатлантического альянса. Третья часть посвящена жизни и деятельности нашего агента-нелегала в США.

Часть первая. ШВЕДСКИЙ «ОРЕЛ»

Полковник ВВС Швеции Стиг Веннерстрем — личность неординарная. Он, пожалуй, один из самых известных агентов ГРУ периода «холодной войны». Все, кто знали Веннерстрема, характеризовали его как человека честного и добропорядочного. В обществе он был остроумен и общителен, весел и проницателен.

Контр-адмирал Иван Сакулькин, который отрабатывал три командировки в США, хорошо знал шведского военного дипломата Веннерстрема. Правда, он не догадывался, что военно-воздушный атташе из Стокгольма является ценным агентом родной «конторы». И оценивал его вполне объективно, как коллегу.

«Удивительно, — вспоминал Сакулькин, — но насколько серьезным был этот человек в работе, настолько раскрепощен, смешлив и внешне безмятежен был в обществе. Где бы он ни появлялся, там немедленно возникала теплая, почти ребяческая атмосфера. Что же касается женщин — ну, это невозможно передать! Что в нем такого было, что они буквально млели от него? Наверное, сказывалась королевская кровь — он был джентльменом до мозга костей и целовал женские ручки с поистине аристократическим благородством.

Точно так же легко и, я бы сказал, изящно он завоевывал внимание хоть детей, хоть самых важных и серьезных чиновников».

Другой военный разведчик, генерал-лейтенант Юрий Бабаянц, так пишет о Веннерстреме:

«Главное разведывательное управление в период «холодной войны» располагало многочисленной агентурной сетью во всем мире. Но личности с потенциалом Веннерстрема… были подобны редчайшим самородкам. По масштабам деятельности и ценности передаваемых сведений, а главное, по широте мировоззрения такие люди не укладываются в рамки привычных понятий «агент-шпион». В наши дни их называют супершпионами».

Так кто же он такой, супершпион Стиг Густав Веннерстрем?

Родился Стиг в 1906 году. Его род один из древнейших в Швеции и имеет дальнее родство с королями. Отец, дед по матери, и дядя были офицерами. Военную карьеру выбрал и он. Сначала это был военно-морской флот, потом авиация. С детства Стиг имел склонность к иностранным языкам. Кроме своего родного шведского он говорил на немецком, английском, датском, норвежском, финском, французском.

Осенью 1933 года лейтенант ВВС Веннерстрем приехал в столицу Латвии, Ригу, чтобы изучать русский язык. Интересно, что тогда он впервые попал в поле зрения советской военной разведки. Правда, случайно, как товарищ одного из американцев, который работал то ли на спецслужбы США, то ли на разведку Англии. Стигу он представился как Джон, а в картотеке нашего разведуправления американец числился под псевдонимом Эгон. Следили, конечно, за Эгоном, но рядом с ним оказался и Веннерстрем.

Тогда на него тоже завели отдельную карточку. И сотрудники советского атташата, просматривая шведские газеты, направляли в Москву сведения и о нем: Веннерстрем переведен из флота в авиацию, окончил летную школу, ему присвоено очередное воинское звание — капитан.

В 1940 году, когда в Европе уже полыхала война, Стигу предложили стать военно-воздушным атташе в Лондоне. Начальник отдела кадров ВВС, стараясь подсластить пилюлю, сказал:

— В 34 года… ты будешь самым молодым атташе!

Веннестрем понимал, что сейчас в условиях войны, когда уже пала Польша и будущее Англии было весьма туманным, никто особенно не рвался в Британию. Тем не менее, он дал свое согласие. И уже начал подготовку, однако поступило другое предложение. Вот уж воистину, как в старом армейском анекдоте, «не спеши выполнять приказ, ибо может прозвучать команда «отбой».

Тот же начальник отдела кадров «осчастливил» в очередной раз:

— Министр обороны решил впервые направить военно-воздушного атташе в Москву. Ты единственная кандидатура. А в Лондон мы пошлем кого-нибудь другого.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ ДЛЯ НОВИЧКА

«Москва показалась мне истинным осиным гнездом, — напишет через много лет в своих воспоминаниях Веннерстрем. — Это было самое настоящее боевое крещение для новичка. Дипломатически корпус разделился на три лагеря: на полюсах— воюющие стороны; посередине— нейтралы. Не было никакого порядка и ясности. Противники шпионили друг за другом, используя все мыслимые и немыслимые ухищрения.

…Передо мной же стояла главная проблема, которая непосвященному могла показаться легко разрешимой: создать широкое и надежное поле деятельности военно-воздушного атташе. Начинать приходилось с нуля, ведь мою должность только что ввели. И, признаюсь, это дело оказалось крепким орешком. Русские были безнадежны в своем традиционном секретном мышлении. Их разговорчивость равнялась нулю: идеальное «каменное лицо». Да и из прессы тоже не многое можно было почерпнуть».

Откровенно говоря, на своей первой военно-дипломатической должности Веннерстрему удалось сделать не много. И в первую очередь потому, что уже в марте 1941 года его отозвали в Стокгольм. А через три месяца фашистская Германия напала на Советский Союз, и он уже не возвратился в Москву. Место для службы ему определили в штабе ВВС. Стиг составлял карты целей, детально характеризовал их, обеспечивая шведской авиации возможность бомбардировки объектов на территории оккупированной фашистами соседней Норвегии.

Пребывание, пусть и недолгое, в качестве военно-воздушного атташе в Москве тоже сыграло свою роль. Его часто приглашали в советское посольство, он познакомился с послом СССР в Швеции Александрой Коллонтай.

Как-то она собралась посетить лагерь советских интернированных, и Веннерстрему поручили сопровождать ее. Вместе с послом в этой поездке участвовал и военный атташе Советского Союза полковник Николай Никитушев.

Между Веннерстремом и Коллонтай состоялась примечательная беседа. Посол сказала, что окружение гитлеровцев под Сталинградом означает окончательный перелом в войне, Германия истощена. И тогда Стиг спросил:

— Так, может, созрело время для перемирия и переговоров?

— Соглашение, почетное для обеих сторон. Об этом мы не думаем, — ответил посол.

На том, собственно, беседа и завершилась. А через некоторое

время начальник контрразведки полковник Карлос Адпер-кройз вызвал к себе Веннерстрема и ошарашил известием:

— Мы раскрыли немецкий код. Теперь читаем их телеграммы.

И протянул бланк одной из них. Стиг прочел, как из немецкого посольства в Берлин докладывали содержание его беседы с советским послом. Он действительно совершил такую утечку.

— Ты теперь возомнил себя миротворцем, — усмехнулся начальник контрразведки.

Что ж, это был хороший урок на будущее.

А вскоре штабной период Веннерстрема закончился, и он распрощался со Стокгольмом на два года. Стиг возвратился на летную работу. Он командовал эскадрильей, совершал постоянные полеты. В одном из них уцелел чудом. При падении заклинило «фонарь» кабины, Стиг покидал самолет через запасной люк, вылез на крыло, выпустил парашют, но уже было поздно, его бросило на деревья, и он повис на стропах головой вниз.

Его нашла какая-то старушка, потом прибежал радист, помог освободиться.

Потом он скажет: «Я был очень близок к тому, чтобы не вернуться домой, оставив свое имя в числе многих в вестибюле штаба ВВС — на мемориальной доске погибшим летчикам».

К счастью, этого не случилось.

УСЛУГА ЗА УСЛУГУ

После войны комэск Веннерстрем уже носил майорские погоны и считался опытным летчиком. Правда, его вновь перевели на штабную работу, и он занялся аналитическими исследованиями организации вооруженных сил. Как и многие другие, Стиг мечтал стать командиром флотилии. Однако звонок командующего ВВС однажды оборвал его мечты:

— Передо мной статистика полетов «штабников». Какого черта, Веннерстрем! У тебя слишком мало летных часов!

Генерал был не очень дипломатичен, но он ясно показал: не будешь летать, не станешь командиром флотилии. И хотя после неприятного разговора Стиг стремился к большему налету, этого было явно недостаточно.

Опять позвонил генерал Норденшельд и ударил, что называется, наотмашь:

— Ты не годишься для почетной должности командира флотилии.

Командующий сделал паузу, потом сказал:

— Зато у тебя есть явный талант к разведке. С твоим знанием языков ты принесешь гораздо большую пользу ВВС, если послужишь за рубежом военно-воздушным атташе.

Конечно, Стиг был очень разочарован. Да, он любил разведку. Но еще больше он надеялся стать командиром флотилии. А теперь все эти полеты, риск, стремление освоить профессию летчика оказались бессмысленными. Обида поселилась в его душе.

Это, собственно, и стало тем фоном, на котором произошла очередная встреча Веннерстрема с советским военно-воздушным атташе полковником Иваном Рыбаченковым.

Ивана, как и в прошлый раз, интересовало одно важное обстоятельство. Было уже ясно, что вскоре США возглавят вновь образуемый блок НАТО. Рыбаченкова беспокоило, не пойдет ли Швеция на секретное соглашение с альянсом. Веннерстрем убеждал советского атташе: не пойдет.

Неожиданно полковник заговорил о другом. Он узнал из прессы, что на военном аэродроме в Уппланде планируется реконструкция и увеличение взлетно-посадочной полосы. Теперь он об этом «пытал» Стига, но не получал ответа. «Ну, если ты ничего не хочешь говорить, я вынужден думать, что есть нечто подозрительное». — «Там нет ничего подозрительного. Полоса предназначена для посадки шведских самолетов».

Чтобы увести разговор в сторону, Веннестрем заговорил о

затяжке решения по его приезду в Москву. В последнее время советское руководство почему-то затягивало его. Во всяком случае, так казалось Стигу.

— Хорошо, — сказал Рыбаченков. — Я постараюсь все разузнать и помочь.

Военно-воздушный атташе «засмолил» свою любимую папироску.

— Так как насчет взлетной полосы? Мне же надо что-то докладывать в Москву.

Стиг рассмеялся:

— Ну да, услуга за услугу. Старая песня.

— Ладно, согласился полковник. — Давай, по-другому. Сколько стоит для тебя эта проклятая полоса? Две тысячи?

«Я не был особенно удивлен, — напишет в своих воспоминаниях Веннерстрем, — зная, что другим тоже делались подобные предложения. Следовало бы отнестись к этому спокойно и не отвечать совсем. Но авиационная карьера полетела к черту, и я был в депрессии, поэтому плохое настроение подхлестнуло мою реакцию. Я разозлился, что он выбрал жертвой подкупа именно меня. И, черт подери, я выпалил, не думая:

— Да-а-а-а? А почему бы, например, не пять?

Он по-прежнему смотрел в сторону; не видя выражения моего лица. Ответ последовал немедленно.

— Я должен запросить Центр».

Так началось сотрудничество Веннерстрема с советской военной разведкой.

Потом ему не раз припомнят деньги, получаемые от советских сотрудников. Никто не отрицает, была оплата, впрочем, весьма небольшая, но не это главное. Стиг работал не из-за денег. Во всяком случае, не они были самым важным в его деятельности. Тогда что?

Не забудем, что период времени, в который Веннерстрем сотрудничал с советской военной разведкой, приходится на постоянное и все нарастающее противостояние двух мировых систем. Ему, человеку прекрасных аналитических способностей, имеющему доступ к натовским документам, не сложно было понять, к каким пагубным последствиям приведут агрессивные намерения Североатлантического альянса во главе с США. Он не желал новой мировой войны и согласился на сотрудничество с ГРУ, чтобы выравнять баланс сил, не позволить мощной военной силе НАТО обрушиться на СССР.

«Сам Веннерстрем, — говорил о нем генерал-майор ГРУ Виталий Никольский, — никогда не просил у нас никаких прибавок. Все это домыслы, что он был скупым, алчным, что его

купили и что он работал ради денег… Он никогда бы не пошел ни на какое меркантильное сотрудничество с иностранной разведкой. В его мировоззрении не было никакой другой основы, кроме осознания опасности, к которой может привести деятельность вооруженных сил США и НАТО для судеб мира».

ОСОБАЯ РОЛЬ ЦЕННОГО АГЕНТА

На суде он не признал себя виновным и заявил, что история их рассудит. Через десять лет своего тюремного заключения Стиг написал мемуары, и из них видно: Веннерстрем остался верен себе. Величайший супершпион времен «холодной войны» сам отвечает на этот вопрос:

«Американцы в те дни хорошо осознавали свое военное превосходство. Звучали агрессивные высказывания «ястребов» среди военных и дипломатов — все это производило на меня грустное впечатление. Я опасался реальности третьей мировой войны…

Впоследствии над моими усилиями насмехались, с издевкой замечая, что я «поставил не на ту лошадь». Но если бы кто-нибудь сказал нечто подобное в то время, я бы не принял к сведению. Я играл важную роль и считал, что она должна быть сыграна до конца.

«Успешная мимикрия — и больше ничего», — писалось позже в одной статье в США. «Отличная обработка мозгов», — сказал уже здесь, дома, кто-то не по годам быстро созревший. На самом деле я не был продуктом ни того ни другого. Просто я был одержим мыслью, что играю нестандартную, особую роль, и эта мысль росла во мне из года в год…»

И действительно, Стиг Веннерстрем играл особую роль. Иначе за что он получил беспрецедентный приговор в своей собственной стране — пожизненное заключение? При том, что максимальный срок в Швеции ограничивается десятью годами тюрьмы. Тем более, сегодня известно: он практически не работал против своей страны. Вся его разведдеятельность была направлена против агрессивного блока НАТО и США.

Что же успел сделать за почти полтора десятка лет работы на ГРУ Веннерстрем? Ответ один — многое успел. Но чтобы ответить на него конкретнее, вернемся в послевоенную Швецию, когда Стиг складывал чемоданы, чтобы отправиться в Москву.

И вот он снова в столице Советского Союза. Обжился, огляделся. Не сомневался, что за ним следят и вскоре появится посланец из военной разведки. Так и случилось. Однажды вечером у особняка посольства, где жил Веннерстрем, его кто-то окликнул и передал письмо. В нем была крохотная бумажка. На ней даты основной и резервной встреч.

В обусловленное время у памятника Пушкину к нему подошел Николай Никитушев, которого он знал еще по работе на родине, в Швеции. Полковник пригласил Стига в машину, и они

поехали в Серебряный Бор. Автомобиль заехал во двор одного из домов.

Обстановка внутри дома была вполне романтичной: в камине потрескивали дрова, на столе стоял самовар, на тарелке лежали свежеиспеченные пироги. На полу сидел кот.

Никитушев начал разговор с воспоминаний о Стокгольме, потом перешли к НАТО и его агрессивным планам. Полковник вновь уточнил, существует ли секретный договор Швеции с НАТО, и получил от Стига отрицательный ответ.

— Знаешь, — сказал Никитушев, — мой начальник хотел бы услышать о шведском нейтралитете лично от тебя.

— А кто он?

— Начальник второго управления.

Веннерстрем согласился.

На новую встречу кроме Никитушева прибыли еще двое. Один представился Павлом Константиновичем. Он и был начальником управления. Другой сопровождал генерала.

Стол был накрыт. Выпили, закусили, и генерал пригласил Стига в отдельный кабинет. Вновь разговор пошел о шведском нейтралитете. Потом генерал стал с тревогой говорить, что посольство США и посольства других стран НАТО проводят скоординированную разведку.

— Мы хотели бы понять, какая роль отводится воздушной войне против нашей Родины, — сказал начальник управления.

— Поскольку это не затрагивает шведских интересов, я готов помочь.

В свою очередь, для упрочнения позиций Веннерстрема в Москве, он предложил побольше информации. Так началась их совместная работа в столице СССР. ГРУ не только просило информацию, оно занималось и профессиональной подготовкой агента. Позаботились военные разведчики, чтобы у Веннерстрема появилась служебная машина, собственная отдельная телефонная линия. Все эти усилия не пропали даром. Перед Стигом была поставлена задача накапливать данные о так называемой карте целей для натовских бомбардировок советских городов, промышленных и военных объектов. Конечно, разгадкой этого «ядерного ребуса» занимался не один Стиг. Но он внес свою достойную лепту.

«Свежие воспоминания о бомбежках Второй мировой войны, — напишет в своих мемуарах Веннерстрем, — заставили меня с тревогой наблюдать, как американская разведка все больше акцентировала внимание на новых и новых целях бомбардировки. Особенно тревожно, что это были промышленные объекты и жилые районы, а в арсенале накапливались атомные

бомбы неслыханной силы…

Карта была страшным документом, показывающим, как легко громадная нация может быть уничтожена в случае войны».

Поскольку Веннерстрем имел в Москве большую свободу, чем атташе натовских стран, к нему нередко обращались с просьбами американцы, например, узнать, кроют ли крыши в некоторых городах Украины листовым железом, или как прежде, используют для этой цели торф. Поначалу Стиг даже не мог понять, зачем американцам нужна подобная информация.

Оказывается, бомбардировать собирались с большой высоты, чтобы взрыв атомной бомбы не повредил самолет. А поскольку предусматривались ночные полеты, при которых эффективность ПВО низка, рассчитывали на РЛС. Крыши из железа хорошо видны на экранах радиолокационных станций, а вот у торфа видимость нулевая.

Откровенно говоря, Стиг был поражен такой скрупулезностью американцев при подготовке новой мировой войны.

Позже, когда Веннерстрем будет уже военным атташе в США, он ознакомится с работой тренажера, созданного американцами на базе стратегических бомбардировщиков в Техасе.

Будучи сам пилотом, он увидит залитое водой пространство в носовой части самолета. Оказывается, по дну этого бассейна, заполненного тонкой пленкой воды, двигалась карта. Так создавалось впечатление, что самолет летит. Карта, конечно же, территории Советского Союза. На ней Веннерстрем во многих местах приметил металлические пластинки. Поинтересовался, мол, что это?

— Города, поселки с крышами из листового железа. Они отлично видны на экране РЛС.

Вот и всплыли его железные украинские крыши.

«ПОЛКОВНИК, ВЫ АРЕСТОВАНЫ…»

А в США полковник Веннерстрем уехал после того, как закончился срок его командировки в Москве. В январе 1952 года он убыл из столицы СССР, а в марте того же года на борту судна «МС Кунгсхольм» отбыл в США.

В Вашингтоне его руководителем стал советский военно-воздушный атташе генерал-майор Виктор Кувинов. Отснятую пленку с ценной информацией агент передавал при встрече методом рукопожатия. Бывало это в разных, даже самых людных местах, на вечеринках, дипломатических приемах. Что тут особенного, два атташе здороваются друг с другом. Стиг вспоминал, что получалось это у них классно, тем более что у Кувинова «были большие кисти рук, как раз подходящие для этой цели».

Конечно, когда речь шла о нескольких кассетах, метод рукопожатия не подходил. Так случилось, когда Веннерстрем добыл ценные сведения о миниатюрных лампах, которыми интересовались в Москве. Пришлось для этой цели применить «почтовый ящик».

В США Стигу по заданию Центра пришлось заниматься различными вопросами, иногда весьма далекими друг от друга.

Так, в день вступления в должность нового президента Эйзенхауэр говорил о «порабощенных народах» Восточной Европы и о том, что американцы не могут смотреть на это равнодушно.

Веннерстрем был приглашен на торжество, слышал слова Эйзенхауэра и, признаться, подумать не мог, что вскоре из Центра получит задание— выяснить, носило ли это высказывание риторический смысл или за ним последуют определенные политические, а возможно и военные действия.

Совсем иным стало задание по добыванию нового, современного, совершенно секретного прицела для метания атомных бомб. Смутило Стига то, что американцы называли его «шведским». Оказалось, действительно, речь шла о устаревшем «бомбовом прицеле», который использовался в ВВС Швеции еще в сороковые годы. С ним работал в ту пору и сам Стиг. Но как его можно применять для метания атомных бомб?

За выяснение этого вопроса и взялся информатор ГРУ. Он побывал на авиационной базе в Лас-Вегасе, в центре летной подготовки ВВС США, посетил ее руководителя, получил доступ к прибору. Да, в основу создания современного электронного устройства была положена шведская идея, но на самом деле она имела мало сходства со старым изделием.

Удалось не только понять, каким образом работает прицел, но и добыть документ под названием: «Принципы конструкции прицела для метания атомных бомб». Это было как раз то, что очень интересовало Центр.

Пять лет работал военно-воздушный атташе Швеции и агент советской военной разведки Стиг Веннерстрем в США. Теперь ему предлагали либо вернуться в Швецию, либо перебраться в Лондон на соответствующую должность. Стиг думал две недели. Он размышлял, колебался, но потом, наконец, принял решение. Он возвращался в Стокгольм. Увы, решение оказалось роковым.

Теперь ему предстояло служить в составе Командной экспедиции Министерства обороны и осуществлять связь между ВВС и военным ведомством, а также вести работу с военными атташе.

В 1961 году Веннерстрем ушел в отставку и был принят на работу советником в МИД. Все эти годы он сотрудничал с советской военной разведкой.

… В июне 1963 года на мосту Норрстрем в Стокгольме Стиг Веннерстрем услышал тихий, деликатный голос за спиной:

— Полиция безопасности! Полковник, вы арестованы.

До сих пор доподлинно не известно, как шведская контрразведка — СЭПО вышла на него. Кто-то считает, что он попал в поле зрения полиции еще в 1941 году, когда возвратился из первой командировки из Москвы, иные утверждают, якобы ошибки допускали его кураторы из ГРУ и это повлияло на его безопасность, есть и те, кто склоняется к мысли, что сам агент проявлял беспечность и неосторожность. Теперь вряд ЛИ удастся назвать истинные причины и виноватых в провале одного из самых ценных агентов ГРУ.

Стиг Веннерстрем получил пожизненное заключение, но в 1972 году вышел на свободу и жил в Стокгольме. Он умер весной 2006 года в возрасте 99 лет в стокгольмском доме престарелых.

«МОЯ ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ»

В 1969 году в Ливане случилась трагедия: пятью выстрелами в упор был расстрелян резидент советской военной разведки полковник Александр Хомяков. Однако, несмотря на тяжелейшие ранения, резиденту чудом удалось выжить. Ливанские врачи сделали все возможное и невозможное, чтобы спасти полковника, а через сутки специальным рейсом он был доставлен в Москву.

Но, как говорят на Руси, пришла беда, открывай ворота. В это же время у нашего военного атташе в Ливане полковника Ивана Пупышева заболела супруга, и он срочно убыл на Родину.

Советская военная разведка в этой стране оказалась обезглавленной.

Человеку стороннему, несведущему в делах разведсообщества, возможно, покажется странным столь пристальное внимание нашей разведки к этой маленькой стране. Все население Ливана в ту пору составляло около 2,5 миллиона человек. По сути, это один город Киев — столица Украины. Казалось бы, о чем тут говорить. Для огромного Советского Союза и его мощной разведки совсем не те масштабы. Оказывается, все обстояло иначе.

Агент ГРУ швед Стиг Берлинг в интервью одной из российских газет так охарактеризовал обстановку в Ливане: «Если бы вы видели Бейрут (столица Ливана) начала 70-х! Это был центр мирового шпионажа. Островок относительного мира в центре арабо-израильского конфликта. Каждая уважающая себя разведка держала там свою резидентуру, бары были полны шпионов. Самым престижным считался бар при гостинице «Сент-Джордж». Обычных людей там не было — одни шпионы. Новичка наперебой угощали, стараясь выяснить, чем он может быть полезен и на кого работает. Все продавалось и покупалось».

Думается, Стиг Берлинг, который провел на Ближнем Востоке не один месяц своей службы, весьма точно охарактеризовал разведобстановку в Ливане. Да, действительно, там сошлись интересы разведок ведущих стран мира. Очень сильные позиции были у американцев. Как всегда, им противостояли советские разведчики.

Полковник Александр Никифоров в одной из наших бесед сказал: «С точки зрения разведки Ливан — это трамплин в любую страну. Ливан располагается на пересечении путей из Европы в Азию и в Африку, из Америки — в остальной мир. Отсюда идет постоянный транзит по морю, по воздуху. Там и развернулась наша «битва с американцами».

Остается добавить к словам Александра Никифорова, что резидент ГРУ Хомяков едва не погиб в этой «битве». Теперь его предстояло срочно кем-то заменить. Но кем? Ведь освободилось и место военного атташе. Это означало, что офицер, который приедет в Бейрут, должен стать и военным атташе, и резидентом ГРУ одновременно.

И им стал полковник Александр Никифоров. Девять лет прошло с тех пор, как он перевелся из академии в службу спецрадиосвязи. Теперь полковник вновь возвращался на оперативную работу.

Американцы не забыли его. К их большому неудовольствию энергичный, хитроумный, опытный разведчик Норман (такой псевдоним присвоили Никифорову американцы еще во время его пребывания в США) вдруг неожиданно «всплыл» в Ливане. Подняв архивные документы контрразведки, они поняли: перед ними опасный противник. Неспроста четырнадцать лет назад Нормана объявили в Штатах персоной нон грата и постарались поскорее выпроводить из страны.

В свою очередь, и полковник Никифоров, трезво оценивая обстановку, осознавал — американцы держат в Ливане аппарат разведки, как минимум, в несколько раз превышающий его резидентуру. Так, например, только военных атташе США в Бейруте было трое, а он — один. Да и аппарат у него по своему составу был весьма скромным.

Многое из того, что сделал в Бейруте полковник Александр Никифоров, раскрыть сегодня, да и в ближайшие годы, вряд ли удастся. Но кое-что рассказать, возможно. Например, о том же агенте Стиге Берлинге, которого арестовала израильская разведка Шин Бет. Было это в марте 1979 года, и руководил Берлингом совсем другой офицер ГРУ.

…Стиг спешил в аэропорт. Заказал такси, попросил шофера поторопиться. Он, объяснил таксисту, боялся опоздать встретить свою подружку. Но Стиг лукавил. Торопился он совсем не на свидание. В кармане у Берлинга лежал билет на самолет, улетающий в Копенгаген.

Шесть лет прошло с тех пор, как он начал работать на русскую разведку. В Париже Стига предупредили, чтобы не ездил в Израиль. Он не прислушался к совету. И вот теперь Берлинг надеялся как можно скорее исчезнуть из этой страны.

Но все пошло не так: водитель такси почему-то остановил машину у зала вылета, хотя Стиг ясно сказал, что спешит встретить прилетающую подружку. Потом он собрался позвонить в Стокгольм, но ему заявили, что международной связи нет. Неожиданно вспомнились начищенные до блеска ботинки

таксиста. Такой блестящей обуви Стиг не мог припомнить у местных таксистов.

Берлинг не на шутку разволновался. Поспешил зарегистрировать билет и не мешкая прошел к стойке паспортного контроля. Улыбающаяся женщина-полицейский полистала его паспорт и попросила пройти с ней, мол, есть какие-то вопросы по оформлению документа. Она провела Стига коридорами аэропорта, остановилась у одной из дверей, постучала. Ей открыли. Берлинг вошел в комнату.

На стульях сидело трое мужчин. Один из них предложил Стигу присесть и пододвинул рюмку водки. Берлинг сказал, что с утра не пьет. Тогда другой мужчина с усмешкой спросил: «Разве в Советском Союзе не пьют так рано?»

Наконец, один из троих, видимо старший, сказал, что они сотрудники израильской контрразведки Шин Бет и им все известно. Стиг молчал. Тогда старший уточнил: они знают, что господин Берлинг является агентом советской военной разведки и ведет работу против Израиля. Далее ему предложили продолжить беседу в номере отеля, если он согласится сотрудничать с Шин Бет, или в камере тюрьмы, в случае отказа. Стиг, не долго думая, выбрал отель. Старший из контрразведчиков наполнил рюмки водкой. На этот раз Берлинг не отказался.

Водка обожгла ему гортань, и Стиг вдруг вспомнил предупреждение Алекса о том, что на Ближнем Востоке шпионы нередко исчезают бесследно. Он даже представил свое безжизненное тело в контейнере для мусора…

Однако Стиг Берлинг не исчез бесследно. Более того, когда дело его получило широкую огласку, он стал одним из самых известных людей в Швеции. О нем много писали, говорили, спорили, называли «самым крупным и опасным шпионом» в истории страны.

Дело другого советского агента, полковника Веннерстрема, к тому времени уже порядком забылось, и журналисты «ухватились» за Стига. Надо признать, что к таким заявлениям прессу подталкивал и приговор, который был крайне суров, если не сказать жесток. Суд приговорил советского агента к пожизненному заключению.

«Я СТАЛ НАСТОЯЩИМ ШПИОНОМ»

Так кем же он был на самом деле — Стиг Берлинг — крупнейшим и опаснейшим шпионом во всей истории Швеции или, наоборот, как считали некоторые, авантюристом и болтуном, бахвальство которого и привело к пожизненному заключению, а то и вовсе жертвой заговора в шведской контрразведке (СЭПО), как писала газета «Дагенс Нюхетер».

Однако, чтобы ответить на этот вопрос, следует прояснить ситуацию: почему, рассказывая о военном разведчике Александре Никифорове, мы вспомнили вдруг об агенте Стиге Бер-линге? Оказывается, не вдруг. Тот самый «крупный и опасный шпион» как раз и был завербован полковником Никифоровым. Алекс, о предостережении которого во время ареста вспоминает Стиг, есть не кто иной, как резидент ГРУ в Ливане.

А теперь все по-порядку.

…В мае 1996 года Стиг Берлинг написал свое пятое письмо на имя премьер-министра Швеции Иерана Перссона. Он отсидел в тюрьме уже более 10 лет и просил о помиловании. В этом послании Берлинг сравнивал свою шпионскую деятельность на военную разведку Советского Союза с работой Стига Веннерстрема. Разумеется, как всякий провалившийся агент, да еще отбывающий срок в тюрьме, он очень скромничал, доказывая, что возможностей по добыванию секретной информации не имел и потому вреда родной стране особо не нанес. Зато в сторону Веннерстрема кивал, доказывая, что тот сделал намного больше.

Никто не спорит — полковник Стиг Веннерстрем агентом был ценным и должности в Вооруженных силах Швеции занимал немалые. Он служил военно-воздушным атташе в Москве, потом в Вашингтоне, работал консультантом по вопросам разоружения в МИДе. Действительно, материалы и документы, которые он передавал в ГРУ, носили секретный и совершенно секретный характер и оценивались очень высоко. Следует согласиться, что и возможности у Веннерстрема были достаточно широкие.

А что же Стиг Берлинг? Неужто шведское правосудие допустило такую трагическую ошибку и приговорило к пожизненному заключению почти невинного человека? И по какому поводу неистовствовала пресса, пытаясь лепить из «пустышки» крупнейшего в истории страны шпиона?

Выходит зря корпел над своею книгой «Враг врага» писатель Я. Гиллоу, выписывая характер главного героя Сандстре-ма — рубахи-парня, выпивохи, охотника за женщинами, в котором так угадывался Стиг Берлинг.

Нет, все обстояло, конечно же, иначе. Шведское правосудие не ошиблось, и пресса была недалека от истины. Стиг Берлинг работал на советскую военную разведку, и работал весьма эффективно. Да, он не занимал крупных государственных постов, и его служебный рост ограничился всего лишь званием капитана. Но, как говорят в разведке, не надо вербовать министра, достаточно, чтобы на нас работал скромный шифровальщик министерства.

Достаточно сказать, что в армии Стиг служил в полку береговой артиллерии, а через несколько лет, уже работая в полиции, поступил в элитный вуз — военно-морское училище в Нэсбю.

«Впервые в истории полицейский, — напишет позже о себе Берлинг, — стал слушателем престижного вуза, победив в большом конкурсе других кандидатов». Правда, после окончания училища ему не нашлось должности в армии, но образование Стиг получил основательное.

Потом в течение последующих лет он постоянно будет возвращаться в армию— проходить стажировку в 10-м танковом полку, учиться на курсах офицеров резерва, где проходил подготовку по разведке и безопасности в высшей военной школе в Стокгольме.

В 1971–1972 годах Стиг Берлинг работает в штабе обороны Вооруженных сил Швеции. Если его должность в полиции называлась всего лишь «криминальный ассистент», то теперь он был «первым чиновником». Да еще каким чиновником. Стиг трудился в отделе безопасности.

Это что касается армии. В полиции он тоже прошел немалый путь и обрел солидный опыт. Начав с рядового полицейского на участке Естермальм в Стокгольме, Стиг учился в высшей полицейской школе, служил в Главном полицейском управлении в отделе пикетов, в международном отделе, в паспортном контроле, в охране аэропорта. Так что и полицейскую службу он знал неплохо.

Не чурался он и отношений со спецслужбами. Еще в 1968 году, перед отъездом на Кипр в состав шведского батальона ООН, от сотрудников СЭПО он получил задачу: информировать их о незаконной деятельности шведского персонала войск ООН. И Стиг делал это добросовестно.

А по возвращению на родину без особых проволочек он был зачислен непосредственно в штат СЭПО, в отдел контрразведки, который, кстати говоря, работал против СССР. В обязанности Берлинга входила слежка за сотрудниками советских диппредставительств в Стокгольме.

После очередной командировки он вновь в январе 1974 года возвратится в СЭПО.

Так что можно с уверенностью констатировать: Стиг Берлинг отлично изучил и работу шведской контрразведки.

И, наконец, его деятельность за рубежом. В 1968 году служил в войсках ООН на Кипре в звании лейтенанта. В 1969–1970 годах шеф военной полиции шведского Ооновского батальона, в 1972–1973 годах Берлинг— военный наблюдатель на Ближнем Востоке, уже капитан, следующий, 1974 год он проводит тоже на Ближнем Востоке, заключив контракт с транспортной службой ООН. Таким образом, Стиг Берлинг за время своих командировок прекрасно изучил Ближний Восток, Кипр, посетил другие страны, такие, как Эфиопия, Танзания, Кения.

Возникает естественный вопрос: какая же разведка не обратит внимание на человека с таким жизненным и профессиональным опытом? Кстати говоря, советские военные разведчики были не первыми, кто привлек Берлинга к работе.

Еще в 1968 году, в свою первую командировку на Кипр, он познакомился с военным атташе США полковником Гильдерсливом и даже просил его содействия в поступлении на службу в армию США. Однако из этого ничего не получилось.

В 1969–1970 годах, опять же на Кипре, будучи шефом военной полиции шведского батальона ООН, он поддерживал тесные контакты с западными разведслужбами, особенно с английскими СИС и МИ-6. Выполнял их задание, совершая морское путешествие на советском туристическом лайнере «Украина». Следил за британским военнослужащим.

Однако по-настоящему завербовать Стига Берлинга удалось советским разведчикам, и в частности полковнику Александру Никифорову.

В своих воспоминаниях Берлинг пишет: «Здесь все продавалось и покупалось, от ковров до орудий и ракет. Разведслужбы различных стран имели в Бейруте свои резидентуры, а разведчики действовали как с легальных; так и с нелегальных позиций. Этому способствовало то, что ливанская служба безопасности практически не чинила им препятствий.

Некоторые разведслужбы пытались открыто вербовать офицеров войск ООН, так как именно они имели право неограниченного передвижения в регионе и посещения различных военных и закрытых объектов и территорий. Прежде всего, этим занимались американцы.

Примечательно, что американские офицеры-наблюдатели не имели разрешения на посещение территории Сирии, а советские наблюдатели ООН, находившиеся в Сирии и Египте, не могли

посещать Ливан и Израиль».

Далее Стиг Берлинг рассказывает, как он сам, инициативно, обратился к советским дипломатам и предложил свои услуги.

«В период службы в Бейруте, — рассказывает Берлинг, — я неоднократно слышал, что в советском посольстве работает очень симпатичный и активный военный атташе, который имеет контакты с персоналом ООН. Выяснил его имя — Алекс; узнал, что он был объявлен персоной нон грата в США.

Октябрьская война заканчивалась, и я решил, что имею все основания встретиться с советским военным атташе».

Алекс, как называет его Стиг, или Александр Никифоров, трактует те события несколько по-иному.

«Я Берлинга приметил давно. Он общительный, хотя в кругу разных людей нередко говорил такое, что ему, как офицеру ООН, говорить не положено. Это нацелило меня на него. Как-то на приеме подошел к нему, предложил встретиться, поговорить. Он не отказался.

Откровенно говоря, для меня Стиг был очень важен. Он вхож в разные места как офицер ООН».

Так или иначе, они встретились, и Берлинг начал работать на военную разведку Советского Союза.

Уже вскоре после первой встречи Стиг предложил некоторые документы.

— Они в Бейруте? — спросил Никифоров.

— Нет, в Стокгольме, хранятся в сейфе одного из банков. Но я могу доставить их сюда, если вы заинтересованы, — ответил Берлинг.

— Мы заинтересованы, — подтвердил атташе.

На следующий день Стиг приобрел билет на самолет и вылетел в Стокгольм. Там, в банке на улице Эрик Дальбергсгатан, забрал из сейфа документы, заехал на квартиру и вскоре отправился обратно в аэропорт Арланда. Через Копенгаген, Амстердам и Будапешт возвратился в Бейрут. И тут узнал, что как раз в тот день, когда он находился в Стокгольме, умер его отец. Но возможности лететь обратно в Стокгольм уже не было.

Документы он передал Никифорову.

Через неделю состоялась их новая встреча на квартире Алекса. Стиг познакомился с женой атташе — Татьяной. Никифоров сказал, что Москва довольна полученными материалами и надеется на дальнейшее сотрудничество. Затем вручил Стигу 8 тысяч ливанских фунтов, что соответствовало 18 тысячам шведских крон.

Позже Берлинг напишет, вспоминая эту встречу:

«Моя тайная жизнь началась. Теперь я стал настоящим

шпионом».

СВЕРХСЕКРЕТНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ НЕСС ЗИОНА

… 1973 год подходил к завершению. Заканчивалась командировка Стига на Ближнем Востоке. Вскоре ему предстояло убыть на родину. Но для Александра Никифорова Берлинг необходим был в Бейруте. В ноябре они встречались несколько раз, обсуждали перспективы сотрудничества. Выход был найден. Договорились, что Стиг возвращается в Швецию, оформляет отпуск, подает заявление в Женеву с просьбой на работу по линии ООН.

Так он и сделал. Вначале января нового, 1974года Стиг вышел на службу в СЭПО, а уже 22 января выехал на машине обратно в Бейрут.

Через неделю Берлинг позвонил Никифорову. Они встретились. Александр был рад возвращению агента. «Однако время шло, — скажет потом Стиг, — а ответа из Женевы не было. За время вынужденного бездействия мы сблизились с Алексом. Мы стали действительно друзьями».

Чтобы подтолкнуть контракт с транспортной службой ООН, Берлингу пришлось слетать в Женеву. Проблема разрешилась. Стиг получил дипломатический паспорт ООН и мог беспрепятственно передвигаться по всему Ближнему Востоку. В его обязанности входило сопровождение большегрузных автомашин в Ливан, Иорданию, Израиль.

Теперь Стиг имел широкие возможности для разведрабо-ты, и нет сомнения, вместе с полковником Никифоровым они сделали бы многое, но судьба распорядилась по-своему.

Александра Никифоровича и его супругу постиг неожиданный и страшный удар— в Москве при родах умерла их единственная дочь. Ребенка удалось спасти. Предстояло срочно возвратиться домой и заняться внуком. Кстати говоря, Никифоровы воспитали внука как собственного сына, но горечь утраты всю жизнь преследовала их. Как истинный военный, боевой офицер, Александр Никифорович не любил жаловаться, но однажды с горечью признался: «Моя жизнь — бесконечные командировки. Помотался по свету порядком. Дочь потерял. Будь я в Москве, а не в далеком Бейруте, все было бы по-иному».

Возможно и так. Кто знает? Но тогда ему пришлось попрощаться со Стигом и передать агента другому офицеру.

«Алекс сообщил, что завершает свою командировку в Ливане, — напишет в своих воспоминаниях Берлинг. — Для меня

это было неожиданно и тяжело. Инстинктивно я чувствовал, что с новым руководителем будет хуже. На мои комментарии Алекс заметил: «Не беспокойся, Александр Никифоров всегда за твоей спиной».

Скорее всего, эти слова были сказаны, чтобы успокоить Стига, настроить на перспективную работу. В конце концов, резидент военной разведки в Ливане потратил немало сил на то, чтобы заполучить такого агента. Теперь этот агент должен был хорошо потрудиться, пусть не с ним, под руководством другого разведчика, но во имя и во благо их родного государства.

Вряд ли полковник, покидая Бейрут, рассчитывал когда-нибудь еще встретиться со Стигом Берлингом. В 1979 году Никифорову исполнялось 55 лет, и он уходил в запас. Но слова: «Я всегда за твоей спиной», как ни странно, оказались пророческими.

Стиг Берлинг неплохо поработал, особенно по военным объектам Израиля, таким, как военно-воздушные базы, научные учреждения. Например, по секретной лаборатории биологического оружия. «Как-то в туалете на одном дипломатическом приеме, — рассказывает в своем интервью Берлинг, — Сергей Ермолаев (он принял на связь Берлинга у Никифорова. — Авт.) передал мне записку. Там было написано: «Сверхсекретная лаборатория Несс Зиона, ЦРУ, но ведут дела израильтяне. Исследования биологического оружия».

Мне предлагалось съездить в этот городок и разузнать о лаборатории подробнее. Легче сказать, чем сделать. Но я все же отправился туда. Подъехал к ограде с надписью: «NessZiona Researchlnstitute». Выходит охранник, я представился исследователем из Каролинского института в Стокгольме, сказал, что хотел бы поговорить с кем-нибудь из коллег… Прием глупый, но именно потому, возможно, и сработал.

Охранник попросил подождать в комнате для гостей, позвонил куда-то, ко мне явился ученый, похожий на молодого Эйнштейна. Ему я сообщил, что мой брат работает в Каро-линке, хотел бы завязать научные контакты. Эйнштейн жутко заинтересовался. Весь научный мир, связанный с медициной и биологией, знает, что Каролинка выдвигает на Нобелевские премии, и этот парень решил, что такой полезной связью нельзя пренебрегать…

Он притащил целую кипу бумаг. Втом числе отчет о годовой деятельности института! Он рассказал, что они экспериментируют с африканскими болезнями.

Когда я привез Сергею документы, он был поражен…»

Берлинг продолжал работать на военную разведку Советского

Союза и после своего возвращения с Ближнего Востока в конце 1974 года. Тем более что он опять трудился в шведской контрразведке. И, судя по всему, делал это неплохо. В 1976 году он получает повышение по службе — теперь Стиг начальник группы контрразведки, работающей против СССР. Отныне все доклады, сообщения по этой теме проходят через него.

Вскоре такое сообщение заставило его порядком понервничать. В одном из документов он прочел: «Советский военный атташе в Стокгольме полковник Георгий Федосов планирует перейти на сторону НАТО». Более того, Берлингу и его подчиненным предписывалось не препятствовать выезду советского атташе из столицы.

«А если атташе что-то знает об агенте Берлинге?» — возник закономерный вопрос, и Стига прошиб холодный пот.

Переход Федосова на Запад планировался на 7 мая. Отправлять письменное сообщение не было времени, ехать в ГДР, где находился теперешний его куратор, далеко, да и не безопасно, об обращении в советское посольство в Стокгольме не могло идти и речи.

Стиг решил двинуть в Польшу. Прикинувшись больным, взял билет до г. Юстада, затем пересел на паром до Польши. В Варшаву прибыл 6 мая, приехал в советское посольство.

Его приняли. Капитан, помощник военного атташе, сказал, что с ним будет беседовать представитель Центра. Стиг обо всем рассказал этому представителю, показал копию телеграммы, которую привез с собой из СЭПО.

…По возвращению в Швецию Берлинг узнал, что советского военного атташе неожиданно арестовали и на ближайшем самолете «Аэрофлота» он был отправлен в Советский Союз.

До марта 1979 года, когда Берлинг окажется в руках агентов Шин Бет, остается еще три года. Он успеет поработать в СЭПО, послужить сменным начальником полиции в аэропорту «Арланда», пройти курсы военной полиции в Дании и уезжает в штаб-квартиру ООН в Египте. Будучи начальником военной полиции, он вновь обретает право свободного передвижения. Посещает Иерусалим, Бейрут, провозит контрабандой золото. В это время он замечает за собой «хвост». После окончания командировки в Египте, уже в Европе, в Брюсселе, снова «вскрывает» слежку. Его очередная подружка, Тамар Голан, израильская журналистка, признается: ее допрашивали в Моссаде, интересовались их отношениями. Она советует Стигу не ездить в Израиль.

Далее события развивались так: допросы в израильских спецслужбах, возвращение в Швецию, суд, пожизненное

заключение.

Первые три года Берлинг провел в камере-одиночке, как особо опасный преступник. У него начались психические расстройства, он неоднократно лежал в тюремном лазарете, лечился в психбольнице, протестовал против такого жестокого содержания, объявлял голодовку, но его упорно держали в одиночке. Такой режим содержания предписывала его бывшая «контора» — СЭПО. Она же строго следила за исполнением этого режима.

Только через пять лет, в 1984 году, он был переведен на содержание общего режима, получил возможность общаться с заключенными тюрьмы в г. Норрченинг. На следующий год Стига стали отпускать из тюрьмы на свидания с матерью. Однако при этом контрразведка всегда очень пристально следила за его передвижениями.

В 1986 году Берлинг стал планировать побег в Советский Союз.

Когда-то один из его руководителей заверил Стига, что ГРУ никогда не бросает своих агентов. Что ж, теперь Берлинг решил проверить правдивость этого заявления. Он не знал, где находится его первый резидент Алекс, чем занимается, но верил: Никифоров всегда за его спиной.

Побег планировал совершить во время суточного увольнения либо из квартиры матери, либо из дома своей нынешней подружки Элизабет. К лету 1987 года он уже продумал маршрут побега через Финляндию. Был еще один вариант — через Данию, ГДР, но Берлинг отказался от него. В этих странах существовал более строгий паспортный контроль.

Во время своих увольнений из тюрьмы Стиг хорошо изучил особенности наружного наблюдения у дома Элизабет. Можно считать, ему повезло: стационарных постов Берлинг не обнаружил. Это означало, что до момента обнаружения побега у него будет около 12 часов. Неплохая фора.

В это время он подает второе прошение о помиловании, но получает отказ. Такой ответ шведских властей окончательно утвердил его в правильности выбранного решения.

Вместе с Элизабет начали активную подготовку к побегу. Она приобрела контактные линзы, парик, скромную, неброскую одежду, коротковолновый приемник, арендовала три машины — «Форд Эскорд», «Опель-Аскания», «Вольво-344».

ВЗЯТЬ ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ

5 октября Стиг получил увольнение. Его сопровождал надзиратель тюрьмы Янне Естер. Они добрались на такси до железнодорожной станции, потом на поезде от Норрченинга до Стокгольма. Остановились в гостинице «Англаис».

Берлинг сразу же определил слежку: две машины столичного отдела СЭПО заняли место на стоянке у главного входа в отель.

Из гостиницы Стиг отправился в сопровождении надзирателя на квартиру Элизабет. Потом надзиратель уехал, но к вечеру возвратился, чтобы сопровождать Стига и его подружку на ужин в ресторан. По дороге Берлинг заметил машины СЭПО.

После ужина они возвратились домой к Элизабет. В 23 часа Естер уехал. Следующая встреча была намечена на 13 часов завтрашнего дня. Сам Берлинг без надзирателя покидать квартиру не имел права.

Около часа ночи 6 октября переодетая, в парике Элизабет покинула квартиру. Она вышла из подъезда и двинулась к автомобилю «Вольво», который был припаркован в двух километрах от дома. Стиг наблюдал за ней. Ничего настораживающего не произошло, и тогда через 15 минут он спустился в гараж под домом и направился к выездным воротам, выходящим на другую сторону здания.

Выждав несколько минут, выбежал, замер у кустов. И вовремя. Совсем рядом стояло трое агентов контрразведки. Они обсуждали, почему Стиг не ложится спать. Берлинг забыл выключить на кухне свет.

Вскоре агенты ушли, и он продолжил путь. Элизабет ждала его в машине. Стиг издали осмотрелся, хотел было двинуться, но вдруг заметил машину СЭПО. Автомобиль остановился невдалеке от «Вольво», контрразведчики включили фары, но Элизабет сделала вид, что смотрит на подъезд соседнего дома, курит, ждет кого-то. Машина с контрразведчиками уехала, Стиг вышел из кустов и прошел рядом с автомобилем Элизабет, не останавливаясь. Это был заранее оговоренный сигнал: машина «засвечена», встречаемся у другого авто — «Опель-Аскания».

Вскоре он добрался до места парковки «Опеля», Элизабет ждала его уже за рулем автомашины. Они двинулись в сторону Гриссльехамна, что примерно в ста километрах от Стокгольма. Оттуда утром уходил паром на Аландские острова.

Прибыв на Аланды, приехали в советское консульство. Здесь их встретил молодой дипломат, который очень разволновался, услышав, что Стиг — агент ГРУ, и он просит политическое

убежище в СССР.

Вскоре из Хельсинки прибыл советский генконсул. Стиг вместе с Элизабет на пароме «Викинг Лайн» переправились в Новендаль, оттуда в Хельсинки. По дороге они услышали сообщение о своем побеге.

Их разместили в советском торгпредстве, и пока повар готовил обед, накрывали на стол, Стиг рассказал помощнику военного атташе обстоятельства своего побега. По телевизору в это время тоже сообщали о побеге «крупнейшего шпиона» и говорили, что полиция оцепила район Юрхольм, обнаружила машину «Вольво», а стало быть, поимка Берлинга дело времени.

В последующие дни по телевидению, радио Стиг и Элизабет слушали, как полицейские чины рассказывали об успехах в их поимке. Тиражи шведских газет сильно выросли за одни сутки. Теперь они только и делали, что писали о государственном преступнике, шпионе и враге Швеции номер один Стиге Берлинге. «Его нужно взять живым или мертвым», — заявил один из полицейских чиновников.

Четыре дня находились они в посольстве. Перед отъездом Элизабет вручили советский дипломатический паспорт, на Стига документы не готовились, его собирались вывезти в багажнике автомобиля.

Операция началась. Посольские машины стали выезжать и въезжать с повышенной частотой. «Хонда», в которой сидел водитель, военный атташе с супругой и Элизабет также выехали в этом потоке машин. Стиг расположился в багажнике. В его распоряжение предоставили подушку и одеяло. Так что ему было вполне комфортно.

Через некоторое время уже за городом Стиг пересел в салон. За пять километров до границы он вновь занял место в багажнике. Пограничный контроль прошли быстро и спокойно. Уже на советской территории автомобиль остановился, военный атташе открыл багажник, и молча вытащил портфель. Стиг похолодел: «Сейчас убьют», — подумал он.

Но полковник с легким поклоном вынул из портфеля бутылку водки, разложил на капоте закуску.

Холодной октябрьской ночью состоялся этот необычный пикник. Все были возбуждены, смеялись. Атташе наполнил бокалы и сказал: «Добро пожаловать в Советский Союз, Стиг!» Берлинг почувствовал, как перехватывает горло и влажнеют глаза.

Так агент военной разведки бежал из тюрьмы и оказался в Москве. Здесь его встретил генерал ГРУ. Их поселили в большой квартире. За ними ухаживала домработница, а холодильник был

забит отборными винами, шампанским, деликатесами: вырезкой, икрой, лососем.

Вскоре им сделали советские паспорта. Он — Ивар Стра-утс, рожденный в Риге, она — Элизабет Страутс, из Клайпеды. По легенде ГРУ семья переехала из Прибалтики, из района, где был совершенно утрачен русский язык.

«На семью выдавалось 350 рублей в месяц, — напишет позже Стиг Берлинг, — чего вполне хватало. Такой уровень имели генеральские семьи. Деликатесные продукты всегда были на столе, причем в основном зарубежного производства».

А однажды дверь квартиры открылась и на пороге предстал… Александр Никифоров. Это была встреча! Старые друзья обнялись, Александру Никифоровичу было уже 68 лет, он страдал болезнью Паркинсона, но мужественно скрывал это. Сбылось его собственное предсказание: жизнь сделала фантастический кульбит— Никифоров вновь был рядом со своим агентом.

Вчерашние агенты — люди сложные. Завербованные там, на Западе, многие из них лишь отдаленно представляли жизнь в Советском Союзе. Да и представления были, как правило, далеки от истины. Попадая в страну, которой служили, ради которой работали, они оказывались в другом мире. Неведомом, незнакомом. Родственники, друзья остались там, куда уже нет возврата. Дело, подобающее их образованию, опыту, интеллекту, найти было очень трудно. Многие из них не знали русского языка. Как их вписать в советскую действительность? Особенно если это действительность конца 80-х годов прошлого столетия. Ведь речь идет о горбачевском времени с его пустыми прилавками, обозленными тяготами и невзгодами людьми.

Вот в такую жизнь и предстояло Никифорову «внедрить» своего бывшего агента. Думаю, это было намного сложнее, чем из Ооновского офицера сделать агента советской военной разведки.

Не забудем, что к тому времени Никифорову уже под семьдесят и он действительно серьезно болен. Откажись, сошлись на возраст, стояние здоровья (а это вполне соответствовало действительности) — его бы поняли, поручили бы Берлинга молодым коллегам. Но он не отказался. «Это ведь мой агент», — признается однажды Александр Никифорович в разговоре со мной.

Поняла, поддержала мужа и Татьяна Ивановна.

А проблем было не мало. Кроме сугубо бытовых (а они в ту пору решались крайне сложно) — хорошего питания, благоустроенного жилья, подбора одежды для самого Стига и особенно для Элизабет, возникал естественный вопрос, где их поселить на постоянное место жительства, чем занять. Ведь они

не говорят по-русски. Поэтому после первых их встреч Алекс сказал Стигу: «Теперь займемся вашим будущим». А пока, откровенно говоря, занять Стига и Элизабет было нечем. Алекс иногда давал Берлингу для перевода какие-то справки об австрийской пенсионной системе, инструкции по шведским лекарствам. В конце концов, Берлингу это надоело, и он сказал Никифорову: «Должно найтись более серьезное занятие в соответствии с моими знаниями». Никифоров это понимал, но поделать ничего не мог.

Они встречались семьями, ходили вместе в цирк.

В своих воспоминаниях Берлинг напишет, что интересной поездкой стало для них посещение Загорска. Но чего стоила эта «интересная поездка» для Никифорова.

После осмотра прекрасных церквей Загорска Стиг и Элизабет, естественно, захотели перекусить. Понятно, в Швеции, это обычное дело. Но у нас в горбачевские времена большая проблема.

«Пришли мы в закусочную, — рассказывал мне о той поездке Никифоров, — а там пустые полки, водка в разлив, вобла с загнутыми хвостами. Ею хоть гвозди забивай. Да еще яйца вкрутую. Вот такая наша жизнь.

Пошел я искать что-нибудь, встретил священника, объяснил, мол, нельзя ли купить покушать, со мной иностранцы. Сжалился батюшка, отвел в трапезную. Там удалось купить несколько пирожков».

Что и говорить, к такой жизни Берлинг и Элизабет привыкали трудно.

Однако надо было заниматься будущим агентов. Сначала решили показать им Прибалтику. Никифоров сопровождал их в поездках по Эстонии, Латвии, Литве. Позже, летом, еще один визит в Латвию, в Ригу, отрабатывали легенду четы Стра-утсов. Когда-то настоящий Ивар Страутс жил в Латвии, но исчез по время войны. Теперь Стиг вместе с сотрудником ГРУ искал свои «корни»: они были у дома, где жил Ивар, делали снимки, изготовляли фото семьи, свадебных торжеств, школы, где он учился. Стиг заучивал даты, имена, адреса. Алекс проверял Стига, заставлял работать, пока тот не усваивал мельчайшие подробности легенды.

Потом они уезжают в Литву, в Клайпеду. Теперь «оживляют» легенду Элизабет.

Однажды после возвращения в Москву их спросили: «Где бы они хотели жить?» Стиг ответил, что в Венгрии или в ГДР.

В сентябре 1988 года Стиг и Элизабет в сопровождении Никифорова и его жены Татьяны выезжают в Венгрию. Они

поселились в Будапеште. Поначалу все шло неплохо, но потом отношения с соседями испортились. Прямо напротив балкона их квартиры появилась надпись: «Страутс, еврейская свинья. Русские евреи, убирайтесь домой».

Иногда в Будапешт к ним приезжал Алекс.

Тем временем обстановка в Венгрии осложнялась, и ГРУ начинало беспокоиться за безопасность Стига и Элизабет. 9 ноября на советском военном самолете они вылетели в Москву. Их новая квартира располагалась на улице В. Ульбрихта. Вскоре получили новые паспорта. Теперь они были Артуром и Эммой Шнайдер, немцами Поволжья.

Опять встречались с Алексом и Татьяной. У Стига и Элизабет была новая служанка и деликатесы со склада ГРУ. Но денег уже не хватало. Вскоре Берлингу поднимают зарплату до 500 рублей в месяц.

Наступает 1990 год. Принято решение о выезде Стига и Элизабет за границу. Куда? Им предлагают три страны: ЮАР, Египет, Ливан. Берлинг останавливается на Ливане. Начинается подготовка к отъезду. Вновь идет работа по легенде. Теперь Стиг — выходец с Британских островов, воевал в Родезии, был ранен. С Элизабет они познакомились в госпитале, где она работала санитаркой.

«23 ноября 1990года, — напишет потом Берлинг, — квартира была полна генералами, которые давали советы, шла погрузка багажа. Алекс предупредил меня воздержаться от контактов с западными посольствами, в противном случае ГРУ ничем не сможет помочь.

Я понимал, что Алекс сыт по горло заботами обо мне и Элизабет…»

Да, это действительно так. Три года полковник в отставке Никифоров старался накормить, напоить, одеть, обуть, развлечь, найти занятие, поселить своего бывшего агента и его гражданскую жену. Это было целое оперативное мероприятие, которое не так уж часто проводят наши спецслужбы. Ко времени убытия Стига и Элизабет в Ливан Александру Никифоровичу исполнился 71 год.

Хотел было написать, что это последняя, заключительная спецоперация военного разведчика, но на всякий случай решил проверить. Спросил об этом самого Никифорова. Тот улыбнулся, вытащил из шкафа коробочку, открыл. На красном сукне лежал орден Мужества.

— За прошлые заслуги, Александр Никифорович?

Он молча выложил на стол еще несколько орденов — два Красной Звезды, Отечественной войны.

— Вот эти за прежние заслуги, а Мужества — за нынешние.

Право, странно слышать такое. Передо мной сидел человек, которому было за восемьдесят. Видимо, Александр Никифорович почувствовал мое замешательство и постарался успокоить.

— Орден Мужества мне вручил помощник Президента России в 1998 году.

— За что? — не удержался я, в ту же минуту осознавая несусветную глупость своего вопроса. Ни одна мышца не дрогнула на лице старого, мудрого разведчика.

— За выполнение специального задания Главного разведывательного управления.

Что ж, теперь, по крайней мере, все стало на свои места. Остальное — государственная тайна. Пока.

Часть вторая. НА КРАЮ ЯДЕРНОЙ БЕЗДНЫ

Капитан 2-го ранга неторопливо развернул красную папку— личное дело офицера, стал читать, забавно пожевывая толстенькими губками.

— Ну что ж, Любимов, — сказал он, оторвавшись от бумаг, и подслеповато глянул на старшего лейтенанта, который вытянулся во фрунт у его стола.

— Да вы садитесь, — спохватился капитан 2-го ранга, — отдохните пока…

Старший лейтенант Виктор Любимов присел на стул.

Аттестация

«Любимов Виктор Андреевич. Старший лейтенант. Год рождения 1926. Русский. Член ВЛКСМ. В военно-морском флоте с января 1944 года. Образование— Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе в 1948 году. Награды: медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией».

С августа 1948 года по октябрь 1949 года— командир башни крейсера «Молотов» бригады крейсеров Черноморского флота.

Получив назначение командиром башни, Любимов В.А. с интересом и настойчивостью стал ее изучать. К началу стрельб освоил ее настолько, что был допущен к стрельбам 1949 года самостоятельно.

Башня за 1949 год не имела поломок, аварий и пропусков, благодаря умелому руководству командира башни.

Дисциплина личного состава башни хорошая. Сам Любимов В.А. дисциплинирован, предусмотрителен, но обидчив, вспыльчив. Умеет быстро поправлять свои ошибки.

Морское дело любит, не укачивается.

Командир 1-го артдивизиона БЧ-II крейсера «Молотов»
капитан-лейтенант В.Бреде».

— Так, так, — пробурчал про себя кадровик, — «не укачивается…».

— Не понял, товарищ капитан второго ранга? — Любимов приподнялся со стула.

— Да это я так, про себя, сиди-сиди, — успокоил кадровик. — В аттестации твоей прочитал — не укачиваешься, стало быть. Не

последнее качество в нашем деле.

И капитан 2-го ранга вновь «клюнул» в бумаги.

Любимову интересно было смотреть на этого подслеповатого, в кругленьких очках, медлительного кадровика. Настроение у него что надо. Прибыл с флота, прошел медкомиссию, оставалось только получить предписание на офицерские курсы повышения специальности… И!.. Это «и» просто пело в груди — встречай, Ленинград! Три года он не был в Питере, в родном училище. Черноморский флот, крейсер «Молотов», эсминец «Боевой». Будет, что рассказать и любимым педагогам, и зеленым гардемаринам. Как-то его примет альма-матер?

— Вы участник Парада Победы? — спросил «кап-два» и удовлетворенно хмыкнул, мол, когда все успел?

«Выходит, успел», — подумал про себя Любимов. Это потом, с годами, он придет к пониманию, что на тот Великий Парад попал, почитай случайно. Ведь исполнилось ему в 1945 году всего девятнадцать лет. И особых заслуг перед Родиной у него не было, да и быть не могло.

Но Парад Победы — это нечто особенное в его жизни.

…Сводный полк Военно-морского флота состоял из пяти батальонов. Так вот, пятый батальон как раз и комплектовали из ребят его возраста, молодых и, по нынешним меркам, зеленых. Однако тогда было иное военное время и в парадный расчет включили лучших из лучших. В этих шеренгах шли курсанты высших военно-морских училищ, но многие из них уже успели повоевать, имели за плечами боевой опыт, награды. Некоторые ушли на фронт с первого курса училища, отвоевали по два-три года и были решением руководства страны отозваны, чтобы завершить обучение.

Жили участники парада в Тушине, во флотском экипаже, а тренировались в Химках, в районе речного вокзала и на центральном аэродроме. Командовал полком герой обороны Севастополя вице-адмирал Фадеев, а его замом по строевой назначили полковника с фамилией Дубина. Разумеется, он представился, делая ударение на последнем слоге, но курсанты произносили его фамилию в собственной транскрипции.

Ох, и гонял их этот «сапог Дубина». Марш-марш, тянуть носок, видеть грудь четвертого человека. Прошло пять лет, а Любимов и до сих пор помнит его уроки строевой подготовки.

Удивительное было время. Рядом с собой в каких-нибудь двух-трех метрах курсант Любимов мог видеть легендарных полководцев, маршалов Жукова, Рокоссовского, Мерецкова, Говорова. Они возглавляли полки своих фронтов, а Жуков, как известно, принимал парад.

А потом был Парад Победы. Их полк начал прохождение под флотский марш. Звучала музыка и дорогие сердцу каждого моряка слова: «Морская гвардия идет уверенно, любой опасности глядит в глаза. Морская гвардия в боях проверена, морская гвардия для недругов гроза».

Однако, когда начал движение их пятый батальон, марш вдруг оборвался и зазвучала барабанная дробь. Следом за их батальоном шла та знаменитая «коробка» знаменосцев, которые несли фашистские штандарты и бросали их к подножию мавзолея.

А после Парада восторженные москвичи их буквально носили на руках…

— Значит, с медкомиссией все в порядке? — услышал он далекий голос кадровика.

— Извините… — стряхнул с себя остаток воспоминаний Любимов.

— Спрашиваю, со здоровьем нормально? Медкомиссию прошли?

— Так точно, товарищ капитан второго ранга!

— Ну вот и славно, — и кадровик, причмокивая, протянул ему предписание. — Вам приказано завтра явиться в Фили. Адрес там есть.

— Как в Фили? — не понял старший лейтенант. — Какие Фили? Я же в Ленинград?..

Кадровик настойчиво показал головой и вскинул вверх палец.

— Вам доверено обучение на высших академических курсах офицеров разведки Генерального штаба.

— Разведки? — ошарашенно прошептал Любимов.

— Так точно, мой дорогой!

— Но я не просился в разведку. Я морской офицер и не желаю…

— Стоп! — кадровик недовольно оттопырил нижнюю губу. — Вы так и не поняли, товарищ старший лейтенант… Повторяю! — он надавил на слове «повторяю». — Вам доверено обучение. Слышите?

— Слышу, не глухой… — отозвался обиженно Любимов. Но я хочу служить во флоте. Во флоте, понимаете? Я окончил военно-морское училище…

— Мы знаем, что вы заканчивали… — прервал его капитан 2-го ранга. — Мы знаем все! Как служили на крейсере, на эсминце, как перегоняли корабли с Балтики в Новороссийск. Поэтому и направляем вас учиться на высшие академкурсы…

— Разведки?

— Да, разведки… Служить будете там, где прикажет

Родина…

Кадровик замолчал, всем видом показывая, что разговор окончен.

— В таком случае разрешите обратиться по команде к старшему начальнику?

Капитан 2-го ранга медленно поднялся из-за стола. Теперь он совсем не был похож на подслеповатого добрячка с толстыми губками.

— Тебе надо ссать кипятком от радости, понял? А ты в бутылку лезешь. Ладно, я доложу начальству. Свободен…

На следующий день Любимов оказался в кабинете начальника отдела кадров Военно-Морского флота вице-адмирала Виноградова. Рубанул строевым по ковровой дорожке, доложил. Адмирал, не проронив ни слова, выслушал аргументы Любимова. В его лице не дрогнула ни одна жилка:

— Все? — спросил вице-адмирал.

— Так точно.

— Идите, товарищ старший лейтенант. Выполняйте приказ.

И старший лейтенант, развернувшись на каблуках, вышел

из адмиральского кабинета… в совсем другой мир. В мир, о котором он ровным счетом ничего не знал.

«БАШНЮ ПОЧИНИТЬ, КОМАНДИРА — НАКАЗАТЬ…»

Из штаба флота он поехал к отцу. В Фили, на высшие курсы, было предписано явиться завтра, и Любимов решил проведать старика. Отец в последнее время прибаливал. Сказывался возраст, война, работа в МУРе, где он был следователем по уголовным делам.

По дороге Виктор размышлял над неожиданным поворотом судьбы. Морская служба у него шла неплохо, и он уже мечтал… Да мало ли о чем мечтал флотский офицер Любимов… Теперь, откровенно говоря, и неизвестно, о чем мечтать. Он попытался припомнить имена каких-то разведчиков, но, пожалуй, кроме дважды Героя Советского Союза Леонова и его морских диверсантов, никто на память не приходил.

«Но не случайно же меня туда заткнули», — подумал с досадой Любимов. Стал вспоминать, когда его судьба хотя бы невзначай сводила с разведкой. Поначалу ничего не выходило. Не было у него таких встреч — ни случайных, ни закономерных.

Учеба в спецшколе, потом в военно-морском училище.

В июне 1948 года он стал лейтенантом Военно-морского флота Советского Союза.

Дипломы, офицерские погоны, кортики им вручали в торжественной обстановке в зале революции ордена Ленина Краснознаменного училища имени М.В. Фрунзе. Известный, знаменитый зал. Там еще устраивали балы российские гардемарины. И они, советские курсанты, танцевали здесь. Убирали стулья, надраивали старинный паркет… И питерских девушек было не удержать. Двери КПП трещали под напором будущих офицерских невест.

Их выпуск считался юбилейным, 25-м. Разумеется, за годы советской власти. Но курсанты помнили историю своего училища не только после 1917 года…

Выпускалось ни много ни мало— полтысячи человек — четыре роты корабельных офицеров и одна пятая рота — гидрографов, которым предстояло обеспечивать навигационную безопасность мореплавания.

Из 500 офицеров в списке выпускников он стоял восьмым. Не по алфавиту, разумеется, по результатам учебы. А по традиции «краснодипломники» первого десятка имели право на выбор места службы. Такое право было предоставлено и лейтенанту Виктору Любимову. Он выбрал Черноморский флот и после

приказа Главкома убыл к месту службы.

Как и положено, по прибытии доложился в штабе флота, неделю ждал назначения во флотском экипаже и вскоре получил предписание. В бумаге с печатью значилось, что он теперь командир башни главного калибра крейсера «Молотов». Такое назначение можно было считать удачей — крейсер передовой на флоте, офицерский состав в основном фронтовики, корабль год назад посетил сам Сталин.

С трепетом вступал на трап крейсера молодой лейтенант Виктор Любимов, представился командиру— капитану 2-го ранга Петрову и в тот же день был приглашен к командующему эскадрой контр-адмиралу Горшкову, будущему Главнокомандующему ВМФ Советского Союза.

Всякий раз, рассказывая потом об этой встрече, Любимов будет подчеркивать, был не вызван, а именно приглашен.

Контр-адмирал Горшков имел обыкновение принимать у себя каждого выпускника, пришедшего в эскадру, и беседовать с ним во флагманской каюте. Разговор тот Любимов пронес через всю жизнь. Командующий был корректен, выдержан, вежлив. Добрая получилась беседа, уважительная. Если можно так сказать, человеком почувствовал себя молодой офицер, личностью, от которого многое зависит на корабле.

После встречи с командующим Виктор вернулся на крейсер окрыленным. И началась служба. А она оказалась совсем не такой, как представлялась в романтических мечтах гардемарину Любимову, — намного будничней, тяжелее.

Крейсер «Молотов» во время Великой Отечественной войны при переходе из Севастополя в Новороссийск был торпедирован фашистами. Торпеда ударила в корму дальше третьей башни. К счастью, она уже была на излете, и потому гребные валы и винты остались целы, но верхнюю часть кормы оторвало взрывом. Таким образом, крейсер получил серьезное повреждение, погибли матросы, находившиеся на корме, но корабль остался на плаву и своим ходом дошел до Новороссийска. Потом, в ходе судоремонтных работ крейсеру приварили другую корму, и он продолжал службу.

Второе ЧП, которое приключилось на «Молотове», произошло как раз в башне главного калибра, которой теперь руководил Любимов.

Во время стрельб в башне случился пожар. Башня главного калибра устроена так, что боевое отделение находится наверху, потом располагаются башенные стволы, а снарядные и зарядные погреба в самом низу, почти у кингстонов, на глубине 12 метров.

Так вот, при подготовке к стрельбе сначала из погреба

поднимается снаряд, за ним два полузаряда пороха — этакие пороховые макаронины, обтянутые шелковой оболочкой. Шелк рвется, и порох попадает между роликом и тросом подъемника. От трения воспламеняется весь полузаряд, и пламя ударяет вверх в шахту и, что самое страшное, — вниз в снарядные погреба.

Спас крейсер от неминуемой гибели турбинный машинист. Увидев в погребе пламя и не ожидая команды с мостика, он открыл краны орошения и затопления. Погреба были затоплены.

Как выяснилось позже, виной всему та самая немецкая торпеда, оторвавшая корму и деформировавшая одну из частей подъемника. Теперь, когда эти части разошлись, шелковая оболочка не выдержала и оборвалась, пороховой заряд обнажился. В ходе этой аварии погибли матросы, в основном те, что находились в погребах.

ЧП было громкое, на весь флот, и с тех пор о башне крейсера «Молотов» пошла дурная слава. И хотя поломку вскоре устранили, никто из матросов в башенный экипаж идти служить не хотел.

Поэтому, когда ее экипаж возглавил лейтенант Любимов, матросы тут были, как говорят в народе, «оторви да выброси» — отпетые нарушители дисциплины. Правда, молодому командиру повезло со старшиной. Мичман Чернов умел держать в кулаке эту ораву. Да и Любимов не за чьи спины не прятался.

Через несколько месяцев, когда Любимов освоил башенную технику на практике, объявили— предстоит флотское учение. У крейсера «Молотов» трудная задача— он должен провести стрельбы ночью, в сложных метеоусловиях. Цель подсвечивали осветительные бомбы, сбрасываемые с самолета. Но и этого руководителям учений показалось мало. Стрельбы следовало выполнять в противохимическом защитном костюме и в противогазе.

Все понимали, сколь непростое дело предстоит выполнить коллективу, и поэтому в башне главного калибра шли упорные тренировки. И вот накануне выхода в море, на учение, башня подтвердила свою дурную репутацию. Как-то мичман Чернов, разыскав Любимова, доложил:

— Товарищ командир, у нас ЧП.

У Любимова похолодело внутри.

— Что случилось?

— Снаряд упал.

— Куда упал?

— Из боевого отделения в погреб. Подъемник разнес вдребезги.

— Головка боевая?

— Да нет, к счастью, учебная, болванка.

Прибежали в башню, спустились вниз. Действительно подъемник разбит. А это значит, башня главного калибра вышла из строя. Вместо трех стволов огонь могут вести только два. И это накануне похода, флотских учений, боевых стрельб. Худшего не придумаешь.

Но что делать, Любимов идет, докладывает командиру боевой части, тот— командиру крейсера и далее по команде — командующему эскадрой.

Горшков был немногословен: «Башню починить, командира башни — наказать».

С тем и вышли в море, на учения. А дальше помогли золотые руки матросов из дивизиона живучести корабля. «Пахала» судовая мастерская, изготавливая запчасти для ремонта подъемника, лейтенант Любимов, мичман Чернов и командир дивизиона живучести капитан-лейтенант Иванов, забыв про отдых, восстанавливали вместе с матросами поломку.

Пока дошли от Севастополя до Поти, подъемник работал как новенький. Доложили Горшкову. Тот отменил приказ о наказании Любимова.

Потом были стрельбы — ночью, при плохой видимости, но башня главного калибра не подвела.

В моем архиве хранится старый, истрепанный номер журнала «Огонек», изданный в 1949 году. Мне подарил его Виктор Андреевич Любимов. На фотографии, у орудий своей знаменитой башни он и четверо его матросов с кубком Главкома. И надпись под снимком: «19 августа 1947года на палубе крейсера «Молотов» беседовал с моряками великий вождь советского народа Иосиф Виссарионович Сталин.

С того дня прошло почти два года, но день этот так ярко запечатлелся в памяти, словно был вчера. Иосиф Виссарионович пожелал экипажу успехов. Моряки поклялись оправдать доверие вождя. Они сдержали слово: в прошлом году крейсер «Молотов» завоевал переходящий приз Главнокомандующего Военно-Морскими Силами по артиллерийским стрельбам — большой, художественно оформленный кубок».

Позже у Любимова произошла еще одна встреча с командующим эскадрой контр-адмиралом Горшковым. Адмирал вышел в море на крейсере «Молотов», а Любимов заступил вахтенным офицером.

Пришлось докладывать. Горшков вспомнил молодого офицера, их беседу, поломку башни.

— Ничего, — улыбнулся командующий, — за одного битого двух небитых дают. Держись, лейтенант.

И он держался. Морская корабельная жизнь ему нравилась. Откуда у коренного москвича, не видевшего ничего, кроме Москвы-реки, тяга к морю? Кто знает?

Он перебирал в памяти свои жизненные ступеньки и еще, еще раз убеждался: в разведке оказался совершенно по случаю, возможно, даже по чьей-то злой воле.

И самое главное — ничего у него нет от разведчика. Хотя, признаться, какие черты и качества нужны в разведке, он себе толком не представлял.

Виктор добрался до Кутузовского, дворами прошел к родной школе. Первая советская — так она называлась. Постоял, вспомнил, как много погибло ребят из его класса. Несмотря на свои 15–16 лет, они рвались на фронт.

Если бы не спецшкола, он тоже оказался бы там. Да воспитатели, преподаватели смогли убедить: фронту нужно не пушечное мясо, а грамотные морские офицеры. Для этого надо много знать и уметь. И чем больше он постигал морскую науку, тем глубже понимал пропасть своего незнания. Чтобы водить в бой корабли, следует долго, упорно учиться. Спецшкола, подготовительный курс, военно-морское училище… Пять с лишним лет. Да и потом судьба ему улыбнулась. Совсем молодым лейтенантом он ушел в незабываемое плавание — из Балтики Кильским каналом в Северное море, потом вдоль берегов Франции, в Бискайский залив, дальше Гибралтар, Средиземное море. Дарданеллы, Босфор и, наконец, через Черное море в Новороссийск. Чего только стоил шторм в Бискае! А Кильский канал? Канал! Ба! Вдруг он вспомнил! Так вот где собака зарыта! Разведуправление. Расписка в получении… Фотоаппарат… Вкрадчивый инструктаж офицера разведуправле-ния Балтийского флота. И он с присущей ему старательностью все выполнил. Да, именно так это и началось…

ЗАГАДКА КИЛЬСКИХ ШЛЮЗОВ

…А как это началось? Да очень просто. Он, лейтенант Любимов, сидел на партийном собрании. Сйм выступать не собирался, парторг «бэчэ» не поручал, и потому он, можно сказать, отдыхал, устроившись в уголке.

И, разумеется, не заметил, как в кают-компанию, где проходило партсобрание, зашел сигнальщик и молча предал командиру корабля семафор из штаба флота. Атам было написано: «Приказываю откомандировать лейтенанта Любимова в штаб флота». И подпись начальника штаба флота.

Командир из президиума собрания махнул лейтенанту, подозвал его и подсунул семафор.

— Ясно?

Любимов прочитал.

— Так точно.

— Завтра первым баркасом в штаб флота.

Что ж, в штаб так в штаб. Пропуск на него был оформлен. «Лейтенант Любимов?» «Да». «Очень хорошо. Зайдите, получите проездные документы, и сегодня вечером вам надлежит убыть в город Ленинград». «Как, что, зачем?» «Там вам объяснят».

Приказ свят. Получил командировочное предписание, повертел в руках: прибыть в г. Ленинград по адресу: Невский проспект, дом такой-то. И все. Ни номера воинской части, ничего.

Вернулся вечером к себе домой, вот, мол, жена, еду в командировку в Ленинград. В доме переполох: муж едет в командировку, а жену-ленинградку в родной город не берет. Что поделаешь, служба, не положено.

Прибыл в Ленинград, пришел по указанному адресу, на Невский проспект. Подъезд, никаких вывесок. Зашел в подъезд, огляделся. Какой-то кабинет. Стоит лейтенант в растерянности. Слышит: «Как ваша фамилия?» «Да я, наверное, не туда попал». «Да нет, туда», — отвечают. «Давайте предписание».

И тут же вручают новое командировочное: на сей раз убыть в Калининград. Теперь уже убыли группой пять военно-морских офицеров. В Калининграде приехали в порт и сразу к начальнику порта. Наконец все выяснилось. Три десятка морских офицеров с Балтики, с Черного моря и с Северного флота собрали для выполнения задачи Политбюро и Совмина: перегона 30 кораблей, полученных по репарации в Германии. Их следовало доставить из Калининграда в Новороссийск. Корабли — обыкновенные тральщики. Офицеры, кто имел допуск на управление кораблем, шли капитанами, кто не имел — штурманами. Были еще и

капитаны-наставники. Любимову в капитаны-наставники достался опытнейший капитан торгового флота, прошедший гражданскую войну в Испании.

Офицеры шли под легендой гражданских моряков. Погоны сняли, звездочки с морского краба отломали, а мундиры… Страна послевоенная, бедная, многие в военной форме ходят. Так что мундиры без погон не вызывали подозрений.

Однако экзамены по штурманскому делу пришлось сдавать, и документы реальные им вручили, чтобы полиция в портах захода не придиралась.

Перед самым выходом в поход в клубе собрали только офицеров. Объявили, что сейчас перед вами выступит представитель разведуправления флота. Зал недовольно загудел, но флотский разведчик призвал всех к воинскому долгу, объяснил обстановку. Сказал, что разведка будет благодарна, если во время перехода офицеры подметят особенности береговой обороны, охраны водного района, навигационные и корабельные особенности.

Каждому выдали по фотоаппарату. Просили обратить внимание на Кильский канал. Дело в том, что во время войны англичане усиленно его бомбили, дабы предотвратить переброску немецкого флота в Северное море, к берегам Англии. Но бомбежка эффекта не давала. Почему? Англичане после войны нашли ответ, ибо канал оказался в их зоне оккупации. Но наша разведка так и не разгадала секрет живучести шлюзов

Кильского канала. Были свои разведзадачи и по Гибралтару, и по Босфору, и по Дарданеллам. По возможности все это надо было сфотографировать.

Вот тогда-то в Кильском канале лейтенант Виктор Любимов, не имевший никакого отношения к разведке, и выполнил свое первое разведзадание. Он разгадал секрет шлюзов. Оказалось, у немцев ворота шлюзов открывались не настежь, как привычнее для нас, а втягивались в подземные железобетонные бункера. При угрозе бомбежки они убирались, и англичане бомбили воду. Так канал и его шлюзы находились в рабочем состоянии всю войну.

Эти уникальные шлюзы и удалось сфотографировать Любимову и по возвращении подробно описать в своем отчете разведуправлению.

Этот перегон кораблей из Кенигсберга (Калининграда) в Новороссийск стал хорошей школой и серьезным экзаменом флотской закалки, штурманского мастерства и мужества для молодого морского офицера. Двенадцать лет спустя, во Франции в дни гибели танкера «Нефтегорск», Виктор Андреевич будет вспоминать жесточайший шторм в Бискайском заливе, в который

попал наш караван кораблей.

В отдельные моменты тральщик почти полностью ложился на борт, и казалось, что он не выпрямится, а перевернется килем вверх. Всем было приказано надеть спасательные пояса. Многие моряки вышли из строя из-за жесточайшей качки. От проложенного курса пришлось отказаться. Главной задачей было удерживать корабль носом к накатывавшимся волнам. Ситуация усугублялась тем, что все это происходило ночью. Шторм разыгрался ближе к полуночи. Шедший дружно караван был разбросан по Бискайскому заливу. Этот ад продолжался почти половину суток и лишь где-то к середине следующего дня ветер начал стихать, хотя волна продолжала оставаться крутой. Поймав момент, штурман определил местоположение корабля по солнцу. Они оказались у берегов Португалии. Капитан корабля взял курс на Марокко в точку встречи, которая была установлена заранее.

У побережья Марокко вскоре собрались все корабли каравана. Потерь, к счастью, не было, но в экипажах обнаружились больные и травмированные. Начальник перегона кораблей, капитан дальнего плавания Шанько, подвел итог пройден-ного пути и поставил задачи на переход через Средиземное и Мраморное моря.

Неугомонный капитан-наставник Онищенко похвалил Виктора за умение ориентироваться по звездам и за выдержку во время шторма. Он разрешил команде искупаться в океане, а затем напугал всех криком «Акулы!». А когда все подплыли и забрались на борт, он заявил: «Все отлично, ребята. Я пошутил, чтобы вы не заплывали далеко». За эту шутку он был схвачен, раскачен и прямо в одежде выброшен в океан. Все посмеялись и занялись корабельными делами. Дел впереди было еще много.

А Онищенко рассказал Виктору еще одну забавную историю, которая, к счастью, закончилась благополучно.

Дело в том, что в Кильской бухте Онищенко покинул корабль и командование тральщиком было возложено на Любимова. Однако уход капитана-наставника оказался вынужденным. Когда они стояли в Кильской бухте к ним на борт прибыли представители английских оккупационных войск и немецкой полиции. Виктор немного знал английский, Онищенко — немецкий. Общими усилиями разобрались. Оказывается, англичане и немцы пытались объяснить, что русский корабль находится в бухте, подает сигналы гудками «прошу помощи», но когда к нему на борт хотят подняться немецкие или английские представители — капитан никого не пускает.

Онищенко и Любимов сразу смекнули, почему русский капитан не разрешает никому подняться на борт. Перед уходом в

плавание «особисты» до посинения инструктировали их, что, если кто-то попытается бежать с корабля, следует принимать самые жесткие меры к задержанию, а также никого не пускать на борт.

Оставался единственный вопрос — почему он просит помощи? Пришлось Онищенко передать командование Любимову, а самому убыть с местными властями к подающему сигналы бедствия.

«Ты не переживай, Виктор, — обнял его на прощанье Онищенко, — в Северном море я тебя догоню».

И вправду догнал, и вот что поведал.

Капитан 3-го ранга, штурман подводной лодки, успевший понюхать пороху на войне, был назначен командиром тральщика и шел общим караваном. Перед заходом в Кильскую бухту со штурманом тральщика они крепко выпили и международный сигнал: «Возьмите лоцмана» не заметили.

А заход в Кильскую бухту был крайне сложным. Однако капитан 3-го ранга тоже не промах. Они в войну в боевых походах немецких лоцманов не спрашивали, ходили и более сложными фарватерами.

Словом, держась в кильватере впереди идущего, ориентируясь по его сигнальным огням, тральщик вошел в бухту без лоцмана. Но дальше случилась незадача. Кильская бухта чем-то похожа на Севастопольскую, на холмах расположен город с большим количеством огней. И если в море удержаться за кильватерные огни передового корабля вполне под силу опытному капитану, то здесь перед тобой — море огней. И вместо того чтобы войдя в бухту, и отвернуть вправо в сторону канала, встать в очередь, наш боевой «кэп-три» оказался в центре бухты.

Он застопорил машины, лег в дрейф и стал гудками подавать сигналы бедствия. Но предварительно вооружил всю команду баграми, дубинками и приказал всякого, кто сунется на борт, охаживать по голове.

Онищенко подошел к тральщику на полицейском катере и обложил «кэп-три» смачным русским матом. Тот притих, а потом с мостика подал команду: «Матерщинника пустить, остальных в воду, если полезут».

Так закончилась эта история.

Вторая половина маршрута по Средиземному, Мраморному и Черному морям прошла без приключений. По прибытии в Новороссийск Любимов доложил о походе, сдал фотоаппарат с отснятой пленкой и забыл о своем первом разведзада-нии. Но, видимо, тот, кто читал его отчет и оценивал отснятые фотокадры, запомнил молодого лейтенанта. И когда Любимов уже служил на эскадронном миноносце «Боевой» командиром артиллерийской

боевой части, мечтая стать настоящим «морским волком», подал рапорт с просьбой отправить его на высшие офицерские курсы, судьба сделала резкий поворот.

И вот теперь случилось то, что случилось: завтра ему предстоит явиться в Фили, на курсы, тоже высшие и даже академические, но только офицеров разведки Генерального штаба.

…Поздней осенью 1952 года, в октябре, высшие курсы разведки были позади. Любимов закончил их с отличием, получил денежную премию. Правда, ее хватило на один вечер. Но погудели всей группой славно.

Аттестация

«Любимов Виктор Андреевич, старший лейтенант. С декабря 1951 года по декабрь 1952 года — слушатель Краснознаменных Высших академических курсов офицеров разведки Генерального штаба Советской Армии.

На учебу разведВАК прибыл с должности командира БЧ-2 эскадренного миноносца «Боевой». В разведке раньше не служил. Занимался добросовестно. Все учебные дисциплины изучал серьезно.

Основную дисциплину — специальную разведку освоил отлично. Теоретически знает организацию и ведение разведки в масштабе округ-флот.

Изучал английский язык.

Учебу на разведВАК закончил с общей отличной оценкой. Может быть использован на должности офицера морского подразделения разведки.

Начальник курса разведВАК генерал-майор Бедняков

3 декабря 1952 года».

АХ, БЕЛЫЙ ПАРОХОД…

Распределение Любимов получил в разведуправление Военно-морского флота. Встретили в разведке выпускников курсов хорошо, но никуда не назначили. Уже через неделю-другую Любимов разобрался в обстановке. Особенно никто не распространялся, но в коридорах Главного морского штаба чувствовалась напряженная обстановка: ходили упорные слухи о реформировании ВМФ. Говорили о слиянии Министерства обороны и Военно-морского ведомства.

В марте 1953-го умер Сталин, и вновь все затихло, затормозилось. Кто будет у власти, кто станет командовать флотом? На эти вопросы пока ответов не было.

Наконец произошло объединение ведомств, и в составе группы военно-морских офицеров старшего лейтенанта Виктора Любимова откомандировали в Главное разведуправ-ление Генерального штаба. Группа, надо сказать, была весьма талантливая. Василий Соловьев, Владимир Молчанов стали впоследствии адмиралами, начальниками управлений ГРУ, а Владимир Ващенко — даже заместителем начальника военной разведки.

Любимов среди них был самым молодым, как говорят, не нюхавшим пороха. Но он не унывал. Терпеливо ждал, когда уляжется реформационная неразбериха и для него найдется место.

На высших академических курсах по агентурной работе им давали лишь азы, готовили больше как командиров разведывательно-диверсионных групп, и поэтому Любимов был внутренне готов отправиться на любой флот в состав развед-управления.

Однако и тут жизнь распорядилась по-своему. Освободилась должность в аппарате военно-морского атташе в Вашингтоне, и Любимов был туда рекомендован. Должность эта была невысокой, если не сказать больше — самой низкой в аппарате атташе. По-английски она звучала как «доркипер», то есть открыватель дверей, а по-нашему — курьер охраны.

Легендировался Любимов под человека сугубо штатского, моряка торгового флота, который в войну ходил на сухогрузах по Каспию. Это во многом соответствовало действительности: знал он и сухогрузы, и Каспий, и иранские порты, и наши Красноводск, Баку, Астрахань. Ну а скромная должность курьера охраны в какой-то мере «защищала» от излишне пристального внимания американской контрразведки.

Итак, США, Вашингтон… Комиссия ГРУ утвердила кандидатуру Любимова.

Штатской одежды в то трудное послевоенное время у старшего лейтенанта, разумеется, не было. Экипировали его как могли. В основном со складов Главного разведуправления: костюм, пальто, шляпа. Правда, потом не забыли вычесть стоимость одежды из лейтенантской зарплаты.

Старшего сына, которому было 5 лет, рекомендовали оставить в Советском Союзе. И поскольку отец Любимова был тяжело болен, решили завезти сына по дороге в Питер, к родителям жены. Маленькую дочь, которой исполнился всего год, взяли с собой.

Оформили паспорта, билеты и двинули из Москвы в Ленинград. Денька на два задержались — в Питере погостили — и на теплоходе «Белый остров» отчалили в Лондон.

То была незабываемая поездка, в сущности их первое знакомство с миром. Потом с годами они объедут, почитай, всю Европу, будут работать во Франции, в Голландии, в Германии, но тогда, на борту теплохода, молодой советский разведчик Виктор Любимов и его жена и мечтать не смели о подобном будущем.

Они были молоды, позади осталась страшная война, голод, а впереди — неведомая Америка.

Теплоход сделал остановку в Хельсинки, и они успели кое-что увидеть, проехаться по городу. Потом был заход в Стокгольм и, наконец, в Лондон.

Правда, «Белый остров» приходил в Лондон уже накануне отплытия лайнера британского пассажирского флота «Куин Мэри» из Саутгемптона. А до него еще надо было добраться. Поэтому времени на знакомство с Лондоном не было. Ну разве что короткая прогулка по вечернему городу, ночь в гостинице, а утром традиционный английский завтрак — яичница с беконом и чай. Кстати говоря, по русским понятиям, чаек был слабоват… И снова в путь. Поездом на юг Англии, в порт Саутгемптон.

Любимов моряк, флотский офицер, повидал немало кораблей, но о «Куин Мери»— разговор особый: многопалубный теплоход, с бассейном, удобная комфортабельная каюта на троих. Даже для их маленькой дочери была отдельная постель. После разбитого, голодного Севастополя, послевоенной Москвы шикарный морской лайнер казался сказкой. Обедали в ресторане, где в большом меню было записано по несколько блюд на закуску, на первое, второе, десерт. Несмотря на хорошее знание английского (а именно так их оценивали на Высших академических курсах), Любимов с трудом разбирался в этом многообразии блюд. Особенно нервничала жена: что же заказать,

дабы не попасть впросак?

Погода во время плавания стояла ненастная, нередко штормило, но при подходе к Нью-Йорку все успокоилось. Был хорошо виден город, статуя Свободы, небоскребы Манхэттена. Пассажиры высыпали на верхнюю палубу и смотрели во все глаза. Среди них была и супружеская пара Любимовых.

По совету друзей из Москвы они прихватили с собой русские деликатесы: буханку черного хлеба, селедку, палочку копченой колбасы.

На таможне колбасу отобрали, а вот хлеб и селедку не обнаружили. Хотя в ту минуту селедка уже не очень волновала Виктора Любимова. Он думал о другом: как добраться от Нью-Йорка до Вашингтона. Кое-какие карманные деньги у него были, но где вокзал, как до него добраться, сколько стоит билет? Словом, десятки безответных вопросов.

Пройдя таможенный и паспортный контроль, Любимов нашел укромное местечко, оставил жену и дочь и уже решил пройтись по морскому вокзалу, так сказать, на разведку, как в эту же минуту его окликнули. На чистейшем русском языке: «Виктор Андреевич, здравствуйте».

Перед ним стоял высокий, статный человек вполне американской наружности. Приветствие на родном языке совсем не обрадовало. Тем более, он никак не ожидал, что его будут встречать.

— С кем имею честь, простите?

Человек тепло улыбнулся и протянул руку. «Амосов Игорь Александрович, старший помощник военно-морского атташе». Отлегло от сердца. Его встречали. Фамилии сотрудников аппарата атташе он выучил еще в Москве. И Амосов был ему знаком, хоть и заочно.

Забрали супругу, дочь, чемоданы. У Амосова — машина. Погрузились, и первым делам — на вокзал. Игорь Александрович сам купил билеты и этим же вечером уехал в Вашингтон.

Поселились в доме у военно-морского атташе капитана 1-го ранга Фаворова. Он и его жена жили одни, без детей. Места в доме для размещения Любимовых на некоторое время было предостаточно.

Разместили вещи, уложили спать маленькую дочь и вышли прогуляться.

В этот вечер в Вашингтоне выпал первый снег. Виктор и Валентина Любимовы запомнили его на всю жизнь.

Тихий, несмелый, он падал на асфальт, на плечи прохожих, на ресницы жены.

На душе было тепло и спокойно. Военный разведчик Виктор

Любимов еще не подозревал, сколько тревог и волнений у него впереди. Но все они будут потом. А сейчас он был по-настоящему счастлив.

Первый снег… Первые шаги по вашингтонским улицам. По большому счету, первый день работы в разведке.

ПОД ПСЕВДОНИМОМ «ЛОДЖ»

Внешне должность «доркипера» Любимова была не пыльная. «Открыватель дверей» он и есть открыватель. Приходилось дежурить в офисе аппарата военно-морского атташе, разбирать почту, принимать посетителей.

Однако это была лишь видимая часть айсберга. В обязанности «доркипера». входил контроль за передвижением кораблей Атлантического и Тихоокеанского флотов Соединенных Штатов. В огромные таблицы вносилась дислокация каждого корабля, отслеживалось его передвижение. Сведения добывали отовсюду, где только можно было их добыть: из открытой печати, радио и телепередач, закрытых радиоперехватов, бесед с иностранцами и, конечно, из оперативных источников.

Но это было лишь полдела. Получил «доркипер» оперативный псевдоним «Лодж», а вместе с ним и персональную, оперативную задачу. Задача такая, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И, откровенно говоря, молодой разведчик вообще не представлял, как к ней подступиться.

А дело в том, что под Вашингтоном, в местечке Вай Оул, находилась секретная военно-морская лаборатория. Было известно: лаборатория занималась разработками нового оружия. Но какого? Это и предстояло узнать Любимову.

Когда резидент ставил эту поистине безумную задачу (а иначе ее и нельзя было назвать), Любимову показалось, что он попал в мир шпионских бестселлеров. Тут не иначе попахивало шпионской сказкой, густо замешенной на авантюризме. А может, резидент пошутил, разыграл его? Ну как, к примеру, на флоте «молодых» заставляют продувать макароны. Хотя разговор был очень серьезным, да и резидент, кажется, не склонен к розыгрышам.

Но тогда как можно расценить подобную задачу?

Военно-морская лаборатория находилась в пригороде Вашингтона. То есть на городском транспорте туда не добраться, пешком — тем более. Это сразу вызовет подозрение. Что за чудак шлепает по обочине дороги в сторону секретного объекта?

Служащие лаборатории приезжали на работу на собственных автомашинах или на служебном автобусе. Автомашины у «доркипера» не было, а в служебный автобус, как известно, постороннему путь заказан.

Вот тебе и выход на секретную лабораторию. Туда надо сначала просто доехать, хоть краем глаза увидеть, что это за «зверь». Правда, резидент, ставя задачу, не торопил. «Оглядитесь,

изучите обстановку, составьте план, выходите с предложениями, а потом уж вместе подумаем», — сказал он, подводя итог разговору.

Все понимал Любимов— план, изучение обстановки, предложения… Однако начинать с чего-то надо. А перед ним пока была ледяная стена. Зацепиться не за что.

Решил, раз уж реальных подходов к лаборатории нет, начать издалека, с изучения открытых материалов. Стал регулярно посещать библиотеку Конгресса США. На многое не надеялся, но все-таки хоть какая-то зацепка. Увы, зацепки не было. Если не считать общих тем, которыми занималась лаборатория. Но примерную тематику разработок в резидентуре знали и до него. Так что библиотека Конгресса, считай, ничего не дала, за исключением… газеты. Любимов узнал — в лаборатории издается своя газета, нечто вроде нашей заводской многотиражки.

Но опять проблема, как достать эту многотиражку. Надо думать, на нее наложен гриф, и если уж не «секретно», то, как у нас, «для служебного пользования». И, скорее всего, запрещен вынос за пределы лаборатории.

Правда, в библиотеке ему все-таки попался старый, многолетней давности экземпляр этой газеты. Информационной ценности он не представлял, но, прочитав его от первой до последней строчки, Любимов понял: из лабораторной «многотиражки» многое можно почерпнуть. Дело оставалось за малым — раздобыть если уж не подшивку «многотиражки», то хотя бы несколько номеров.

А жизнь тем временем шла своим чередом. Наряду с основной задачей всплывали новые: знание языка, например. Оказалось, что язык он знал слабовато. Пока слабовато.

Приходилось учить английский с преподавателем, которого нанимал атташат, разумеется, читать местную прессу. Но излюбленным способом освоения языка для Любимова стало посещение кинотеатра непрерывного показа фильмов.

Смотрел фильм в первый раз, потом после перерыва, в фойе, попив кофейку, заходил в зал вторично. Смотрел, слушал, улавливал мелодию фраз, междометий, видел, как их произносят актеры-американцы. Если хватало сил и времени, после очередной порции кофе шел на просмотр в третий раз.

Кинозанятия давали свои результаты. Язык он освоил основательно. После возвращения из Штатов на экзамене в академии по всем языковым разделам получил «отлично», только по грамматике сплоховал. Американский сленг никак не влезал в те грамматические формы, которые преподавали в академии.

Были другие сложности, напрямую не связанные с работой,

но также доставлявшие немало хлопот. Вашингтон, как известно, город англоязычный. Там практически нет русских. Ну разве что работники советских диппредставительств. Языковой барьер давал себя знать. И поэтому устраивать жизнь семьи, помогать жене с покупками тоже приходилось ему.

Встретились и с реалиями американской жизни. Такими, к примеру, как киднепинг.

В один из выходных дней, когда аппарат атташе выехал в зону отдыха под Вашингтоном, жена Любимова, Валентина, занятая игрой в волейбол, не заметила, как американская пара увела их маленькую дочь.

Супруга хватилась вовремя. Успела догнать милую парочку «тихих американцев». Те бросили девочку и быстро скрылись с места преступления на машине.

Работа тоже преподносила свои сюрпризы. Первый урок был связан как раз с тем человеком, который встречал Любимова в морском порту в Нью-Йорке. Старший помощник военно-морского атташе Игорь Александрович Амосов был объявлен персоной нон грата. Ему предложили покинуть страну.

Инцидент неприятный, но, как говорят, не он первый, не он последний. Сложность состояла в том, что жена Амосова была беременна, накануне родов. И этим решили воспользоваться американцы. Они сделали несколько подходов, предлагая остаться в Штатах, — обещали хорошую работу, высокую должность, оплату.

Амосов офицер деятельный, энергичный, за словом в карман не лез. Так вот, в очередной раз, когда некий гражданин сделал ему предложение, Игорь Александрович спросил: «А сколько вы будете мне платить?» Собеседник назвал сумму. Тогда Амосов сказал: «Я делаю контрпредложение. Предлагаю вам на 500 долларов больше. И я буду делать вид, что работаю на вас, а на самом деле вы будете работать на меня. Подумайте».

В посольстве об этом разговоре Амосов доложил резиденту, тот послу. Было принято решение Игоря Александровича оградить от назойливых «работодателей». Среди тех, кто «прикрывал» Амосова, был и Любимов.

И все-таки американцам удалось перехватить Амосова в одиночку. На сей раз в ход пошли угрозы: напомнили о жене, которой предстояло рожать в американской клинике. Но и угрозы не помогли. Амосов благополучно убыл на Родину. Через некоторое время родила его жена. Тоже весьма благополучно.

Случилось это буквально в первые полгода пребывания Любимова в Америке. История, произошедшая с Амосовым, отрезвила романтически настроенного молодого разведчика.

Было о чем задуматься: о долге, о чести и совести, о степени той свободы, которая в первые месяцы казалась бесконечной, а заодно и о степени опасности…

Жизнь, как всегда, оказалась серьезным учителем. Она давала свои жесткие уроки, не спрашивая, нравятся они ее ученику или нет. И уж от него самого зависело, что взять с собой, а что отринуть. Судя по всему, молодой разведчик многое взял с собой.

Когда Любимову предстояло получить американские права на вождение автомобиля, он заполнил в полицейском участке соответствующий бланк и передал полицейскому. Тот, не поворачивая головы, пробежал бланк и задал дежурные вопросы: вы женаты? где проживаете? И вдруг Виктор услышал фразу, смысл которой не сразу понял. Она звучала как-то странно. Его спрашивали, был ли он за решеткой. Хорош вопросик, ничего не скажешь.

Представьте себе состояние советского разведчика, когда его в полицейском участке Вашингтона спрашивают такое. Что это, провокация?

Любимов переспросил. Полисмен, лениво взглянув на него, «перевел» свою фразу: «В тюрьме вы были когда-нибудь?»

Виктор ответил: «Нет», — и вышел из полицейского участка.

Странный случай, которых в жизни разведчика хоть пруд пруди. Полисмен всего лишь выполнял свой долг — ему следовало задать этот вопрос и он задал. Но каково ему, Любимову? Сидел ли он в тюрьме? Кто из людей его профессии гарантирован от тюремных нар.

Он часто будет потом размышлять над этим вопросом. А через несколько лет, в тот день, когда ему предстояло покинуть США, газеты разразятся скандалом. Первые полосы будут пестрить заголовками: «В Америке раскрыт красный супершпион», «Советский резидент за решеткой».

Да, действительно, Рудольф Иванович Абель, наш легендарный разведчик, был за решеткой в американской тюрьме.

Так что вопрос полисмена Любимов запомнил крепко, если не сказать на всю жизнь.

Тем более потом, за исключением этих первых лет в Америке, он нигде и никогда не будет работать под дипломатическим прикрытием. А поскольку нет «дипкрыши», нет и дипим-мунитета. Никто тебя не будет объявлять «персоной нон грата», просто бросят в тюрьму, а там уж как судьба улыбнется…

Но, как говорят, не бывает худа без добра. С американской полицией он познакомился неспроста: сдал экзамены на право вождения автомобиля. А это нужно было как воздух. В аппарате атташе ему выделили старенький «форд», и разведчик обрел…

Нет, не ноги— руки. Теперь он мог, наконец, дотянуться до заветной лаборатории.

Машина давала определенную свободу действий. Изучал город. Сначала новые районы. Ну, это было не сложно. Новый Вашингтон не Москва. Тут все просто: центр и от него система параллельных улиц. Ровные квадратики: 1ª улица, 2ª, 3ª. На 16й улице — советское посольство.

А вот в старых районах приходилось поплутать. Много там тупиков, различных выездов, заездов. Запоминал, где есть светофоры, где их нет. Не ради праздного любопытства запоминал, разумеется. Присматривался, где, в каком удобном месте можно бросить машину, чтобы на таком же или на другом автомобиле оторваться от «наружки». Поездки свои приходилось, конечно, легендировать, то ли под предлогом изучения языка или, например, американского судебного производства.

Хотя, признаться, посещение американских судов дало еще один неожиданный результат. К примеру, слушается дело: человек залез в долги, взял кредит и не смог расплатиться, и теперь он в суде. У него забирают дом, имущество, машину. Но кто он, этот должник, где работает, кем служит? А может быть, он интересен для нашей разведки?

Таким образом, изучая различные районы города, Любимов приближался к заветной цели — секретной лаборатории.

Теперь он старался свои выезды строить так, чтобы хоть раз в неделю побывать возле лаборатории. Подмечал, как прибывают туда сотрудники, как разъезжаются после рабочего дня по домам.

И однажды судьба наградила его за усердие. Рядом с парковкой Любимов заметил плакат, который извещал: «Лаборатория устраивает день открытых дверей». Признаться, это было чудно для советского разведчика: секретная лаборатория — и вдруг день открытых дверей. Какие «открытые двери»? Ведь за дверями государственные секреты. Но американцы, к счастью для него, думали иначе.

В день открытых дверей Любимов подъехал к лаборатории. Спецномеров, говорящих о том, что он работник советского атташата, на его машине не было. И это давало дополнительные преимущества. Виктор припарковался, осмотрелся. За стоянкой автомобилей, с тыльной стороны, виднелась высокая проволочная сетка, а вдоль нее ряд деревьев. За ними постройки лаборатории практически не просматривались. Видны только ворота с постом морских пехотинцев. В прежние дни они всегда были на запоре, но сегодня — распахнуты — иди не хочу. И люди шли. Из автобусов группами, из автомобилей в одиночку. Реакция морских пехотинцев на проходящих мимо была весьма вялой и

равнодушной.

Что ж, значит пришел и его час. Подавив волнение, Любимов, улучив удобный момент, присоединился к одной из групп. Сердце стучало где-то в гортани, казалось, его сейчас вычислят и… Но об этом он старался не думать. Больше молчал, смотрел, слушал.

Каждую группу сопровождал гид. Они переходили из здания в здание, длинными затемненными коридорами. В коридорах с настенных досок удалось похитить какие-то приказы, распоряжения, объявления. Но самой большой радостью стала газета. Та самая многотиражка, полуистертый номер которой он увидел в библиотеке Конгресса. Правда, это были свежие номера газет. Понемногу, по несколько номеров, Виктор брал газеты из разных лабораторий.

Возвратившись в аппарат атташе, Любимов внимательно перевел все документы, газеты. Это уже было кое-что. Через день он собрался вновь посетить лабораторию. Решил доложить резиденту о первой поездке и получить «добро» на вторую. Но, как оказалось, резидент куда-то уехал, и Виктор рванул в лабораторию на свой страх и риск. В конце концов, размышлял он, его действия укладываются в рамки полученной от руководства задачи. Ему приказано пробиться в лабораторию, вот он и пробивается…

Второй заход был не менее успешным. Жаль только, не удалось ему утащить телефонный справочник для внутреннего пользования. Ну, ничего, после тщательного анализа добытых материалов в его руках оказались более 300 фамилий сотрудников лаборатории. Любимов чувствовал себя победителем. Он подумал, что пора сделать и третий заезд. Но перед этим решил доложить начальству о проделанной работе. К резиденту молодой разведчик шел в приподнятом настроении — он был уверен: ему есть, что доложить руководителю.

Однако резидент, слушая доклад, все более мрачнел. Он запретил третью поездку и устроил молодому сотруднику разнос за самодеятельность. На том, собственно, и кончился разбор полетов. Зато у Любимова была солидная основа для дальнейшей работы.

В ту пору в Вашингтоне печатали отменные справочники. Прямо-таки пособие для работы разведчика. В них можно было найти фамилию, имя, адрес любого жителя города. Обложившись справочниками, Любимов стал тщательно отбирать, словно просеивая через сито, фамилии сотрудников лаборатории. Наконец из трех сотен для себя оставил пятерых. Ему показалось, что со временем он сможет выйти на них.

Начал с того, что узнал, где они живут. Смотрел, изучал,

провожал автобус, на котором приезжали на работу его будущие знакомые.

Иногда хотелось поторопить события. Казалось, ну вот разгребусь с рутинными делами и на следующей неделе займусь лабораторией. Но не тут-то было. В понедельник утром его вдруг окликали из припаркованной на обочине машины: «Гуд монинг, сэр!» Это могло означать только одно: американская контрразведка начинала десятидневку «вождения». То есть теперь, куда бы он ни шел, ни ехал, за ним, как привязанные, будут следовать «контрики», встречать у подъезда утром, провожать вечером. Тем более что американские контрразведчики действовали, не скрываясь. Это было своего рода психологическим давлением. Мол, куда ты ни пойди, мы всегда рядом, все видим и знаем.

Но проходили дни «вождения», контрразведка садилась на хвост другим сотрудникам, и начиналась настоящая работа.

В ходе изучения из пятерых кандидатов осталось трое. Одна женщина — библиотекарь, второй — мужчина с русской фамилией и третий — авиамоделист-конструктор.

Решил начать с русского. Не только потому, что его фамилия кончалась на — ое и была как-то душевно ближе.

Однажды, проезжая мимо его дома, заметил на газоне фанерный щит с надписью: «Продается дом». А почему бы не зайти, не спросить, сколько стоит?.. Так созрела идея. «Покрутив» ее, почитав рекламу, приценившись к домам, словом познакомившись с рынком, Любимов решил «поторговаться». Авось, продавец клюнет.

Приехал, позвонил. Открыл еще молодой мужчина, возможно, лет на пять старше Виктора. Хозяин дома сразу смекнул, что перед ним не американец. Да и Любимов не собирался скрывать: он так и сказал, мол, приехал осведомиться о стоимости дома. Его хочет купить советский военно-морской атташе под свой офис.

Услышав такое, владелец дома не на шутку был испуган. Какой атташе? Советский? Да вы что? Любимов упирался. «Атташе даст хорошую цену». «Не нужна мне его цена. У меня контракт. Уезжаю в Европу».

И все-таки в ходе этого короткого разговора Любимову кое-что удалось выяснить. Что владелец дома действительно подписал контракт с одной из крупных военно-промышленных компаний в Западной Германии. Более того, он планировал остаться там надолго и поэтому продавал дом. Но советскому атташе дом не продаст и просил господина больше не беспокоиться. В конце разговора добавил, что его корни вправду

из России, но от русского у него только фамилия.

Что ж, и этого было вполне достаточно. В последующие недели Виктор продолжал наблюдение за домом до тех пор, пока объявление о продаже не исчезло с лужайки. Для страховки он позвонил по телефону и попросил хозяина дома. Ему ответили, что хозяина нет.

Через несколько дней сделал еще один звонок и, когда вновь услышал отрицательный ответ, спросил, не на Западном ли побережье он. «Нет не на Западном, — был ответ. — Его вообще нет в Вашингтоне. Он в Европе».

Это все, в чем Любимов желал убедиться. Больше звонить не имело смысла.

Настало время знакомства с библиотекаршей.

ФОКУС ДЛЯ ДУНКАН

…К тому времени Любимов уже знал: библиотекарша (псевдоним «Дункан») жила одна в небольшом доме в одном из районов Вашингтона. Было ей около тридцати, у мужчин успеха не имела. Распорядок дня в будни и в выходные — изучен.

В резидентуре разработали легенду: Любимов якобы от имени своего хорошего товарища, того самого сотрудника лаборатории с русской фамилией, обращается к библиотекарше с просьбой достать для него необходимую литературу.

Проверить, так это или нет, она уже не могла. «Товарищ» убыл в Европу. Оставалось только надеяться: поверит— не поверит.

Фокус удался. При первой же встрече, когда Любимов сослался на «товарища», дама любезно согласилась ему помочь. «Я знаю его очень хорошо, — сказала она и, словно в подтверждение своих мыслей, добавила: «Ах да, у вас же похожие русские фамилии».

Для убедительности Любимов привел еще кое-какие детали, например, о том, что его «товарищ» уехал с континента, а жил он в таком-то доме. Дом этот продал. Дама соглашалась. Действительно, все это она слышала от своих коллег. К тому же молодой человек с русской фамилией был весьма обаятелен, занимался наукой, проблемами моря и вот— просил помощи. И она согласилась помочь.

В этот период Любимову удалось познакомиться с инженером крупной американской фирмы, которая занималась научной разработкой металлов для корпусов ракет. Встречались они в гольф-клубе.

Вообще игра в гольф весьма удобна для беседы с объектом. Бескрайние поля, вокруг ни души, обсуждай любые темы. Никто тебя не запишет, не подслушает. Словом, здесь люди знакомятся, соревнуются, заключают пари. Вечером в баре гольф-клуба угощает проигравший.

Гольф сближает. Сблизил он и советского разведчика Любимова с инженером фирмы «Атлантик», который проходил в наших документах под псевдонимом «Леонардо».

Виктор не скрывал, что он работник советского посольства. Даже предупреждал, мол, наше знакомство тебе не повредит? Инженер был молод, горяч, самоуверен. Он лишь улыбался: у нас свободная страна, а ты мой «бадди», приятель. Это мое дело, с кем дружить, общаться. И все-таки Любимов просил не рекламировать их встречи. И надо отдать должное — «бадди»

согласился.

А инженер, как говорят разведчики, был перспективным. Он много рассказывал о работе своей «корпорейшн», показывал образцы изготовляемых деталей. У молодого разведчика Любимова просто чесались руки «позаимствовать» такой образец. Но внутреннее чувство подсказывало: этого делать нельзя.

Позже он поймет, что в тот момент был больше похож на горячего молодого жеребца из известного анекдота, который призывал быстро-быстро спуститься с горы и оприходовать по кобылке. Резидент удержал его, посоветовал не торопиться. И, как оказалось, был прав.

Американская контрразведка не дремала. Любимов сам попал в разработку. Один из наших источников вовремя предупредил: за встречей Виктора и Леонардо вела наблюдение бригада американской контрразведки.

В резидентуре встревожились, провели подробный анализ и пришли к выводу: просчетов со стороны Лоджа не было. Значит, где-то прокололся инженер. Где, это еще предстояло выяснить. Но вот группа контрразведчиков на хвосте молодого сотрудника — знак недобрый. И все-таки решили контактов

С Леонардо не прекращать. По-прежнему встречаться, играть в гольф, будто ничего не произошло, но не задавать вопросов о фирме, о деятельности инженера.

… и осторожность, прежде всего осторожность.

Тем не менее, на одной из встреч в гольф-клубе Любимов не выдержал и задал вопрос: «Как дела на работе, дома?» Леонардо с удовольствием рассказал, что получил «промоушен» — повышение по службе. «Надо отметить!» — улыбнулся Виктор и тут же поинтересовался: «А как это у вас происходит?» «Ну, смотрят по результатам работы, плюс отзывы в коллективе… При этом заполняешь шифр, там масса вопросов», — ответил инженер.

— Каких вопросов?

— Да разных, начиная, где родился, как женился, где учился. Вплоть до того, сидел ли в тюрьме… Есть вопросы про знакомых…

— Меня ты случайно не причислил к знакомым?

— А как же? — удивился Леонардо. — Написал, что знаком с мистером Виктором из советского посольства.

Все встало на свои места. Работу с Леонардо пришлось прекратить.

Поразительно, но жизнь свела их вновь через много лет. Их случайная встреча была как подарок судьбы.

В 1963 году Любимов случайно встретил Леонардо в аэропорту Орли, под Парижем. Они узнали друг друга. Оказалось,

что Леонардо прилетел из США в Европу в служебную командировку. После обмена приветствиями и несколькими фразами о благополучии они, чисто прагматически, по-американски, договорились провести вместе вечер.

Этот вечер прошел хорошо к обоюдному удовольствию. Леонардо рассказал о том, как он из крупной ракетной фирмы попал в Госдепартамент. У него было прекрасное образование, солидный служебный стаж, опыт работы. Протекцию ему составил один из конгрессменов. И теперь он консультант — советник Госдепартамента США по проблемам вооружения.

Любимов тоже рассказал о себе. Разумеется, это была легенда.

Леонардо признался, что после отъезда Любимова в Советский Союз его вызывали в службу безопасности компании, где не только расспрашивали о поведении сотрудника советского посольства, но и объяснили, что его русский друг подозревается в принадлежности к советской военной разведке, которая занимается промышленным шпионажем, покупкой секретных технологий, образцов вооружения и техники.

Он рассказал сотрудникам службы безопасности, что от Виктора не поступало ни просьб, ни предложений. Ему, судя по всему, поверили. Однако возможность получить хорошие деньги за секретную документацию осталась у него в памяти.

После этих слов Виктор задал прямой и острый вопрос: «А если я действительно готов купить, есть что-то предложить?» Леонардо ответил: «Тогда не было, сейчас есть».

Он объяснил свою готовность пойти на сделку мотивами чисто пацифистского характера. Мол, на него сильно подействовали атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Он не хотел бы повторения этого. Тем более в то время шла острая дискуссия о размещении американских «Першингов» с ядер-ными боеголовками в ФРГ, Англии, Италии, Турции и, возможно, в других странах Европы. Шли интенсивные дипломатические переговоры. В Англии проходили бурные манифестации, в средствах массовой информации не было перерыва в дебатах на эту тему. По сути, стоял вопрос об «атомизации» Западной Европы, быть ли ей под угрозой ответных действий со стороны СССР и стран Варшавского договора. США, в соответствии со своими планами ядерной войны против СССР, во что бы то ни стало хотели приблизить стартовые позиции ракет к нам и увеличить радиус поражения.

В то время благополучно завершился Карибский кризис и руководители США и СССР искали более безопасные ориентиры во внешней политике. Видимо, искал их и Леонардо, но он уже

глубоко понимал, что в давних спорах в Вашингтоне был прав не он, а Любимов. Видимо, он также понял, что на сотрудничестве с ним он может хорошо заработать. Являясь сотрудником одной из американских дипломатических служб, он имел доступ к важным документам, которые привозил с собой из Вашингтона в Европу и на время передавал их Виктору.

Словом, они восстановили старые, дружеские связи, которые вскоре перешли на деловую основу: «товар-деньги». Удалось договориться о купле-продаже документов, которые имелись у Леонардо с собой.

Добропорядочность Леонардо была проверена уже в течение этих двух недель его пребывания в Париже. Он заблаговременно информировал Любимова о действиях, шагах или акциях, которые будут проводиться американской стороной по отношению к союзникам и СССР. Реальные действия правящих кругов США, становившиеся достоянием дипломатических кругов и СМИ, подтверждали точно упреждающую информацию Леонардо.

Он не боялся опасности. В Париж он прилетал в командировки на самолетах Госдепартамента или ВВС США. Условным сигналом сообщал Виктору Андреевичу о своем прилете, затем следовала встреча, как правило, в хороших ресторанах известных гостиниц, прием и через некоторое время возвращение документов вместе с хорошим вознаграждением за предыдущую партию.

Агентурных встреч, явок, паролей и других оперативных атрибутов с Леонардо не было, кроме одного условного звонка, который делался якобы ошибочно. Специально Леонардо к Любимову не прилетал. Встречи были только тогда, когда он бывал в Европе официально. Документы Леонардо были очень важными и, как правило, докладывались военно-политическому руководству нашей страны. В частности, одним из документов был проект плана НАТО по боевому использованию ракет «Першинг» и ракет «Найк» с ядерными боезарядами. Эти документы носили гриф секретности «Атомная информация. Специальное обращение». Позднее эта информация была подтверждена документами, полученными от Мюрата. Командование ГРУ сочло необходимым доложить эту информацию начальнику Генерального штаба маршалу Бирюзову, а затем от имени министра обороны и начальника Генерального штаба обобщенная информация агентуры ГРУ была доложена И.С. Хрущеву.

Иногда Любимов и Леонардо встречались в каком-нибудь пригородном ресторане или в ночные часы в ресторанах

Центрального рынка и, отключившись от конкретных дел, обсуждали различные проблемы между США и СССР в других точках мира. В 1963–1964 годах Виктор Андреевич получил от Леонардо почти 200 документов, не столь объемных, но очень важных по принципу «мал золотник, да дорог». После отъезда Любимова в 1965 году на родину работа с Леонардо была прекращена по его инициативе. Он, видимо, решил не рисковать и от сотрудничества с разведчиком, заменившим Виктора Андреевича, отказался. От каких-либо контактов в Вашингтоне или в Нью-Йорке он также отказался еще в период встреч с Любимовым.

Но все это будет позже, во время работы Виктора Андреевича в Париже, а сейчас вечером в резидентуре вновь был проведен анализ обстановки. Обстоятельства складывались не в пользу Любимова. Вместе с Вадимом Сорокиным ему не удалось добыть столь необходимую лампу бегущей волны. Недавно с помощником военного атташе Владимиром Ващенко они не смогли в день открытых дверей проникнуть на борт только что спущенного на воду лидера американских эсминцев «Норфолк». Их выследила контрразведка. В какой-то момент им удалось оторваться от слежки, но опытная «наружка», в конечном итоге, вычислила конечный пункт их движения. Им мягко указали на дверь.

И теперь опасная «засветка» по линии Леонардо.

Ну да ладно Леонардо, разработка Дункан уже давала реальные результаты. На встречах она много рассказывала о взаимоотношениях в лаборатории, в среде сотрудников. Называла фамилии, имена, приносила газеты, различные материалы. Правда, это еще не были документы, научные разработки, но все бумаги соответствовали грифу «для служебного пользования» и много значили для анализа деятельности лаборатории.

«Москва. Центр. Карпову.

В первом полугодии Лодж работал так же активно, используя пути в приобретении знакомых.

Имеет их больше других оперативных работников его положения, но мы учитываем и то, что Лодж склонен к завышению своих успехов.

Нам кажется, что наиболее ценным знакомым является Леонардо, но он еще недостаточно изучен.

Лодж предлагает укрепить связи с Дункан. Дункан для нас, безусловно, представляет интерес.

Резидент ГРУ в Вашингтоне Федоров.

Как видно из телеграммы резидента, Лодж был готов и дальше идти на риск. Но резидент не мог ему позволить

рисковать. Любимов был молод, и отдать его на съедение опытным контрразведчикам было бы преступлением.

И тогда принимается единственно верное решение. Контакты с инженером заморозить, библиотекаршу передать на связь другому оперативному офицеру.

Любимов получил другую задачу— сосредоточиться на изучении организации, формах и методах работы американской контрразведки. Кстати, по возвращению из США первым делом ему приказали написать на эту тему обстоятельный доклад, который стал своеобразным учебным пособием для будущих военных разведчиков, работающих в Америке.

Доклад он этот написал и даже потом с успехом озвучил. Сложностей тут особых не было. Ведь Виктор вдоволь пообщался с американской контрразведкой и знал ее достаточно хорошо. Как, впрочем, и она его.

В картотеке американской контрразведки «доркипер» советского посольства проходил под оперативным псевдонимом «Лио». Американцы любили показать свою силу. Они встречали Лио у дома утром, демонстративно приветствуя его. Провожали в прогулках по городу, нередко «брали в коробочку», когда один «КРошник» шел впереди, второй — сзади, двое — по бокам.

Случалось, утром в гостинице, когда Любимов спускался к завтраку и желал просмотреть утреннюю газету, ему тут же ее подносили. Нет, не служащие отеля, а визави-контрразведчи-ки. Заодно вроде как и предупреждали: мы здесь, с вами. Это было своего рода психологическое давление, мол, никуда не денетесь, наше «око государево» всюду следит за вами.

«Око государево» представляли живые люди со своими недостатками и пристрастиями. Они могли предложить «русским дипломатам» вместе перекусить в кафе, ибо подошло время обеда. И когда те отказывались, спеша по делам, на очередной остановке шины их машины неожиданно проседали. В отсутствие хозяев кто-то прокалывал их. Этакая гнусная месть за непослушание.

Страсть как не любили «КРошники» разного рода неожиданности со стороны советских разведчиков. Однажды по служебной необходимости Любимову было поручено сыграть роль двойника военно-морского атташе. Виктор и ростом, и комплекцией вполне походил на него. Словом, Лио сел в машину атташе и рванул в город. Покрутился, помотал контрразведку по улицам, запарковал машину и пошел бродить по магазинам, искать шахматы.

Шахматы он действительно купил, хоть и пластмассовые, но отменной работы, выполненные под кость. Его «вела» бригада

наружного наблюдения. Каково же было удивление «на-ружки», когда один из них увидел лицо Виктора. Он с удивлением воскликнул: «Это же Лио!» И вся бригада, по очереди подходили, нахально разглядывая. Они явно были недовольны и Лио, и сыгранной им ролью.

Любимов еще раз серьезно рассердил агентов бригады наружного наблюдения, когда демонстративно оторвался от слежки сразу нескольких машин. Следует сказать, что это было сделано по прямому указанию резидента, который, в свою очередь, выполнял задание Центра. Дело в том, что на одной из машин аппарата военно-морского атташе в бензобак был искусно вмонтирован радиосигнализатор, позволявший контрразведчикам обнаружить эту машину в любом месте, в любое время. Нашли сигнализатор случайно, а установили его американцы на станции техобслуживания при ежегодной проверке двигателя и ходовой части машины.

Центр, которому было доложено об этом, распорядился тщательно описать принцип работы и технические характеристики сигнализатора, проверить на практике возможность ухода от слежки и дальность прохождения сигнала. Виктор хорошо водил свой «форд» с автоматической коробкой передач, и резидент поручил ему провести этот проверочный маневр. После обдумывания Любимов предложил свой план. Маршрут проходил по старой части города, где была хаотичная застройка, а частое одностороннее движение могло поставить в тупик даже хорошо знающих район агентов наружного наблюдения.

Двигался Любимов «рваным» методом: уходил из поля зрения «наружки» на большой скорости, затем парковался, выключал двигатель. Потом осуществлял бросок в другом направлении. План оправдал себя. Наружное наблюдение запуталось, потеряло автомашину Виктора сначала визуально, а затем из зоны слышимости сигнализатора. Лишь центральный пост слежения контрразведки сопровождал некоторое время его машину, а затем и он потерял ее.

Добравшись до границы разрешенной зоны, Любимов развернулся и спокойно поехал назад. По дороге его поочередно «подхватывали» машины контрразведки и вели до здания, где размещались аппараты военных атташе.

Позже «КРошники» припомнят Виктору его выходку. После одного из приемов у польского военного атташе он не найдет своего автомобиля в запаркованном месте. О пропаже будет заявлено в полицию, и та вскоре отыщет «форд». Ее загнали в один из ближайших дворов, разбили радиатор и бросили.

Но самую опасную игру в кошки-мышки с контрразведкой Виктор Любимов сыграет перед своим отъездом из США. Уже на борту самолета он откроет свежую «Нью-Йорк тайме» и прочтет заголовок: «Арест русского супершпиона». Тягостно-тревожно заноет сердце. Ведь тот рисковый поход в гостиницу, неизвестно на встречу с кем, мог стать последним и для него. И сегодня о нем бы писала «Нью-Йорк тайме». К счастью, этого не случилось.

БАГДАДСКИЙ ВОР

Любимов слышал, как у ворот посольства затормозила машина и почтовые служащие сбросили мешки с почтой. Он затащил их внутрь, распаковал, и началась обычная рутинная работа: письмо — туда, письмо — сюда. Это военно-морскому атташе, это военно-воздушному…

С началом рабочего дня офицеры забрали каждый свою почту, а на его дежурном столе остался лежать неизвестный ключ с биркой и номером.

Он поспрашивал сотрудников посольства, чей ключ, но никто не признавал его своим, и Любимов вскоре забыл о нем. Мало ли кто оставил ключ, хватятся, прибегут. У Виктора и своих забот полон рот.

Но через несколько дней, когда вновь пришла его очередь заступить на дежурство, Любимов увидел тот самый ключ. Он лежал на том же месте.

А вечером был странный звонок. Не представляясь, человек на том конце провода спросил:

— Вы получили ключ?

— Какой ключ?

— Несколько дней назад вам направили ключ. Вы получили его?

Теперь Любимов понял, о каком ключе идет речь.

— Да, да, получили, — ответил он. — Но что это за ключ?

Неизвестный звонивший умолк, потом раздраженно выругался: «Глупцы!» Трубка наполнилась гудками.

Любимов повертел в руках ключ. Ключ как ключ. Он мог быть… Да от чего угодно он мог быть. Тут гадай хоть до утра.

Виктор решил не гадать, а первым делом доложить обо всем резиденту.

Резидент, выслушав загадочную историю, также повертел ключ и, пожав плечами, посоветовал Любимову:

— Ты спроси в следующий раз у этого таинственного абонента: от чего ключ? Пусть хоть намекнет.

Утром раздался еще один звонок, теперь уже междугородний. Тот же голос в трубке спросил:

— Вы получили ключ?

— Да, получили…

— А документы забрали?

— Какие документы?..

— Глупцы! — вновь последовало резюме, и говоривший бросил трубку.

На сей раз резидент приказал Любимову неотлучно находиться у телефона. Была разработана схема разговора.

Звонок последовал через день. Виктор попросил сделать хотя бы намек. Абонент с раздражением и досадой гаркнул в трубку: «Busstation» — «Автобусная станция».

Теперь хоть в какой-то мере прояснилось: речь идет о неких документах, которые находятся в камере хранения автобусного терминала. Это подтвердили и наши радиоперехваты. Они засекли переговоры между стационарными и подвижными группами «наружки». Контрразведка бросилась на поиски неизвестного. Но найти его оказалось нелегко. Говорил он коротко, звонил из городов, близлежащих к Вашингтону, и поэтому запеленговать абонента было практически невозможно.

А если это провокация, игра контрразведки? И нет никакого абонента-доброжелателя, а в ячейке автовокзала вместо документов — наручники. Что ж, могло быть и такое.

Словом, решили не рисковать, выждать, посмотреть, как дальше будут развиваться события. Примерно месяц абонент-доброжелатель на связь не выходил.

Но однажды, вновь во время своего дежурства, Любимов обнаружил «бесхозный» ключ. Он остался лежать после разбора почты. Теперь на бирке ключа было название отеля.

Вскоре следом раздался звонок.

— Вы получили ключ?

— Да, конечно.

— О'кей! — сказал абонент. — Делайте это быстро.

Быстро так быстро. Любимов сразу же доложил резиденту о содержании разговора. Резидент пригласил своего заместителя и военно-морского атташе, а Виктору приказал быть в готовности на случай новых телефонных звонков.

Приблизительно через час резидент вызвал Любимова, объяснил свое видение ситуации, предложил рискнуть и встретиться с настойчивым абонентом в отеле, указанном на бирке ключа. Резидент предположил, что это, скорее всего, желающий заработать «доброжелатель», однако возможны, и происки контрразведки. И все же глава резидентуры принял решение встретиться с иностранцем, предлагавшим какие-то материалы. Выполнение этой задачи он поручает Любимову, хотя тот может и отказаться, если сочтет операцию слишком рискованной для себя перед отъездом на Родину. После некоторого размышления Виктор согласился.

На решение резидента — поручить выполнение этого задания Любимову — повлияло несколько факторов. Во-первых, Виктор уже слышал голос звонившего. Во-вторых, и это главное, он

допускал «подставу» и даже потерю оперативного работника. Но потеря была бы минимальной. Виктор — технический работник, оперативная деятельность ему вот уже как месяц запрещена Центром, поскольку предстоит плановая замена и отъезд из США.

Что ждет его в номере отеля, не знал никто. Возможно, пакет с документами или сам доброжелатель, а вполне вероятно и бригада «наружки». Могли арестовать и на входе; в номер, как обычного гостиничного вора.

И он решил идти. Прикрывал, обеспечивал безопасность помощник военно-морского атташе Иван Переверзев.

…Вечером Любимов и Переверзев должны были отправиться домой по обычному, привычному для контрразведки маршруту. На подъезде к дому провериться, нет ли хвоста, и, помотавшись по городу, выехать к отелю. В это время другие сотрудники уводили «наружку» в противоположную часть города.

Однако когда они подъехали к отелю, стало ясно: центральный вход контролировался контрразведкой. Их машины разведчики разглядели издали. Возвращаться в посольство, советоваться с резидентом было некогда. Решили пробраться в гостиницу с тыльной стороны. Отсюда к отелю примыкали аллеи, кустарники, небольшая лощина с ручьем. По парку проложены дороги, хоть и достаточно узкие, но проехать на машине можно. Уже потемнело, было около восьми часов вечера. Территория парка освещалась не всюду. В общем, сказано — сделано.

Они въехали в парк, оставили машину и пешком пробрались к отелю. Но их ждало разочарование. Вход с тыльной стороны на уровне первого этажа отсутствовал. Только пожарная лестница, ведущая на второй этаж, и там запасной вход.

Любимов влез по лестнице на площадку. Переверзев остался внизу, на страховке.

Впереди у Виктора еще три этажа. Номер «доброжелателя» располагался на 5-м. Ну вот, наконец он в гостиничном коридоре.

Коридор был пуст, сумеречен и тревожен. Казалось, сейчас откроется ближняя дверь и путь ему преградят люди в штатском: «Добрый вечер, мистер Любимов! Здравствуй, дорогой Лио. Давно тебя ждем».

Но двери заперты, и Виктор «проскользнул» к нужному номеру, прислушался. За дверью — тишина. Нащупал скользкий ключ, вставил в замочную скважину. Открыл дверь. Быстро вошел. Замер у стены.

В номере темнота. Когда глаза привыкли к темени, увидел перед собой окно. Тихонько, по ковру, подошел, задернул шторы, зажег свет. Оглядел номер, заглянул в ванную, в спальню. Никого. Однако совсем недавно здесь кто-то был. Смята, не убрана

постель, в пепельнице окурки. На полу валялась газета. В спальне за тумбочкой увидел конверт, сунул в карман. Документов не нашел.

Потом выключил свет, раздвинул шторы. Выглянул в коридор. Пусто. Быстро вышел, запер ключом дверь и выскочил на лестницу. Иван Переверзев, не дождавшись Любимова, сам забирался по пожарной лестнице. Здесь они и встретились. Спрыгнули вниз, спустились к машине.

Виктор все рассказал. Что дальше? Документов нет, «доброжелателя» тоже нет. Решили заехать в бар и оттуда позвонить в отель.

Заехали. Заказали пиво, и Любимов сделал телефонный звонок. Названный номер не отвечал, а дежурный администратор объяснил, что жилец покинул гостиницу около 19 часов.

Возвратились в резидентуру, передали атташе пакет.

— Ну что ж, Любимов, — сказал резидент, — занимайтесь сборами, укладывайте вещи (вскоре Виктору предстоял отъезд в Москву), а я доложу об этом деле в оперативном письме.

— А ключ? — Любимов держал в руке злополучный ключ.

— А… а… — махнул рукой резидент, — ключ оставьте себе. В Москве подарите его начальнику управления.

Вот так завершилась первая американская командировка военного разведчика Виктора Любимова. Поездом, с семьей он добрался от Вашингтона до Нью-Йорка, оттуда — самолетом через океан во Францию, в аэропорт французского города Брест. От Бреста — поездом в Париж. Далее Мюнхен — Прага и через Чоп — в Советский Союз, в Москву.

Его назначили оперативным офицером в американское направление ГРУ.

Через несколько дней Любимова пригласил на доклад по результатам командировки начальник управления. Генерал-лейтенант выслушал офицера, а когда тот рассказал о последнем случае, проникновении в отель, помрачнел лицом. Спросил, почему ему не известно об этом. Что тут мог ответить Любимов? Резидент, мол, обещал доложить и просил передать вам ключ.

Генерал еще больше насупился и ключ не взял.

— Вы, Любимов, больше похожи на вора, чем на разведчика, — сказал он, словно подписал приговор, и сухо добавил: — Идите.

Как оглушенный вышел из кабинета Любимов. Вот так, заслужил награду.

К счастью, слова эти начальника управления не имели никаких последствий. Любимов служил достойно, вскоре его избрали в партийное бюро управления.

Встречаясь на заседаниях партбюро, начальник управления часто шутил, пожимая руку Любимову: «Как дела, багдадский вор?» Но тут же просил не обижаться.

Любимов не обижался. Но все это будет потом. А сегодня он был перекрещен генералом заново. Ну а завтра…

ПОДНОЖКА СУДЬБЫ

— Любимов, ну что прикажешь с тобой делать? — Начальник управления капитан 1-го ранга Соловьев тыкал пальцем в личное дело, которое лежало перед ним. — Полюбуйся, какую аттестацию ты заслужил!..

Соловьев развернул красную лидериновую папку и двинул ее к Любимову.

Виктор быстро пробежал строки аттестации: «В работе инициативен, энергичен и работоспособен. В выполнении служебных заданий пунктуален и аккуратен. Обладает способностью анализа событий и обстоятельств».

Он недоуменно поднял глаза на капитана 1-го ранга.

— Ты читай, читай дальше. С обратной стороны.

Капитан-лейтенант перевернул страничку.

«Страдает зазнайством и высокомерием по отношению к товарищам, в том числе и старшим, допускает грубость и невыдержанность. Иногда недостаточно скромен в оценке своих способностей, своей роли в коллективе и заслуг».

Виктор почувствовал, как деревенеют пальцы. Он посмотрел на Соловьева. Тот молча качал головой, то ли соглашаясь с прочитанным, то ли укоряя, вот, мол, дослужился.

Дальше по тексту шли слова, которые Любимов дословно помнит и сегодня, через сорок с лишним лет:

«Раздражителен и обидчив. Замечания иногда воспринимает болезненно. Недостаточно тактичен, как следствие недостаточной скромности.

Военно-морской атташе при посольстве СССР в США капитан 1-го ранга Ф. Преснаков.

Виктор вспомнил партсобрание, свое выступление, где он с флотской прямотой рубанул что думал. А еще плохо скрываемое раздражение военно-морского атташе Преснакова. Вот оно как аукнулось в его аттестации. Не думал…

Ворота секретной лаборатории, словно двери мышеловки нахальные улыбки американских контрразведчиков, ключ «доброжелателя» в потных от волнения ладонях, номер гостиницы, где его запросто могли повязать, как элементарного вора. Неужто это все, что он заслужил за три напряженных года в Вашингтоне?

Он еще раз взглянул в глаза Соловьеву, словно спрашивая: «Ладно Преснаков, он хорошую аттестацию только своему водителю написал. Но вы-то знаете, как я работал?..»

«Если бы не знал, ты бы уже здесь не работал…» Однако

ничего такого вслух они друг другу не сказали, а капитан 1-го ранга захлопнул личное дело Любимова — красную лидериновую папку — и отправил капитан-лейтенанта в отдел.

Аттестация был передана по команде начальнику управления. Тот в графе «Заключение и отзывы старших начальников» написал:

«Недостатки т. Любимова в аттестации преувеличены. Фактически т. Любимов страдает не зазнайством и высокомерием, а отсутствием в отдельных случаях должного такта в обращении со старшими.

Начальник 2-го управления ГРУ ГШ инженер-полковник В. Соловьев.

27 апреля 1957 года».

С этим решением согласился и ВРИО начальника ГРУ Генерального штаба генерал-лейтенант Хаджи Мамсуров.

Вот так, по существу, закончилась его первая заграничная командировка и началась служба в аппарате ГРУ в Центре. Однако аттестация Преснакова еще «догонит» Любимова и подставит подножку.

В 1957 году, ко времени возвращения из США, ему исполнится 30 лет. По всем флотским меркам для капитан-лейтенанта возраст солидный. Его однокурсники по военно-морскому училищу им. М. Фрунзе за эти годы ушли далеко вперед. Некоторые уже командовали кораблями. А ему, чтобы вернуться во флот, надо было начинать все сначала: ехать на офицерские курсы в Ленинград, потом возвращаться в плавсостав. Кем, на какую должность? Опять командиром боевой части. Так это он прошел уже семь лет назад. По всему выходило — оставаться ему в разведке. Здесь ведь тоже были кое-какие наработки: три года за рубежом, обретенный опыт, знание языка. Вот только образование?.. Годичных, пусть и Высших курсов разведки, маловато. Стало быть, путь один — учиться. И Любимов подает рапорт с просьбой направить его в военно-дипломатическую академию.

Рапорт, как и положено, пошел по команде — начальнику управления. Вроде бы все в порядке. Никто не против, все за. Но когда в кадрах составили списки кандидатов для сдачи экзаменов, Любимова в них не оказалось.

Кадровики внимательно почитали его личное дело и решили, что есть более достойные. Опять выплыла на поверхность аттестация Преснакова: зазнайство, высокомерие, нескромность. Куда уж там, какая академия с такими недостатками? Тут до конца жизни не отмоешься.

Ну, мало ли, начальник управления поправил: мол,

недостатки т. Любимова в аттестации преувеличены. Какой-то кадровый чиновник посчитал, что они совсем не преувеличены. А может, и не считал ничего, просто отодвинул личное дело в сторону, от греха подальше.

В тот день Любимов наговорил много неприятных слов начальству, но своего добился, его включили в число кандидатов.

Начальник управления капитан 1-го ранга Голицын охарактеризовал своего подчиненного так: «За время командировки и работы в центральном аппарате Любимов Виктор Андреевич показал себя грамотным, инициативным и исполнительным офицером. Свой участок знает хорошо. К работе относится добросовестно.

В аттестации за период зарубежной командировки отмечались личные недостатки Любимова В.А., которые, по оценке командования управления, были признаны недостаточно объективными и преувеличенными.

За время работы в центральном аппарате недостатки, указанные в аттестации, не отмечались.

В целях повышения уровня оперативных и военно-морских знаний целесообразно послать капитан-лейтенанта Люби-мова Виктора Андреевича на учебу в военно-дипломатическую академию».

Кстати, забегая вперед, хочу сказать, что в академии он учился серьезно и окончил ее с отличием. Их было всего двое отличников в военно-морской группе.

Но до «отличного», красного диплома было еще далеко, а обида, нервные перегрузки дали о себе знать. В этот раз «с дистанции» его сняли врачи — неожиданно подскочило давление, и терапевт местной академической санчасти вообще подписал приговор: у Любимова порок сердца. Молодой морской офицер, не болевший раньше ничем, кроме простуды, и вдруг — порок сердца.

Но Любимов и тут не сдался. Настоял на том, чтобы его направили в госпиталь им. Бурденко для проведения всестороннего обследования. Обследовали. Заключение было однозначным: здоров, годен к поступлению в академию.

Однако местный доктор-терапевт, поставивший ему «сердечный» диагноз, не спускал с Любимова глаз все годы учебы. Он с удивительной регулярностью посещал соревнования, в которых принимал участие Виктор. В перерыве, улучив минутку, «подкатывал», участливо брал за руку. Нащупывал пульс. Что и говорить, такое «пристальное внимание» медицины било по нервам, но Любимов учился подавлять эмоции. Иначе какой же из него разведчик? Да и доктора можно было понять: «лопухнулся»

он крепко. Парня записал почти в инвалиды, а он оказался вчистую здоров, да еще и в волейбол «режет» за сборную академии так, что позавидуешь. Такой просчет уязвит любого.

Вот такие барьеры пришлось взять Виктору Любимову, прежде чем стать слушателем Военно-дипломатической академии.

Группа у них была полностью морская, сплоченная, дружная. Виктор любил язык, спецпредметы. Из первой своей американской командировки он вынес твердое убеждение: без языка — нет разведчика.

Позже в беседе со мной Виктор Андреевич Любимов, рассуждая о причинах успеха или неудач разведчика, на ведущее место поставил именно язык: «Первое— это знание местного, национального языка. В период своей работы оперативным офицером во Франции я хорошо знал два языка — английский и французский. И тот и другой старался совершенствовать, доводить до уровня местных жителей. Ходил в кинотеатр непрерывного показа фильмов, любил поговорить с таксистами, дотошно расспрашивал продавцов в магазинах, посещал суды, где рассматривались уголовные и гражданские дела.

В разговорах меня нередко принимали за скандинава, но никогда за русского.

В совершенствовании языка помогала и моя «крышевая» должность. Ежедневные встречи с представителями фирм, с портовыми властями, со служащими и рабочими, разбор аварийных ситуаций заставляли деятельно общаться с французскими собеседниками.

Все это потом здорово помогло в работе с нашими ценными агентами: Мюратом, Луизой, Бернаром, Гектором, Артуром».

Да, жизнь, служебные обязанности заставляли совершенствовать язык, но базовые знания Любимов получил, конечно же, в академии.

Однажды на экзамене по французскому в аудиторию вошел заместитель начальника ГРУ генерал-полковник Хаджи Мамсуров. Послушав диалог Любимова с педагогом, он остановил экзамен:

— Стоп, Любимов, вот тебе объект для вербовки.

И он указал на преподавательницу французского.

— Вербуй… А мы послушаем.

Пришлось попотеть. Но, как решили члены экзаменационной комиссии, вербовка прошла успешно.

Преподавательница французского Мария Васильевна Кузьминова, та самая, которую Виктор успешно «завербовал» на экзамене, напишет «студенту» Любимову весьма лестную

характеристику: «Капитан 3-го ранга Любимов В.А. изучает французский язык с большим интересом, много читает и регулярно слушает радиопередачи на французском языке. Прорабатываемые материалы изучает вдумчиво и глубоко.

Работает быстро. Иностранную речь (фильмы, радио) понимает хорошо. Содержание может передать с большой точностью, как на русском, так и на французском языке.

Может без затруднений вести беседу на французском языке на разнообразные темы.

Обладает большой эрудицией и высокой культурой. Начитанный.

По характеру живой, веселый и общительный. Интересный и остроумный собеседник. Спор ведет с большим тактом.

Наблюдательный. При чтении литературы и просмотре кинофильмов обращает внимание на малейшие подробности, которые часто можно не заметить.

В дальнейшем Любимову В.А. надо обратить внимание на интонацию и всегда следить за произношением твердых согласных звуков перед смягчающими гласными».

Их группа моряков-разведчиков обожала спецпредме-ты. До сих пор Любимов вспоминает добрым словом преподавателя спецподготовки — Героя Советского Союза полковника Гальперина. Ему, молодому разведчику, приходилось отрываться от плотной слежки контрразведки КГБ, которая на практических занятиях противостояла им.

По всем законам оперативного искусства, если почувствовал слежку, не следует рисковать источником и выходить на встречу. Но законы законами, даже тысячу раз проверенные опытом. А если это тысяча первый случай, что тогда? Если нет другого выхода. И Виктор рискнул. Первого из троих сотрудников «наружки» он отсек в метро, второго в наземном транспорте. От последнего ушел на такси.

Полковник Гальперин, откровенно говоря, не ждал его и был удивлен. Но действия одобрил: «Молодец! Пошел в отрыв — значит чувствовал в себе силы».

Потом полковник Гальперин скажет о Любимове: «Решителен, смел, обладает выдержкой и самообладанием. Способен пойти на разумный риск.

В ходе практических занятий проявил себя находчивым и умеющим быстро ориентироваться в любой обстановке и принимать правильные решения. Но нарушил указания руководителя и оторвался от слежки наружного наблюдения.

Обладает развитым агентурным мышлением».

В 1961 году капитан 3-го ранга Любимов закончил академию.

В выпускной аттестации начальник курса полковник В. Царев напишет: «Любимов профессию офицера специальной службы любит. Имея некоторый опыт оперативной работы, с большим желанием изучал теоретический курс специальной подготовки. Входе выполнения практических оперативных задач по специальной подготовке проявил творческий подход и разумную инициативу.

Обладает развитым оперативным мышлением; сообразителен и находчив при оценке обстановки в заданном районе.

Имеет хорошую выдержку и самообладание, в случае необходимости способен пойти на обоснованный риск с целью выполнения поставленной задачи.

Программу трехгодичного изучения французского языка усвоил отлично. Сможет выполнять на этом языке любую оперативную работу».

По выпуску Любимов готовился, как говорят в разведке, «на Канаду». Но жизнь военного разведчика сделала новый поворот.

Из Франции срочно отозвали сотрудника ГРУ, работавшего под «крышей» представителя Министерства морского флота. И родина в очередной раз сказала Виктору Любимову: «Надо».

НА КОМ ТУЛУП НЕ СВОЙ?

В октябре 1961 года в Париж прибыл новый представитель Министерства Морского флота СССР Виктор Андреевич Любимов.

Во Франции было не спокойно. В прессе, в среде интеллигенции, в армии, в коридорах власти в центре внимания единственная тема— Алжир. С 1830 года Алжир был колонией Франции, и французы считали его своей территорией. В умах и сердцах французов, да и других европейцев прочно засела идея о том, что Алжир — это Франция. Однако коренное население, называемое прежде туземцами, имеет на этот счет иное мнение.

Уже в ходе Второй мировой войны в Алжире усилились требования автономии, а наиболее радикальные представители местного населения высказывались за независимость.

8 мая 1945 года, в день завершения войны в Европе, в Алжире прошла массовая демонстрация, которая вскоре переросла в беспорядки. Французская армия жестоко подавила народные волнения, применяя артиллерию, танки и даже авиацию. Эти события вошли в историю, как Алжирское восстание 1945 года.

В ноябре 1954 года отряды повстанцев Фронта национального освобождения (ФНО) атаковали французские объекты. Началась так называемая война в Алжире.

Менее чем через год, в августе 1955-го, повстанцы устроили Филиппвильскую резню, в ходе которой погибло 123 человека мирного населения. Армия ответила жестокими репрессиями.

В 1958 году ФНО развернул кампанию городского терроризма в городе Алжир. На улицах взрывались бомбы, гибли люди.

Кризис режима IV Республики, вызванный Алжирской войной, мощным мятежом генералов, привел к власти Шарля де Голля. Ставший в годы войны национальным героем, он некоторое время находился в тени. Он не был причастен к решениям правительства по алжирской проблеме, и потому ультраправые считали, что де Голль «не сдаст Алжир».

21 декабря 1958 года генерал де Голль стал президентом Франции. Он вскоре понял, что процесс деколонизации Алжира остановить невозможно.

В сентябре 1959-го де Голль предлагает предоставить Алжиру право на самоопределение. Это заявление вызывает бурное недовольство в рядах сторонников «французского Алжира».

Референдум, проведенный в январе 1961 года о предоставлении Алжиру независимости, дал 75 % голосов «за». В ответ на это ультраправые подняли «путч генералов». Он был

организован несколькими генералами, но вскоре провалился.

После провала путча сторонники «французского Алжира» уходят в подполье и создают секретную вооруженную организацию— ОАС. Она разворачивает террористическую борьбу — убивает алжирцев, французов, распространяет свое влияние на территорию Франции, где ее главной целью становится генерал де Голль. Достаточно сказать, что за время своей деятельности ОАС организовала более десяти покушений на президента страны.

Такой была обстановка во Франции, когда Виктор Любимов приступил к исполнению своих обязанностей в Париже.

Рассматривался ли он французскими спецслужбами априори как советский разведчик? Да, рассматривался. И тут нет ничего удивительного и необычного. Даже если бы Любимов таковым не был, все равно, как новый, неизвестный человек, специалист, представитель Москвы он попал бы под пристальное наблюдение. Что, собственно говоря, и случилось.

Уже 2 февраля 1962 года начальник Главного разведуправления И. Серов получил информацию: «Любимов В.А., представитель Минморфлота СССР, рассматривается спецслужбами Франции как сотрудник советской военной разведки».

А через месяц, в марте, Центр весьма насторожило сообщение, полученное из Минморфлота. В нем говорилось следующее: «14 марта советник по коммерции при Посольстве США в СССР, нанес визит начальнику отдела внешних отношений ММФ Савельеву А.А. и в ходе решения некоторых транспортных вопросов сообщил, что наш представитель во Франции Любимов В.А. якобы изъявил желание осмотреть американский лайнер «Юнайтед Стейтс», курсирующий между Францией и США. Директор департамента коммерции в Вашингтоне, г-н Александер, просит передать через ММФ, что он не возражает против осмотра лайнера г-ном Люби-мовьщ».

В парижскую резидентуру тут же ушла срочная телеграмма с запросом, проявлял ли Любимов инициативу в посещении американского лайнера и доложил ли он об этом руководителю. В заключении говорилось, что, если факт имел место и резиденту не известно об этом, то следует серьезно указать оперативному офицеру на его неправильные действия, создающие угрозу для его дальнейшего пребывания во Франции.

В объяснительной записке Виктора Андреевича, направленной в Центр, говорилось следующее:

«1. Факт приглашения на американский лайнер действительно имел место 7 марта. В письме директора

американской компании «Юнайтед Стейтс» г-на Каванах, в котором он приглашал директора порта Гавр г-на Лепретра и г-на Любимова пообедать на борту американского лайнера.

2. Резидент был своевременно проинформирован об этом приглашении.

3. Инициатива в организации такой встречи принадлежит директору порта Гавр г-ну Лепретру, который таким образом хотел отблагодарить за бесплатный круиз на борту советского теплохода до Ленинграда.

4. Любимов в письменной форме поблагодарил г-на Лепретра за приглашение посетить американский лайнер, но в вежливой форме сообщил, что пока не может принять это приглашение.

Об этом приглашении и о вежливом отказе принять его было также сообщено в отдел внешних отношений ММФ».

Центр оценил действия Любимова как правильные, но обратил внимание на необходимость соблюдения осторожности в общении с американскими официальными представителями.

Было и еще одно обстоятельство, которое невольно ставило Любимова в роль подозреваемого в связях с разведкой.

Один из архивных документов ГРУ проливает свет на эту историю. Наш резидент в Париже докладывает в Москву: «Возможное внимание к Любимову В.А. со стороны КРО объясняется тем, что его предшественник капитан 1-го ранга Сверлов В.М. в силу неумных действий привлек к себе внимание контрразведки».

На докладе резидента есть резолюция начальника управления: «Использование на оперативной работе Любимова проводить с большой осторожностью».

Чем же привлек к себе внимание КРО предшественник Любимова, капитан 1-го ранга Сверлов? Да просто согласился на предложение французского знакомого полетать на его личном самолете. В качестве пассажира, разумеется. Полетать — еще полбеды, но взял Сверлов с собой как на грех фотоаппарат. Зачем он был ему нужен? Словно в нашей разведке на хватало карт Парижа. Это стоило капитану 1-го ранга должности представителя Морфлота во Франции. Его отозвали.

И вот уже Любимов, приехавший Сверлову на замену, попал под подозрение.

Теперь каждой стороне предстояло доказывать обратное: Любимову— что он истинный работник Министерства мор-флота, а контрразведке — что Любимов есть махровый шпион, натянувший шкуру торгового моряка.

Один неизвестный разведчик, сам в прошлом «крыше-вик»,

написал на эту тему стихи. И пусть они в художественном плане весьма незатейливы, зато отражают суть работы:

У разведки необычный к «крыше» фирменный подход.
«Крыша» — щит ее публичный,
Но к тому же груз забот.
Чтобы щит был не дырявый,
Мог надежно защищать,
Надо «крышу», Боже правый,
Как свои пять пальцев знать.
Контрразведка быстро взвесит
Всех, на ком тулуп не свой.
Ищет тех, кто ни бельмеса
По работе «крышевой».

Что ж, верно подметил поэт— «крышу» надо знать как свои пять пальцев». И это прекрасно понимал Любимов.

В те годы Советский Союз, а точнее Министерство морского флота, работал с несколькими крупными французскими компаниями. Первой среди них была частная компания «Мори», названная по имени своего хозяина. Она обслуживала торговые операции советских судов Северного, Балтийского, Черноморского пароходств и даже Дальневосточного морского пароходства, если его суда заходили в порты Франции.

Компания «Мори» выполняла большой объем работ — она вела погрузочно-разгрузочные работы, обслуживала суда во время пребывания их в порту— поставляла продукты, снабжала питьевой, пресной водой, электроэнергией, топливом. На этом зарабатывала солидные деньги и была очень заинтересована в развитии коммерческих связей с Советским Союзом.

Как только Любимов появился на пороге компании «Мори», он был любезно принят коммерческим директором господином Панатье. Тут же для удобства работы к нему приставили господина Женебреля. Это был весьма внимательный и обходительный чиновник, который всюду следовал за представителем Минморфлота СССР. Любимов на север Франции, в Булонь, и Женебрель туда же. Любимов на юг, и Женебрель тут как тут— готов помочь, услужить, показать порт, познакомить с начальником.

В общем, в принадлежности внимательного учтивого господина Женебреля к спецслужбам сомнений не было. Так они и существовали, изучая друг друга в портах, на переговорах, в деловых поездках. Что поделаешь, у каждого своя работа.

Понемногу войдя в курс дела, изучив не только компанию «Мори», но и их конкурентов, Виктор Любимов заметил некоторую странность. Оказалось, тарифы на все виды работ у

этой компании значительно выше, чем у других фирм. Любимов подготовил предложения в Министерство, провел переговоры с представителями нескольких крупных компаний. Оказалось, они готовы работать по более низким ценам, лишь бы получить свой кусок пирога. А кусок — солидный. Торговый флот Советского Союза был крупнейшим в мире.

После этого Любимов от имени Министерства предложил компании «Мори» сделать скидки на свои работы, иначе… В фирме работали опытные специалисты, они знали, что такое «иначе». Представители компании скрепя сердце дали свое согласие.

Странно, но после такого коммерческого провала представитель компании «Мори» господин Женебрель потерял интерес к Любимову. Случайность? Кто знает. А может, дело в другом— французская контрразведка стала убеждаться в профессионализме советского представителя. Какой он разведчик, если отобрал у крупнейшей французской фирмы солидный валютный куш?

Вторая компания, «Женераль Трансатлантик», также сотрудничала с Советским Союзом. Она имела соглашение на обслуживание пассажирских судов на линии Ленинград — Гавр. Суда заходили в Лондон, в порты Скандинавии.

Эта компания была государственной, имела солидные капиталы, высокое положение. Достаточно сказать, что руководителя компании назначал лично Президент Франции.

В этой компании Любимову приходилось контактировать с господином Толстым. Толстой был отпрыском великого русского рода и поэтому смотрел свысока на советского представителя. Он прекрасно знал как русский, так и французский языки, но вот в морских делах был не силен. На том, собственно, и «прокололся».

А случилось это так. Во Франции шли переговоры, в которых с французской стороны принимал участие сам президент компании, с советской — высокие представители Минморфлота: начальник управления внешних сношений, коммерческого управления. Толстой присутствовал как помощник президента компании и одновременно переводчик.

В какой-то момент переговоров на вопрос советского представителя президент компании затруднялся ответить. Суть была в деталях, и президент обратился к Толстому. Тот растерянно молчал. Тогда заговорил Любимов. Он извинился и дал справку президенту по его же компании.

Переговоры продолжились.

Однако вскоре сложилась аналогичная ситуация. Толстой опять был не в курсе. Пришлось Любимову с извинениями вновь

консультировать французов.

А когда в третий раз Толстой не знал, что сказать, разъяренный президент компании, обернувшись к нему, бросил: «Дурак!»

Возможно, гости из Москвы и не поняли реплики президента, Любимов же сделал вид, что не понял.

Через две недели Толстого отправили из Франции представителем компании на Багамские острова. Как говорят, с глаз долой.

Разумеется, об этом «пассаже» на переговорах узнала контрразведка. Трудно сказать, поверила ли КРО окончательно в Любимова — торгового моряка-чиновника, но в том, что он профессионал своего дела, — убедилась.

Осенью посол СССР во Франции Виноградов и представитель Министерства морского флота Любимов были приглашены на Церемонию инаугурации нового французского лайнера «Франция». Вечером, во время торжественного обеда, посол подозвал Любимова и приказал срочно вылетать в Бордо, где терпел бедствие наш танкер «Нефтегорск».

Через несколько часов Виктор Андреевич был уже в дирекции порта Бордо, откуда осуществлялась связь с танкером. Он взял на себя переговоры с капитаном танкера и французскими спасательными службами.

Обстановка была сложной. После разгрузки нефтепродуктов Танкер в балласте направлялся в Черное море. Сильно штормило. На борту был французский лоцман. Капитан танкера отпустил лоцмана раньше времени, до конца проводки узким каналом. Это была роковая ошибка. Через четверть часа, не заметив в темноте и в набегавших волнах очередную вешку, он не дал команду рулевому и танкер с ходу выскочил на зыбкую песчаную «банку». Попытки снять корабль с мели не удались. Танкер еще глубже погружался в песок.

Сильный шквалистый ветер и крутая волна положили танкер на правый борт. Крен достигал критической отметки. Руководство порта и французские спасательные службы поставили вопрос об эвакуации экипажа танкера. В противном случае вся вина за возможную гибель людей возлагалась на советскую сторону.

Французы отказались доставить Любимова на борт танкера. Тем временем обстановка ухудшалась, и Любимов настоял на эвакуации экипажа. Сложная операция по эвакуации моряков вертолетами, без посадки на палубу, в предрассветных сумерках, была проведена благополучно. Виктор Андреевич от имени Минморфлота и Черноморского пароходства представил капитану порта официальный документ, по которому за СССР

сохранялось право собственности на покинутый танкер во французских территориальных водах.

Решение об эвакуации экипажа танкера было своевременным и правильным. Через несколько часов танкер под сильными ударами волн и ветра разломился на две половинки.

Прибывший на следующий день Главный инспектор по безопасности мореплавания Минморфлота СССР Стулов, осмотрев вместе с Любимовым место гибели танкера, одобрил действия Виктора Андреевича. Дело капитана танкера рассматривалось в Черноморском пароходстве. Он был понижен в должности и лишен на несколько лет права судовождения. После этой трагической истории французская контрразведка практически сняла наблюдение за Любимовым. До конца его командировки если и отмечались случаи слежки, то они были единичными и кратковременными.

Был в жизни Виктора Любимова и еще один примечательный случай, когда уже не французские контрразведчики, а наши, родные специалисты Морфлота признали сотрудника ГРУ за своего.

Его рекомендовали на работу в Ленинградское морское пароходство на весьма солидную и ответственную должность— заместителем начальника (!) пароходства по безопасности мореплавания. Да и рекомендовал не кто-нибудь, а работник обкома, заведующий отделом, который курировал транспорт. Знал он Любимова исключительно по работе, как представителя Минморфлота во Франции. Позже Виктор узнает, что его кандидатуру поддержал и один из самых известных и уважаемых капитанов пароходства, Герой Социалистического Труда, капитан крупнейшего пассажирского судна «Надежда Крупская» Оганов. Они тоже знали друг друга, как писали тогда в партийных характеристиках, «по совместной работе», часто встречались во французских портах, решали возникающие проблемы. И, представьте, этот старый морской волк не усомнился в профессионализме Любимова.

В общем, сложилось так, что Ленинградской обком предложил кандидатуру Любимова. Разумеется, никто из предлагавших и не подозревал, что Виктор Андреевич— военный разведчик. Дело дошло до заместителя министра Морфлота по кадрам, который, зная истинное место работы Любимова, запросил ГРУ. Мол, вы не против, если Любимов перейдет на работу к нам?

В ГРУ переполошились. Что это за работу ищет Любимов в Ленинградском пароходстве? Пришлось объясняться, доказывать, что его инициативы тут нет. Случай скоро забылся как некое

недоразумение, хотя он весьма примечателен. На мой взгляд, разведчик-крышевик Виктор Любимов достиг главного: в его легенду поверили и свои, и чужие. Поверили не случайные знакомые, а серьезные знатоки дела, профессионалы.

Возможно, это и помогло ему в будущем провести крупные разведоперации, в ходе которых были завербованы ценнейшие агенты советской военной разведки. И первым среди первых был источник под оперативным псевдонимом «Мюрат».

Однако, прежде чем приступить к рассказу о работе Любимова с Мюратом, следует отметить, что Мюрат пусть и был к тому времени суперагентом ГРУ и кавалером высшей награды СССР — ордена Ленина, но военная разведка не могла себе позволить роскоши выделить персонального сотрудника даже для такого агента. И потому на связи у Любимова было еще несколько информаторов, а точнее двое — Бернар, заместитель генерального директора крупной французской химической компании, и Гектор— криптограф-шифровальщик Центрального узла связи вооруженных сил США в Европе. В дальнейшем к ним присоединятся еще два агента — Артур и Арман.

Не сказать об этих людях хотя бы коротко нельзя, ибо все последующие события, работа Любимова с Мюратом будут проходить параллельно с ними, нередко пересекаясь, создавая сложности и напряжение. Разумеется, никто из агентов об этом не догадывался, да и догадываться не должен был. И тем не менее это происходило в действительности, а слов, как говорят, из песни не выбросишь.

В подтверждение этой мысли приведу лишь один весьма показательный пример.

17 апреля 1963 года неожиданно для всех пневмопочта посольства СССР во Франции принесла закодированную фразу. Она означала только одно: агент Гектор уже в Париже и назначил встречу Любимову на 19, 21 или 23 часа. Откровенно говоря, приезд Гектора был очень некстати. Виктор Андреевич проводил оперативную встречу с агентом Мюратом.

Мюрат не совсем понимал, что происходит. Ведь оперативная встреча — не дружеская тусовка, она готовится задолго, тщательно и каждая минута дорога. А тут посреди встречи Любимов встает и готовится уйти. Пришлось выкручиваться: объяснил Мюрату, мол, надо организовать его завтрашний отъезд. И бегом на встречу с Гектором.

Машину Любимов вел сам. Проверялся. Хотя мог бы доверить баранку и обеспечивающему офицеру. Но не доверил. Вспоминая этот выезд, Виктор Андреевич рассказал мне случай, произошедший с ним во время отдыха в Сочи, в санатории им.

Фабрициуса.

В те дни произошла трагедия — в районе Адлера разбился пассажирский самолет, и его сосед по столовой, кстати говоря заслуженный военный летчик, тут же сдал авиационный билет и решил ехать на поезде.

— Как же так? — пошутил на обеде Любимов. — Заслуженный летчик, а поддались панике.

Сосед-пилот лишь усмехнулся:

— Знаете, я уверен только тогда, когда сам нахожусь за штурвалом самолета…

Так вот и Любимов хотел быть уверен в отсутствии слежки и потому лично вел машину. Свои маршруты, места проверки, вообще всю ответственность брал на себя.

За двенадцать минут до встречи они медленно проехали мимо кафе. Гектор сидел у окна. Время позднее, в кафе пусто. Любимов сразу узнал своего агента.

Отъехав квартала на три, разведчик вышел, еще разок проверился. Хвоста не было. Через несколько минут он уже был у кафе, медленно прошел мимо витрины. Гектор заметил его, расплатился и догнал Любимова на маршруте.

Гектор был искренне рад встрече. Привез новые материалы — семь отснятых кассет. Сказал, что в запасе до отлета у него сутки. А вот у Любимова времени в обрез, он принял решение: работаем завтра ночью. Сейчас отдыхай. Вечером следующего дня подъеду, заберу, поедем ко мне. Добавил: «Валентина будет рада». Гектор знал жену Любимова, встречался с ней, и это тоже поддержало его настроение. О нем помнят, доверяют, приглашают в семью.

Остаток ночи и день пришлось провести с Мюратом, а вечером на ту же квартиру Любимов привез Гектора. Теперь жена, не успев отправить одного гостя, хлопотала с другим.

Ответ на вопрос «зачем приехал?» был ясен: передать материалы, которые уничтожать не хотел. Понимал их ценность. Письма из резидентуры, естественно, получить не успел. Решил лететь на свой страх и риск. Но под какой легендой? Тут помогло несчастье. Умер дед по линии матери. Командование дало отпуск, он послал телеграмму соболезнования матери и вместо похорон махнул в Европу. Любимов слушал и радовался: кое-что Гектор усвоил из его уроков.

Понимал ли, что рискует? Понимал. Но полетел — не было выхода.

Что ж, в жизни всякое бывает.

А теперь, как и обещал, сначала рассказ об агентах, можно сказать, коллегах Мюрата.

«АППАРАТОМ ГРУ ЗАВЕРБОВАН ИСТОЧНИК»

В каждой разведке, вне зависимости от ее национальной принадлежности, существует перечень задач. Иными словами, какие разведзадачи в какой последовательности решать.

Так вот в перечне Главного разведуправления на 1962–1963 годы значилась важнейшая государственная задача: добыть документы и образцы американских твердых топлив и их компонентов.

Уже в июле 1962 года резидент Парижского разведаппара-та в отчете о работе за первое полугодие, докладывал в Центр следующее:

Начальнику ГРУГШ генералу армии Серову И А.

Докладная записка

17 июля 1962 года

«Парижской резидентурой изучается заместитель генерального директора крупной французской химической компании, в которой 70 % американского капитала. Фирма кооперируется с американскими корпорациями.

Заместитель генерального директора— Бернар, гражданин Франции, по образованию и опыту работы инженер-химикспециалист в области высокомолекулярных полимеров, хорошо осведомлен в проблемах создания американскими фирмами твердых топлив для ракет.

Изучение Бернара ведет оперативный офицер резиденту-ры капитан 3-го ранга Любимов В А».

А уже через два года, в феврале 1964-го, начальник французского направления ГРУ генерал-майор Иван Чередеев (Чадов) докладывал своему начальнику инженер-контр-адмиралу Соловьеву.

«Оперативный офицер парижской резидентуры капитан 2-го ранга Любимов В А. провел активное изучение «Бернара» и подготовил его как источника добывания документов и образцов по американским твердым топливам и их компонентам.

В процессе изучения «Бернар» неоднократно передавал документы и образцы, получившие высокие оценки. За 1962–1963 гг. от него получено 24 документа и 3 партии образцов, признанных весьма ценными и ценными.

«Бернар» 1909 года рождения, инженер-химик. Является вице-президентом французского филиала крупнейшей американской фирмы «М-он» по производству высокомолекулярных смол и

оборудования и техническим директором фирмы по производству химических продуктов и резин.

Ценность «Бернара» для нас определяется его возможностями добывания материалов и образцов по твердым топливам для ракет стратегического назначения. По характеру служебной деятельности «Бернар» имеет тесные деловые связи с рядом американских фирм, непосредственно работающих в области твердых топлив.

Наиболее ценную документальную информацию по твердым топливам и их компонентам «Бернар» добыл через связи среди персонала американских фирм».

В мае 1964 года начальник Генерального штаба Вооруженных сил Советского Союза получил докладную записку от руководителя военной разведки. Содержание ее было совершенно секретным, исполнено в единственном экземпляре:

«Маршалу Советского Союза тов. Бирюзову С.С.

Докладываю:

Аппаратом ГРУ в Париже завербован источник, добывающий ценную и весьма ценную информацию и образцы исходных продуктов для производства твердых ракетных топлив, а также образцы других важных продуктов химической промышленности.

В период с 11 по 16 мая с.г. офицерами ГРУ с этим источником проведена работа в Москве в целях повышения эффективности его использования в наших интересах.

В ходе этой работы были организованы встречи источника с советскими специалистами в области твердых ракетных топлив и специальной химии.

По заключению Военно-промышленной Комиссии при Совете Министров СССР, эти встречи были весьма полезными…»

Генерал-полковник П. Ивашутин».

На этой записке начальника ГРУ Маршал Бирюзов написал кратко, но весомо: «Очень хорошо!».

Так что же случилось в Парижской резидентуре в эти два года? Кто этот весьма ценный источник «Бернар» и какова его роль в создании наших твердотопливных ракет?

Чтобы ответить на этот вопрос, хочу обратить внимание на фразу генерала Петра Ивашутина в приведенном ранее письме: «Аппаратом ГРУ в Париже завербован источник…»

Итак, Советский Союз не желал больше рисковать и зависеть от политической конъюнктуры — «ядерный меч» должен был стать разящим не только в речах Никиты Хрущева, но и в реальности. Государству, как воздух, нужны были твердотопливные ракеты. Над их созданием работали ученые, изобретатели, военно-промышленный комплекс страны и…

разведка. Важны были любые сведения, которые смогли бы продвинуть научную мысль вперед, сократить время исследовательских работ.

В архивах Главного разведуправления сохранилось любопытное письмо. На нем в левом верхнем углу штамп очень высокого учреждения— Комиссии по военно-промышленным вопросам Высшего Совета народного хозяйства СССР.

Комиссия указывает начальнику ГРУ, что монография по материалам, используемым в США для ракет на твердом топливе, представит интерес для организаций оборонной промышленности. И далее обозначаются «технологические вопросы, которые должны содержать подробное описание». Думаю, что даже неспециалисту их перечисление в самом общем плане говорит о многом.

Здесь ученые хотели бы иметь описание «технологий и режимов изготовления материалов и деталей из этих материалов (лист, пластины, прессованные детали, лента для намотки, методика и режимы нанесения и т. п.)», а также «полные данные о физико-химическом составе, включая развернутые структурные формулы соединений».

Все это многообразие данных комиссия ВСНХ СССР надеется получить, как указано в письме, «по конкретным типам изделий ракетной техники, желательно по МБР «Минитмен».

Таким образом, перед военной разведкой была поставлена задача государственной важности, или, говоря современным языком, сверхзадача. По своей значимости в тот период она была соизмерима разве что с атомным проектом Советского Союза.

Кому же выпала судьба решать эту сверхзадачу? Право же, не могу говорить за всю военную разведку. Уверен, ее решала не только парижская резидентура, но в данном случае в моем распоряжении находятся уникальные архивные документы и живые свидетельства участников тех дней именно на этом направлении. Они-то и дают мне право утверждать, что решающую роль сыграли именно мои герои — оперативный офицер Виктор Любимов и его агент.

Кто же этот агент, известный в сети парижской резиденту-ры ГРУ под псевдонимом «Бернар»?

Прежде всего, это крупный химик-технолог, занимавший высокую должность вице-президента крупнейшей, с мировым именем, фирмы США. Его деловые связи распространялись на такие фирмы-гиганты, как «Дюпон», «Аэроджет», «Маршал Индастрис», «Тиокол».

Этот человек имел солидное положение в обществе, был независим, финансово обеспечен.

В одном из своих докладов руководству начальник французского направления генерал-майор Иван Чередеев писал: «От оплаты своих услуг Бернар отказывается…»

Теперь можно представить сложность задач, стоящих перед вербовщиком. Что мог предложить Любимов в качестве компенсации за ту трудную, опасную работу своему французскому «другу»? Да в сущности ничего. Однако, как говорят, пути господни неисповедимы.

Вначале они крепко сошлись, подружились. Человеческие симпатии — основа любой плодотворной работы. Во многом они были похожи друг на друга. Бернар — в общении живой, веселый, ум — гибкий, аналитический. Да, была разница в возрасте, солидная, в полтора десятка лет, но она не мешала общению. У Любимова к тому времени уже солидный опыт работы в разведке, коммуникабельность и обаяние, умение расположить к себе.

Психологически точно разведчик уловил нежные струны души Бернара — детские воспоминания и годы борьбы в рядах французских партизан. Эти темы были очень близки для Бернара.

Детство Бернара прошло в России. Он здесь родился и рос в семье французов, которые приехали преподавать язык. Революцию пережил на Дальнем Востоке. В 1920 году родители вернулись во Францию.

Он помнил мятежный Владивосток, японцев, американцев, националистов с плакатами: «Бей жидов— спасай Россию!» — и часто рассказывал об этом Любимову. Словом, считал Россию своей второй родиной и относился к ней с большой теплотой.

На пути их сближения и будущей совместной деятельности была еще одна сложность.

Дело в том, что Бернар являлся инженером-химиком, специалистом в области высокомолекулярных полимеров. И его фирма напрямую не вела исследовательские работы по твердым топливам. И излишнее внимание к таким закрытым темам могло вызвать подозрение.

В одном из своих отчетов Любимов сообщал:

«Москва. Центр. Васильеву

…Возможности Бернара базируются на его широких личных связях с целым рядом лиц в американских и французских компаниях; а также на том, что его завод работает по американской лицензии (70 % американского капитала) и поэтому имеет основание для обмена документацией.

Вместе с тем следует отметить, что высокая степень секретности производства твердых топлив и хорошая материальная обеспеченность знакомых Бернара (как правило, они относятся к руководящему составу компаний) очень

затрудняет задачу по добыванию материалов, а также постановку отдельных конкретных вопросов.

Лютое, Париж».

Тем не менее, несмотря на все трудности, Москва однажды получила обнадеживающее сообщение из парижской резидентуры: «Бернар дал согласие добыть интересующие нас материалы».

Позже в письме Любимов подробнее разъяснит ситуацию: «Следует отметить, что Бернар на двух последних встречах подчеркнул свое желание остаться независимым от нас как в моральном, так и в материальном плане (имеются в виду деньги за документы).

Он сказал, что прекрасно понимает существо наших просьб, но не хочет принадлежать к какой-либо разведывательной организации. В период нахождения в рядах Сопротивления он сам сталкивался с разведкой и знает, что принятие денег влечет за собой финансовую и моральную зависимость. Он помогает и выполняет по мере возможности наши просьбы только из чувства симпатии к нашей стране и народу, а не из желания нажиться на этом».

Так началась работа с одним из ценнейших агентов.

О том, что она была эффективной, говорят архивные документы. В отчете за второй квартал 1962 года оперативный офицер Любимов докладывал:

«Москва. Центр. Васильеву

За отчетный период было проведено три встречи: 1.05, 24.05,3.07. Все встречи проводились в городе.

От Бернара были получены следующие материалы:

— 26 технических бюллетеней фирмы «Дюпон», оцененные как «весьма ценные»;

— инструкция по работе с окислителями;

— материалы с описанием оборудования для производства полиуретанов;

— доклад руководителя научно-исследовательских работ фирмы «Дюпон» — Абертти;

— характеристика твердых топлив, горючих связок и окислителей, составленная Бернаром;

— два доклада научно-исследовательских работ фирмы «Аэроджет».

Лютое, Париж».

Интересно, что уже тогда, в начале своей работы, Любимов и Бернар не собирались ограничиваться добыванием отдельных документов. «Основными задачами, которые решались на встречах, — писал Любимов в Центр, — было изучение

возможностей получения полной технологии производства американского твердого топлива, а также образцов исходных продуктов и документации к ним».

Но это была, как говорят, программа-максимум. Пока Бернар, пользуясь своими широкими связями в научных и производственных кругах, налаживал отношения с теми, кто владел секретами твердого топлива.

Однако владельцы этих секретов были не очень разговорчивы и щедры на информацию, даже со своими коллегами.

«Встреча Бернара, — сообщала парижская резиденту-ра, — со своим хорошим знакомым, руководителем научно-исследовательских работ фирмы «Дюпон» — Абертти во время международного салона по пластикам в Париже подтвердила сложность подходов к этой теме.

Абертти — американец ирландского происхождения, хорошо обеспечен, настроен антисоветски. Во время беседы с Бернаром был очень осторожен в вопросах производства твердых топлив и если сообщал отдельную информацию, то только после солидной дозы спиртных напитков».

Летом 1962 года Бернар выезжал в США по делам своей фирмы. Разумеется, эту поездку он использовал в разведце-лях. Но и тут пришлось столкнуться с теми же трудностями.

«На последней встрече 3.07, — сообщал в Москву Любимов, — Бернар откровенно сказал, что во время поездки в США получил меньше ожидаемого. Встретиться со своим хорошим знакомым вице-президентом «А-джет» ему не удалось. Он беседовал с неким Винклером, по его словам, выходцем из нашей страны, который настроен крайне антисоветски. Бернару пришлось быть очень осторожным в постановке вопросов».

Таковы были реалии. Откровенно говоря, Любимов и не ждал легкого решения проблемы. Что ж, с учетом трудностей сверхзакрытости темы можно было довольствоваться и малым. Тем более что это «малое» приносило солидные результаты.

Во время той же поездки в США Бернар «хоть и получил меньше ожидаемого», но имел много полезных контактов, посетил семь крупных фирм, занимающихся разработкой твердого топлива. На основании этих посещений и встреч с сотрудниками он и составил обзор по твердым топливам. И тем не менее, ни разведчик, ни его агент результатами работы не были довольны.

19 июля во время встречи в Париже они пришли к выводу: для приобретения американских технологий производства твердого топлива есть два пути. Первый вполне официальный — приобрести их у американцев на паях с какой-либо французской

фирмой, и второй — секретный — добыть через представителя компании «Аэроджет» во Франции.

Откровенно говоря, Любимову с трудом верилось в осуществление столь фантастической перспективы — перекупить все технологии одним махом. И потому на вопрос Бернара он только и нашелся что сказать: мол, друг мой, надо еще получить «добро» от американцев на покупку технологий, а уж потом подумаем о соусе.

И тем не менее Бернар занялся разработкой этой «фантастической» идеи: он встретился с президентом фирмы «Аэро-джет» и его представителем в Европе. Увы, его ждала неудача. Американцы ответили отказом. США пойдет на продажу Франции твердотопливной технологии только в рамках НАТО.

В своем отчете в Центр Любимов сообщит об этой ситуации так: «Бернар считает, что сейчас нет возможности приобрести технологию производства твердых топлив на уровне фирм, как он полагал ранее».

Но неистовый француз не унывал. Бернар предложил своему советскому руководителю еще один вариант: он на материальной основе от имени своей фирмы заказывает научную монографию одному из своих коллег-ученых, который занимается проблемами твердотопливных ракет. Кстати говоря, этот коллега оказался президентом одной из компаний. Назовем его, к примеру, Бишопом.

Вскоре в парижской резидентуре уже читали письмо, полученное от Бишопа в ответ на предложения Бернара.

«Дорогой Бернар! — писал коллега. — Я очень рад, что мы имели возможность встретиться, и надеюсь, в будущем будет много возможностей провести время вместе.

В своем письме я хочу подтвердить наш разговор в отношении Вашей заинтересованности в твердом топливе.

В течение ближайших дней я буду иметь деловые контакты с группой планирования фирмы «Тиокол» для того, чтобы начать изучение возможности сотрудничества с Вашей компанией. Одновременно я продолжу мои контакты с компанией «Аэроджет» по этому вопросу.

Исходя из этих контактов, я буду в состоянии сообщить вам, какие дополнительные шаги нужно будет предпринять.

С личным теплым приветом искренне Ваш Бишоп».

Разумеется, господин Бишоп и представить себе не мог, что начинает работу над монографией для… советской военной разведки. И тем не менее, это было так.

А в Москве, особенно в последние месяцы, пристально следили за работой агента под псевдонимом «Бернар». Все его

материалы, направляемые в различные научные и военно-промышленные организации, получали неизменно высокую оценку.

Государственный комитет химической и нефтяной промышленности направил в ГРУ отзыв: «Доклады фирмы «Дюпон» по полиуретанам и неопрену являются ценными, так как содержат сведения, представляющие практический интерес для отечественных организаций, связанных с производством специальных клеев».

Миноборонпром поблагодарил военных разведчиков за отчет «Сварка бериллия плавлением». «Эта работа является ценным документом, — писали эксперты-оборонщики, — и представляет практический интерес для конструкторских организаций, связанных с разработкой ракетных двигателей».

Наступил тот момент, когда Москва захотела лично познакомиться со своим французским агентом. Бернар был приглашен в столицу.

Разумеется, Центр хотел не только поблагодарить своего агента, но и организовать встречу со специалистами, направить его дальнейшую работу.

Парижский резидент предложил: «Полагал бы целесообразным во встрече со специалистами в Москве принять участие Лютову, который в этот период должен быть в отпуске».

Несколько позже он направит отчет. «В отсутствие Лютова (убывшего в отпуск на Родину — Авт.) с Бернаром встретился другой оперативный офицер, перед его отъездом в Москву. Бернар подтвердил, что основной задачей считает обусловленную встречу с Лютовым и проведение бесед по твердым топливам.

Считаю, было бы целесообразным участие Лютова в работе с Бернаром в Москве. Отсутствие Лютова не только разочарует Бернара, но и отрицательно скажется на результатах встречи.

Никто другой, не будучи в курсе переданных материалов, поставленных заданий и других деталей отношений с Бернаром, не сможет заменить Лютова на встречах в Москве».

Начальник управления генерал-лейтенант Коновалов наложил резолюцию: «Обеспечить участие Лютова во встречах с Бернаром».

Официально Бернар приезжал на переговоры в объединение «Техмашимпорт» по поводу поставок в Советский Союз оборудования для производства полимеров и смол.

ПОЕЗДКА НА «ВТОРУЮ РОДИНУ»

В конце сентября 1962 года Бернар прилетел в Москву. Осенним вечером Любимов встретил его в аэропорту «Шереметьево», отвез в гостиницу «Националь».

Они поужинали в ресторане «Арагви».

Любимов понимал волнение Бернара. Ребенком он покинул Россию и вот теперь через сорок с лишним лет возвратился на свою вторую родину. Бернар никогда не забывал, что он родился в России. Этому способствовали и отец с матерью, пока были живы. Они часто вспоминали жаркий Ташкент, местный узбекский базар — пестрый, крикливый, раскинувший свои владения среди гор арбузов и дынь.

Н… да… У детства свои краски, свой вкус. Таких медовых дынь он уже не пробовал потом. Последующая жизнь, словно старое кино, то придвигала картины детства, то, наоборот, покрывала дымкой времени. Юность, учеба в университете, любовь… Особенно некогда было ностальгировать. Но вот война, фашисты, стремительное, катастрофическое падение Франции, чувство униженности и бессилия. Вот тогда из воспоминаний детства и вернулась Россия.

Гитлер уже стоял под Москвой, и французские маки-партизаны, друзья по Сопротивлению, знавшие место рождения Бернара и от этого записавшие в знатоки России с надеждой спрашивали: «Что, старина, выдержат твои русские?»

Поразительно, но он верил: выдержат. Потом, после победы, Бернар часто проверял себя, может, задним числом приписал ту уверенность. Нет. Он многого не знал, многое открыл для себя потом, после войны. Сколько фашистских дивизий бросил Гитлер к Москве.

Какая удавка была на горле России. Ни в чем этом они толком тогда не разбирались. Да, французские маки тоже боролись, рисковали, погибали, но хребет страшному зверю, фашизму, перед которым пала Европа, как ни крути, сломали русские. Они, они… Вот такие, как Вик, его русский друг.

Они выпили. Бернар знал: завтра у него важная встреча. Надо бы ситуацию «прокрутить» с Виком. Наверное, он сможет подсказать что-нибудь деловое, тактику поведения, например. Ведь что касается опыта ведения коммерческих переговоров, тут Бернар готов сам научить любого. Но на сей раз нужно было нечто другое, в чем его опыт весьма невелик. Это он понимал. Как, впрочем, понимал и Вик. Не ожидая подсказки, Вик заговорил о завтрашнем дне.

Он посоветовал вести себя как обычно, но в то же время показать знания профессионала-химика, обладающего не только солидным положением в фирме, но имеющего обширные связи в научных и производственных кругах.

Их обоих — и оперативного офицера и его агента — можно было понять. Предстояла встреча не просто с офицерами аппарата ГРУ, но с серьезными специалистами военно-промышленного комплекса СССР.

Бернару, в свою очередь, хотелось получить выгодный советский заказ для своей компании. Так что их тактическое построение предстоящих бесед вполне объяснимо. Никому не хотелось ударить лицом в грязь.

Уже на следующий день на оперативной квартире с Бернаром встретился представитель Центра, который был представлен шефом Любимова.

Бернар подтвердил свое согласие оказывать помощь в добывании информации, но в то же время заявил, что основы сотрудничества остаются прежними — он не хочет терять независимость и отказывается от оплаты своих услуг, а также просит ставить задания только в рамках его возможностей, а не по принципу «добыть любой ценой».

Были у Бернара и опасения. Он не хотел подвергать риску свое высокое положение. Оно добыто не деньгами, не родством, а собственным тяжким трудом.

В Центре это понимали и просили полного доверия. А уж они позаботятся о мерах безопасности. Надо отдать должное: слово свое военная разведка сдержала. Бернар ушел из жизни в 1965 году. До сих пор, почти через полвека, никто на родине, да и во всем мире, не знает о его деятельности в пользу нашей страны.

По итогам встреч в Москве Центр сделал выводы.

«Парижская резидентура Чередееву

1. С Бернаром целесообразно продолжить работу на доверительной основе с использованием конспиративных условий связи, с возможностью перехода в дальнейшем на агентурные отношения.

2. На данном этапе важно нацелить Бернара на добывание документальной информации и образцов, а в последующем на изучение его связей.

Москва. Центр. Васильев».

Таковы были итоги оперативной части встречи. Но главное — это встреча со специалистами-твердотопливниками.

2 октября, на служебной квартире трое «спецов» вели беседу с Бернаром. Разумеется, это была своего рода разведка боем. «Спецы» в первый раз видели агента. Кто он такой? Можно ли ему

верить? Да, он передавал ценную информацию. Но работает с нами недавно. В какой мере перед ним можно раскрыться? Ведь подобная беседа — это «игра в кошки-мышки». И узнать подробнее, и вопрос поставить так, чтобы не раскрыть свои карты. Чтоб француз этот не понял, чего мы знаем, а чего нам не известно.

Как уж это получалось, судить специалистам. Но ясно одно — беседа была полезной. А самое главное, специалисты поверили Бернару. Об этом говорит очень примечательный факт. Позже ему представят план-проспект монографии по химии и технологии твердых топлив. Он будет состоять из конкретных и точных вопросов, отработанных на русском и английском языках. Такое в практике разведки встретишь не часто. Как правило, Центр ставил общие вопросы. Ведь и вправду, не дай бог разгласить наши секреты собственными руками. А конкретные вопросы дают всё возможности для этого. И специалисту по перечню обозначенных проблем не сложно понять уровень нашей «продвинутости».

Тогда, в октябре 1962 года, после первой встречи в Москве, наши ученые-специалисты дали следующее заключение:

«Беседа оказалась полезной. Уточнен ряд деталей производства корпусов ракет и твердого топлива.

На часть вопросов Бернар ответить на смог; но по возвращению в Париж они будут доработаны.

Бернар назвал ряд химических компонентов, которые оказались интересными, а также предложил передать их образцы и химический состав.

Договорились, что перечень вопросов по технологии и образцам твердых топлив будет направлен нами в Париж для ориентировки Бернара».

Таким образом, оперативный и научный результат от этой поездки был весомым. Правда, чисто коммерческие вопросы своей фирмы вице-президент Бернар так и не решил и был, разумеется, разочарован. Он возвращался в Париж с пустыми руками. На совете директоров ему нечего было сказать.

Военная разведка как могла пыталась сгладить эту неловкость. И поскольку Бернар от денег принципиально отказывался, перед отъездом в номере отеля ему подарили янтарное ожерелье для жены и серебряный кофейный сервиз.

Что поделаешь, не всегда в Министерстве внешней торговли понимали нужды разведки.

После возвращения в Париж Бернар продолжает активно работать. Он ищет возможность нелегального приобретения технологии ТТ.

В этот период Любимов телеграфирует в Центр: «Бернар передал 41 технический бюллетень концерна <Дюпон» (весьма ценные) и образцы клея с описанием, который используется для приклеивания блоков ТТ в корпусе ракет. Он передал также сборник НИР и ОКР по твердому топливу Американского ракетного общества.

По оценке наших специалистов, в переданных ранее технических бюллетенях фирмы «Дюпон» (26 штук) содержатся сведения по производству и свойствам полиуретанов различных типов, которые представляют значительный интерес и используются в практической работе отечественных промышленных организаций, связанных с созданием ТТ для ракет, и оцениваются как «весьма ценные».

Помнил Любимов и о прикрытии своего агента. Как сотрудник торгпредства он отправил официальные письма за подписями торгпреда СССР во Франции С. Никитина и советника Посольства по науке и технике И. Кудрявцева в несколько адресов. Среди тех, кому адресовались послания, были чиновники самого высокого ранга — Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по координации научно-исследовательских работ, заместитель министра внешней торговли, заместитель Председателя Госкомитета по химии.

В письмах рассказывалось о возможностях компании Бернара и ее готовности к научно-исследовательскому и деловому сотрудничеству.

Скажу сразу, особого отклика эти письма не получили. Со временем, уже в 1964 году, после почти трехлетнего плодотворного и бескорыстного сотрудничества агента с военной разведкой Главному разведуправлению удалось-таки «вышибить» из Министерства внешней торговли небольшой заказ для компании Бернара на поставку в СССР партии синтетического каучука.

Бернар, не избалованный вниманием наших внешнеторговых организаций, был и за то благодарен.

Кстати, это информация к размышлению о том, сколь благодарными мы умеем быть к нашим истинным друзьям. Смею еще раз подчеркнуть, что Бернар работал с нами не за деньги, рисковал собой, своей семьей и карьерой из любви к нашей стране. И этот мизерный заказ на поставку каучука и был по сути единственным жестом благодарности своему ценному агенту.

Как тут не вспомнить слова из песни Александра Розенбаума. Помните?

Что же ты сделала,

Со всеми нами, Родина?

Может, не видишь,
Да не слепая ты вроде бы:
Родина, Родина, Родина.

Это я к тому, что Бернар считал Советский Союз своей «второй родиной». И не только считал, но и крепко помогал ей в трудную минуту.

А минуты те и вправду были неимоверно трудны. Уже в 1962 году Пентагон сполна получил требуемые «Минитмены» и «Поларисы». А в СССР в это же время разработчики не раз заходили в тупик. Только в декабре 1965 года был принят на вооружение мобильный комплекс с управляемой баллистической ракетой дальностью 900 км «Темп-С». Да, по тем временам этот комплекс — само совершенство. В нем двигатели обеих ступеней одинаково содержали цилиндрические стеклопластиковые обечайки, четырехсопловые блоки с дефлекторами и вкладные заряды смесевого твердого топлива. «Темп-С» находился на вооружении Ракетных войск стратегического назначения, а затем — Сухопутных войск почти четверть века, до 1988 года.

То был величайший научный прорыв. Но чего стоил этот прорыв нашим ученым, инженерам, производственникам, а теперь мы знаем, и… разведчикам.

Однако возвратимся в Париж, к оперативному офицеру Виктору Любимову и его агенту Бернару.

В марте 1963 года Центр получает телеграмму:

«Москва. Центр. Васильеву

Лютое совместно с Бернаром провели операцию по скоростному фотокопированию закрытого сборника, подготовленного Бишопом по заказу немецкого концерна «Фарке Хост».

Сборник получен утром 23 марта от доверенного лица Бишопа — Кемпа — и возвращен через два часа.

Семенов».

Читая в архивных документах телеграммы подобного содержания, я часто думаю, сколь жесток и несправедлив язык разведдокументов. В несколько строк уместилась ответственная и сложная операция, проведенная парижской резиденту-рой и, в частности, Любимовым. А в Центр в помощь нашим специалистам ушел совершенно секретный научный сборник — плод трудов американских ученых. В Москве он оказался раньше, чем в Бонне.

Как ученый и бизнесмен Бернар понимал важность не только документальной информации, но и образцов. Но если образец умещается в кармане или в портфеле, это одно, а если для этого нужна двухсотлитровая бочка?.. Бернар справлялся и с такими задачами.

Вот как об этом вспоминает сам военный разведчик, вербовщик и руководитель Бернара Виктор Андреевич Любимов: «Однажды, совершенно неожиданно в мой кабинет в торгпредстве позвонил дежурный: «Виктор Андреевич, к вам машина пришла». «Какая машина?» «Не знаю. С какой-то фирмы». «Так пропусти».

Через несколько минут заходит человек; спрашивает: «Вы мсье Любимов?» «Я, Любимов». «Мсье Бернар вам прислал груз».

Было, отчего забеспокоиться: я ведь обычный сотрудник советского торгпредства, а Бернар — не просто поставщик морских канатов. Ну что ж, привез так привез. «А где груз?» — спрашиваю. «В кузове. Машина внизу».

Спускаемся. Заглядываю в машину. А там две бочки по двести литров каждая. Ситуация…

Ладно, быстро сгружаем бочки, отпускаем машину. Хорошо, что торгпреда в это время на месте не было. Затащили груз на чердак.

А как их хранить? Это же не кока-кола, а химические компоненты ракетного топлива. Что за отрава, не воспламеняется ли?

При очередной встрече с Бернаром спрашиваю: как же так? А он, мол, успокойся, Вик, мало ли какие образцы фирма посылает. За безопасность не волнуйся, я все скомпоновал так, что самовозгорания не будет. Потом мы эту «посылочку» Бернара переправляли в Советский Союз по частям.

А вообще компоненты передавал разные: твердые, в порошке… Знаю по отзывам специалистов, они оказались очень кстати».

«Москва. Центр. Васильеву.

За последние месяцы Бернар в соответствии с заданием передал целый ряд образцов и письменных документов к ним по производству твердых топлив. Среди них— образцы порошкового, гранулированного алюминия и ответы на вопросы наших специалистов по его характеристикам и производству; описание компонентов твердого топлива для МБР «Минит-мен» и письменная информация о карборанах фирмы «Тиокол»; образцы исходных материалов для твердого топлива, используемого в МБР «Полярис» и «Минитмен».

Лютое, Париж».

…Американский научный сборник, письменные материалы, компоненты ТТ оценивались в Центре неизменно как «весьма ценные» или «ценные». Однако нашим ученым хотелось большего. Они мечтали напрямую получать ответы, что называется, на самые сложные, наукоемкие вопросы. Те вопросы и проблемы, в решении которых буксовали наши институты и лаборатории.

И военно-промышленная комиссия при Совмине СССР пошла на беспрецедентный шаг.

«ВОЗМОЖНА ВЫПЛАТА ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ СУММЫ…»

31 марта 1964 года Оперативное управление ГРУ получило план-проспект монографии по химии и технологии получения твердых топлив, составленный в Комиссии Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам.

План-проспект отработан на русском и английском языках. Состоит из 4 разделов и охватывает круг важнейших научно-исследовательских проблем от исходных материалов и рецептур до методов подготовки и контроля.

…Таким образом, Бернару предстояла трудная работа. Более того, в его руках находился документ государственной важности — попади план-проспект монографии в чужие руки и для специалиста в этой области не проблема просчитать уровень наших разработок твердотопливных ракет.

В мае 1964 года Бернар вновь побывал в Москве. Теперь его приезд был подготовлен значительно лучше. Он встретился с руководителями Госкомитета по химии, специалистами института лакокрасочной промышленности и завода «Москабель». Были установлены деловые контакты.

Объединение «Разноимпорт» выделило компании Бернара заказ на поставку небольшой партии синтетического каучука. Но каучук, лаки и проблемы завода «Москабель» были лишь прикрытием задачи номер один — работа над монографией по твердым топливам. Специалисты хотели обсудить проблематику, расставить акценты. В отчете по приезду Бернара в Москву говорится: «Были проведены две встречи Бернара со специалистами по твердым топливам. В этих встречах участвовали офицеры информации и оперативного управления.

Главная задача — разъяснение требований к монографии.

Также был проведен подробный инструктаж по добыванию (независимо от монографии) интересующих нас документальных материалов и образцов.

Помимо этого, в резидентуру направлено информационное задание по ТТ для ориентировки и координации работы с Бернаром».

19 мая Центр дополнительно сообщил в парижскую резидентуру, что «беседы с Бернаром в Москве по твердым топливам были чрезвычайно полезными».

Судя по документам, сохранившимся в архивах ГРУ, Бернару, кроме конкретизации задания по монографии, было задано около

50 вопросов по твердым топливам. Среди них такие, которые касались состава твердого топлива применяющегося в первой, второй и третьей ступенях межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен», получения крупногабаритных зарядов для МБР без дефектов, положения двигателя, состояния температуры, вакуума при заполнении.

В конце мая состоялась встреча Любимова с Бернаром. Он был доволен московским приемом. Доложил, что разделил монографию на три части «в соответствии с возможностями и степенью уверенности в своих американских связях» и поручил исполнение нескольким крупным ученым на основе материальной заинтересованности. Сам он решил играть роль конфиденциального посредника французских фирм, начавших производство ТТ.

С этих пор военно-промышленная комиссия Совмина уже не выпустит из своих цепких рук… монографию по ТТ.

В конце 1965 года начальник ГРУ получит письмо. Обратный адрес: «Москва. Кремль».

«Ценность монографии, — говорилось в письме, — будет зависеть от полноты освещения указанных вопросов… причем за монографию, полностью отвечающую поставленной задаче, возможна выплата значительной суммы».

Начальник военной разведки генерал-полковник Петр Ивашутин был далеко не юным опером, а опытным, тертым калачом, однако не часто ему приходилось читать подобные послания: Кремль обычно требовал выполнения задачи, а тут обещал «выплату значительной суммы».

Что ж, теперь все зависело от парижской резидентуры, от Любимова и его агента Бернара.

…В марте 1965 года в Москве в обстановке секретности по инициативе военного отдела ЦК и военно-промышленной комиссии состоялось закрытое совещание по проблематике разработки и производства твердотопливных ракет.

В совещании приняли участие ведущие ученые и специалисты Миноборонпрома, Госхимкомитета и Академии наук СССР. Главное разведуправление представлял бывший резидент в Париже генерал-майор Иван Чередеев.

Докладчик сообщил, что «образцы и материалы, полученные от ГРУ, представили большой практический интерес».

Генерал Чередеев доложил, что работа над монографией идет в соответствии с намеченным планом.

В июне 1965 года на одной из заключительных встреч с Бернаром Любимов сообщил о своем возвращении на Родину. Бернар был расстроен. Виктор как мог пытался успокоить его,

объяснить.

Важно было продолжить ту большую работу, которую они начинали. Но для этого нужно передать Бернара на связь другому сотруднику. Но примет ли он другого? Как подойдут они друг другу? Это всегда непростой вопрос.

Бернар выслушал предложения, однако сразу согласия не дал. Попросил: «Ты мне его покажи». Встреча произошла. К счастью, она не вызвала отторжения, антипатий, и оперативный офицер Басов принял на связь Бернара.

«РЕШИТЕЛЕН, СОБРАН И СМЕЛ»

Через пять месяцев на стол начальника советской военной разведки легла докладная записка.

«Начальнику ГРУ ГШ генерал-полковнику Ивашутину П.И

Докладная записка.

Ценный источник парижской резидентуры Бернар передал монографию, которая была написана по согласованному с нашими специалистами плану, его другом, президентом компании «Ф-ЧЛтд» Гаем Бишопом.

Монография состоит из 2-х глав и является первой частью комплексного документа по вопросам топлив, используемых в ракетной технике.

Вторая и третья части будут переданы позднее. Прошу дать согласие на выплату 5000 американских долларов автору.

Начальник управления генерал-лейтенант Коновалов.

20 августа 1965 года».

А вскоре после этого, 22 августа 1965 года, из Парижа неожиданно придет сообщение, в котором, в частности, сообщалось:

«Москва. Центр. Васильеву.

22 сентября 1965 года

Бернар тяжело болен. Басов с соблюдением мер предосторожности посетил его дома. Бернар был рад визиту и сказал, что ждал его.

Он поблагодарил за предложенную помощь медикаментами и сказал, что посоветуется с врачом. От денежной помощи он отказался и попросил навестить его еще раз дней через десять.

Положение Бернара очень тяжелое — рак печени. С постели он не встает.

Петров, Париж».

12 октября 1965 года резидент ГРУ в Париже доложит в Центр:

«Москва. Центр. Васильеву.

12 октября 1965 года

Басов посетил Бернара еще два раза и передал деньги для Бишопа и 10 000 франков в качестве компенсации расходов на лечение.

Бернар высказал удовлетворение оценкой монографии и суммой вознаграждения для Бишопа. Бишоп получил деньги. Он был в Париже и навещал Бернара.

Петров, Париж».

Оперативное управление немедленно информировало

начальника ГРУ о ситуации с Бернаром. В докладной записке от 15 октября 1965 года говорилось:

«Начальнику ГРУ ГШ генерал-полковнику Ивашутину П.И.

15 октября 1965 года

Докладная записка

Бернар, несмотря на тяжелое заболевание, продолжает стремиться выполнить наши задания по освящению важнейших проблем американского ракетостроения, а также содействует нашему выходу на одного из американских специалистов в этой области — Гая Бишопа.

Управлением получено письмо Государственного комитета химической промышленности при Госплане СССР от 20.09.1965 года, в котором говорится, что материалы Бернара представляют практический интерес для отечественных оборонных организаций и позволяют перейти к производству без стадии научно-исследовательских работ.

Начальник управления Васильев».

А 2 ноября 1965 года из Франции пришло сообщение, которое потрясло всех, кто в той или иной мере был связан с работой Бернара.

«Москва. Центр. Васильеву.

24 октября в Париже скончался Бернар. Похороны состоялись 27 октября. Басов посетил жену Бернара, выразил соболезнование и готовность оказать помощь. Жена поблагодарила за участие и заботу о Бернаре в последние недели его жизни.

Петров, Париж».

Так завершилась жизнь друга нашей страны, одного из самых ценных агентов советской военной разведки — Бернара.

До сих пор его вклад в укрепление оборонной мощи Советского Союза по-настоящему не оценен.

В середине 1966 года большая группа ученых, сотрудников оборонных НИИ, военно-промышленного комплекса, разведки за участие в разработке и создании твердотопливных ракет была удостоена высоких государственных наград. В этом списке не оказалось ни Бернара, ни военного разведчика Любимова. За вербовку и участие в уникальной операции по добыванию секретов американского ракетного топлива Виктора Андреевича наградили ценным подарком начальника Главного управления.

СЕМЬ БЕД — ОДИН ОТВЕТ

Ранним январским утром 1981 года в советском посольстве в Оттаве, в Канаде, раздался телефонный звонок. Дежурный поднял трубку.

Низкий, басовитый голос поздоровался. Дежурный ответил тем же. Не представляясь, звонивший сказал, что в 60-е годы работал с советским сотрудником в Париже. Сотрудника звали Клодом.

Человек на том конце провода замолчал, видимо, ожидая реакции дежурного. Тот, в свою очередь, соображал, что мог означать этот звонок.

Может, очередная провокация контрразведки?

— Что же вы хотите? — спросил дежурный.

— Мне нужна встреча с вашим представителем, — ответил неизвестный.

— Хорошо, позвоните нам завтра, к исходу дня.

— О'кей, — сказал звонивший и добавил — Его звали Клод, не забудьте.

На том разговор и закончился…

Вечером следующего дня, как и было оговорено, вновь в посольстве зазвонил телефон.

— Я звонил вам вчера…

— Да, да, — ответили ему. — Мы в курсе, но должны извиниться. Видимо, произошла ошибка. Человек с таким именем не работал в Париже…

В трубке повисла долгая, напряженная тишина. Молчание затягивалось. Мужской голос произнес в ответ только два слова: «Очень жаль…» Он произнес их тягуче-горько. В них было столько боли, что эти слова еще долго гудели в ушах дежурного.

А человек, который звонил в посольство, бросив трубку в телефонной будке, направился на вокзал. Больше в Канаде ему делать было нечего. Он возвращался к себе на родину, в Соединенные Штаты Америки.

На границе его снимут с поезда и допросят. «Ну вот и все», — подумает он обреченно, когда его пригласят выйти из вагона. Однако ничего существенного люди в штатском у него не спросят: цель поездки, куда, зачем? Скорее всего, засекли его звонок в советское посольство.

Но что в этом звонке? Он ищет адрес человека, с которым дружил двадцать лет назад в Париже, в годы своей молодости. Что ж тут предосудительного?

Так успокаивал себя этот человек. И вправду, он

благополучно вернулся в Америку, в свой родной город, в котором жил уже почти пятнадцать лет после увольнения из армии. Жил тихо, незаметно. Да поди ж ты, съездил проведать старых друзей. А друзья не признали его.

Прошел месяц, другой, третий… Допрос на границе стал забываться, жизнь вошла в прежнее русло. Казалось, все позади. Но когда июльским теплым вечером в его дом постучали люди в штатском и предъявили документы агентов ФБР — он понял: прошлое догнало его. Двадцать лет он ждал этого дня и боялся…

…В июле 1981 года газеты и журналы США запестрели броскими заголовками. Названия статей были разными, но суть одна.

Газета «Вашингтон пост».

Июль 1981 года.

«Вчера бывший армейский криптограф был обвинен в шпионаже в пользу Советского Союза за продажу секретных кодов, которые могли быть использованы для перехвата приказов армии США в период Вьетнамской войны.

… 44-летний Джозеф Джордж Хелмич был арестован агентами ФБР только вчера. Залог… был отклонен.

В материалах дела содержится информация о том, что Хелмич вступил в контакт с советскими агентами еще в начале 1963 года во время службы в составе наших войск в Париже. Впоследствии он передал русским конфиденциальные материалы по управлению, инструкции к применению, совершенно секретные коды и технологические описания ротора (турбинного колеса) криптографической системы KL7.

Обвинение заявляет, что он получил 131 000 долларов…»

…«Энциклопедия шпионажа» Нормана Полмера и Томаса Б.Аллена, выпущенная в Москве в 1999 году, характеризует младшего уорнет-офицера армии США Джозефа Хелмича, как человека, который «славился мотовством, жил не по средствам и не вылезал из долгов». Не знаю, так ли это было на самом деле, но в советское посольство младший уорнет-офицер действительно пришел, чтобы продать секретный документ и получить за него деньги. Возможно, и вправду он хотел рассчитаться с долгами. Иначе, как утверждает та же «Энциклопедия…», ему грозил военный трибунал.

Это обычное обвинение. Однако дело обстояло далеко не так. Шаг, на который пошел Джозеф, был результатом краха иллюзий, созданных рекламой о службе в армии США, которая якобы дает военному не только возможность увидеть весь мир, но и обеспечить свое будущее после увольнения.

Любимов, которого Хелмич считал своим другом, рассказал о

нем следующее. До семнадцати лет Джозеф воспитывался и жил в семье отца, выходца из Восточной Пруссии, который перебрался в США после Первой мировой войны. После развода родителей мальчик остался с отцом. Мачеха относилась к нему равнодушно, отец на воспитание и учебу сына внимания не обращал, был с ним по-солдатски суров. Все его пожелания и приказания были для Джо законом.

Иногда в духе американского бизнесмена отец поучал сына: «Украсть миллион в США все равно что украсть доллар— наказание одинаковое». Друзей Джо не имел. Окончив среднюю школу, он подписал десятилетний контракт на службу в армии США, надеясь получить специальность, увидеть мир, а потом открыть свое дело. Он стал классным радистом, благодаря чему продвинулся по службе— получил младшее офицерское звание и был назначен начальником смены Центрального узла связи вооруженных сил США в Камп де Лож.

Начальство ему доверяло. Мир он действительно увидел: служил в Корее, Японии, Таиланде, ФРГ и Франции.

Женился. Детей не имел. К сожалению, денег не накопил. А это означало только одно — открывать свое дело было не на что.

Жена, урожденная американка, происходила из небогатой, но консервативно-реакционной семьи, живущей традициями штата Джорджия. В ней причудливо сочетались алчность и американский, бездушный патриотизм. Хелмич не раз говорил Клоду, что она, не задумываясь о последствиях, донесет на мужа в ФБР, если узнает, что он связан с русскими. Вместе с тем, она легко поверила, что Джозефу повезло с французским брокером, который удачно играет на бирже. Впрочем, и это было вполне объяснимо. До того как появился «брокер», она «грызла» мужа за недостаток денег.

Видимо, именно это причудливое сочетание факторов (крах финансовых иллюзий, бесконечное недовольство жены, с детства, запавшие в душу слова отца об украденном миллионе) привело Хелмича к твердому решению выгодно продать секреты, которыми он владел. И, накопив денег, уволившись со службы, возвратиться в США. Повлияло на его решение и то, что после чтения шифрпереписки Джо усомнился в правильности и справедливости действий руководства Вооруженных сил США в кризисных ситуациях.

И вот тогда он оказался на пороге советского диппредставительства.

Телеграмма о посещении военнослужащим США советского посольства была отправлена в Москву. Из нее было ясно, что «доброжелатель» предлагает техническую документацию по

шифровальной машине Вооруженных сил США и просит за это весьма солидную сумму долларов. Никаких других условий сделки указано не было.

Центр отреагировал незамедлительно. Он отметил, что место службы американца и его профессия представляют несомненный интерес для разведки. В заключение Центр рекомендовал резиденту возложить дальнейшую работу с Джозефом Хелмичем на оперативного офицера Любимова.

Вот как охарактеризовал тогда Виктора Андреевича его резидент во Франции генерал-майор Чередеев:

«Любимов Виктор Андреевич. Капитан 3-го ранга. С октября 1961 года находится в длительной зарубежной командировке в качестве оперативного работника парижской рези-дентуры.

В командировке находится вторично. С 1953 по 1957 годы работал в качестве оперативного работника Вашингтонской резидентуры в США. С поставленными задачами успешно справлялся.

Свободно владеет английским языком и хорошо изучил французский язык.

Обстановку знает хорошо и правильно ориентируется при выполнении заданий.

Организовывать встречи умеет. Проводит их методически правильно. Умеет квалифицированно анализировать поведение собеседника на встрече. В общении тактичен, умеет расположить к себе собеседника.

На практической работе показал себя хорошо подготовленным и вполне зрелым оперативным работником».

Центр подробно разъяснил, как следует проводить работу с американцем, чтобы раскрыть его личность, определить и оценить информационные возможности и рассмотреть вероятность «подставы» со стороны контрразведки.

В обусловленное время Хелмич на встречу не пришел. И все же через пять дней она состоялась. «Доброжелатель» держался естественно, но явно не был готов к конкретным и твердым условиям с нашей стороны и серьезных документов не принес. Более того, он сказал, что потерял свое удостоверение личности. Передал лишь несколько открытых служебных публикаций, подтверждавших его принадлежность к подразделениям спецсвязи вооруженных сил США. Хелмич убеждал Виктора Андреевича, что система шифрования, документацию по которой он предлагает, используется для радио, радиорелейной и кабельной связи всеми тремя видами вооруженных сил США, а также учреждениями НАТО.

Любимов, не перебивая, внимательно выслушал Хелмича. По

ходу беседы уточнил, к каким материалам он имеет доступ, выяснил возможность выноса или копирования документов на месте, перспективы службы Джозефа и вероятность дальнейшего сотрудничества. В заключение он кратко и четко сказал Хелмичу: «Мы принимаем ваше предложение о сделке, но на наших условиях. Материалы теряют свою ценность, если не будет возможности раскрыть действующий шифр и читать сообщения». При этом добавил, что оплата будет происходить только после оценки материалов нашими специалистами. Американец принял условия. С ним были оговорены даты, места и время проведения последующих встреч для приема-передачи документов.

В следующий раз в условленное время Любимов не встретился с американцем в городе, а лишь контролировал его выход к месту оперативного контакта, поведение и обстановку в районе встречи. Джозеф был спокоен, нервозности не проявлял, каких-либо подозрительных или настораживающих моментов на месте встречи не обнаружено. Только после этого в резидентуре приняли решение: получить документы от американца в городе, когда он выйдет на встречу по запасному варианту.

Встреча с «доброжелателем» — всегда хождение по минному полю. И первая опасность в том, что «доброжелатель» этот может оказаться элементарной подсадной уткой контрразведки. Взял документ, а тебя тут же под белы ручки. А поскольку Любимов был еще и «крышевиком», то есть не имел диппаспорта, а вместе с ним и дипиммунитета, то дальше прямой путь в тюрьму. За шпионаж.

Об этом ему и напомнил резидент — генерал Иван Чередеев.

В тот вечер долго они сидели в кабинете Ивана Николаевича, взвешивали, просчитывали, судили-рядили. Сложность была еще в том, что накануне из Москвы пришла телеграмма: на очередную встречу с Хелмичем-Гектором не выходить. Но что значит не выходить — потерять источник, возможно, в будущем ценного агента. А нарушить приказ Центра? Это грозило бо-о-ольшими неприятностями.

Можно было, конечно, со спокойной душой прикрыться приказом из Москвы, но и Чередеев, и Любимов, как профессионалы, уже чувствовали «запах удачи». Особенно убеждал резидента Любимов. Он встретился с Гектором, познакомился, побеседовал. Принял документы. За то время, пока они говорили, материалы Хелмича удалось фотокопировать.

Возможности Гектора ошеломляли. Он был криптографом, шифровальщиком на узле связи Верховного главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе. Уорнет-офицер имел доступ к совершенно секретным дипломатическим и военным

каналам США и НАТО. Когда они обсуждали с Любимовым возможности Гектора, тот спросил: вся секретная информация, проходящая через узел связи Верховного главнокомандующего за сутки, вас устроит?

Что тут скажешь? Фантастические предложения.

Ничего подобного наша военная разведка, вероятно, не знавала. А тут все само по себе, без особых усилий. Но это как раз не столько радовало, сколько настораживало, а то и пугало. Слишком уж невероятно заманчивые были предложения. И Центр накануне очередной встречи с Гектором прислал неожиданную шифротелеграмму.

«Париж. Чадову

Выход Лютова на встречу с Гектором, прием материалов запрещается. Ваши дальнейшие предложения доложите.

Москва. Центр. Васильев».

Хотя, признаться, она была не столь уж неожиданной. Центр, взвесив все «за» и «против», решил не рисковать. Уж слишком «жирный кусок» плыл прямо в руки. Не подарочек ли дорогой контрразведки? Этот уорнет-офицер со своими «кос-мик секретами» тянет на крупный международный скандал. Не забудем, то был 1962 год. И без того противостояние США и СССР достигло предела, не хватало еще шпионского скандала.

Центр мудро подстраховался. Но Любимов видел этого парня, беседовал, пытался «просчитать». Пусть недолго говорил с ним, немного, но чувствовал: он не «контрразведчик». Пока не было времени разобраться в истинных причинах его обращения в советское посольство. Да, нужны были деньги. Пусть так. Но он предлагал «уникальный» товар.

Генерал Чередеев, опытный разведчик-резидент, слушал, думал, больше молчал. Сомневался. Ошибиться было нельзя. Слишком дорого могла стоить ошибка. Когда Любимов стал наступать все настойчивее, напористее, резидент, чтобы остудить пыл офицера, напомнил: «Виктор, не забывайся, у тебя-то нет дипломатического прикрытия. Думай, хорошо думай…»

И они думали. Крепко думали вместе. Надо было сыграть одновременно три спектакля: один — для Москвы (объяснить выход на встречу после строгого запрета Центра), другой — для контрразведки (если она будет присутствовать) и третий — для Гектора.

Надо сказать, что этот спектакль был успешно поставлен двумя режиссерами разведки — Чередеевым и Любимовым.

Встреча с Гектором все-таки состоялась. На нее вышел совсем другой офицер, коллега Любимова. Языка он практически не знал, и поэтому ему было поручено вызубрить одну-единственную

фразу на английском: «Vickiswaitingforyouinthe oldplace» («Викждеттебянастаромместе»). Что он и произнес, проходя мимо Гектора.

Позже, на встрече с Любимовым, Гектор расскажет, как был ошарашен диким английским произношением, неожиданной фразой и впервые подумал: а стоит ли верить этим русским? Не провокаторы ли они?

К счастью, Гектор решил, что им стоит верить, пришел на «старое место», то есть на запасную явку, и Любимову пришлось сыграть свой мини-спектакль: рассказать, как он повредил ногу и не мог прибыть на встречу.

Москва получила сообщение, что встреча все-таки состоялась, но уже по инициативе самого Гектора. Он вышел на запасную явку и передал документы. Лютову ничего не оставалось делать, как принять их. В шифротелеграмме указывалось, что совершенно секретные документы из штаба Верховного главнокомандующего войсками НАТО в Европе находятся в ре-зидентуре.

Через два дня Любимов встречается с Гектором в городе. Он получает новые документы, объемом свыше 2500 листов, и в течение ночи проводит их фотографирование.

В семь часов утра возвращает материалы и получает от американца согласие на продолжение сотрудничества.

Казалось, все прошло как по маслу. Надо было ожидать быстрого и поощрительного ответа из Центра. Но быстрого ответа не последовало.

Сутки Центр молчал. Это был явно дурной знак. Через сутки пришла неурочная телеграмма: руководителю парижского разведаппарата генералу Чередееву и оперативному офицеру Любимову первым же самолетом прибыть в Москву. Вместе с документами Гектора. Лететь только самолетом «Аэрофлота».

Телеграмма была прочитана много раз, даже изучена на просвет. Не пробовали разве что на вкус. Но, кроме того, что обоим прибыть срочно, — ничего. Ни похвалы тебе, ни упрека.

С тяжелым сердцем двинули они в аэропорт. Секретные материалы в кейсе Чередеева. Он все-таки дипломат, его не осматривают. До рейса «Аэрофлота» было далеко, взяли билет, несмотря на все запреты, на лайнер французской компании «Аэрофранс». Эх, семь бед — один ответ.

Промежуточная посадка была в Варшаве. Пока суть да дело, стоянка, дозаправка, спустились в бар. Врезали, как положено, по-русски за военную разведку.

В Москве их уже ждали у трапа.

В ДУШУ ЧЕЛОВЕКУ НЕ ЗАЛЕЗЕШЬ

Домой ни Чередеева, ни Любимова не отпустили. Из аэропорта дежурная машина их домчала до Гоголевского бульвара, где тогда располагалось Главное разведывательное управление.

С порога развели в разные кабинеты. Любимов попал под опеку начальника управления генерал-лейтенанта Коновалова. И с этих минут Коновалов не выпускал его из своей приемной. Даже на обед взял с собой в «генеральскую столовую». Хотя капитану 3-го ранга не по чину хлебать генеральский борщ.

Чувствовалось, Центр был не на шутку встревожен. Несмотря на его запрет, встреча с «доброжелателем» состоялась, и документы были приняты. Если это провокация контрразведки — жди крупный скандал.

Во все времена, с тех пор как человечество придумало первый, примитивный шифр, главной задачей разведки было овладение этим шифром и ключом к нему.

Примеров тому в истории немало. Так, 26 августа 1914 года Департамент полиции России — главный орган политического сыска — получил депешу от военного губернатора Архангельска. В ней сообщалось, что задержан немецкий пароход и в каюте радиста обнаружена шифротелеграмма. К депеше прилагался текст этой телеграммы.

Ответ архангельскому губернатору пришлось ждать долго. Только через полгода из Москвы сообщили: «Эксперт пришел к заключению, что означенная телеграмма составлена на условном языке (зашифрована) и без ключа не может быть прочитана».

Кстати говоря, в вопросах криптографии в Первую мировую войну царская Россия так и не смогла стать вровень с другими воюющими странами. После прихода к власти большевики учли этот горький опыт и с первых годов существования Советов занялись проблемами криптографии в разведывательных целях.

В архивах сохранилась записка Предсовнаркома В. Ленина. В 1922 году он писал: «Сообщают об английском изобретении в области радиотелеграфии, передающем радиограммы тайно. Если бы удалось купить это изобретение, то радиотелеграфная и радиотелефонная связь получили бы еще более громадное значение для военного дела».

А за год до этого, в мае 1921 года, постановлением Советского правительства была создана криптографическая служба, так называемый Спецотдел. Его возглавил член партии с 1900 года, участник революций 1905 и 1917 годов, который

двенадцать раз сидел в царских тюрьмах и дважды ссылался в Сибирь, — Глеб Бокий. Личность весьма авторитетная в партии и ЧК. Достаточно сказать, что работать в ЧК Бокий пришел по личному приглашению Феликса Дзержинского.

Уже через месяц после создания, несмотря на все трудности, Спецотдел провел «разработку» дипломатического кода германского посла в России. С тех пор вся переписка, направляемая из Москвы в Берлин, проходила дешифровку в Спецотделе.

Еще через два месяца успешно прошла дешифровка дипломатических телеграмм турецкого посольства.

В 1924 году были вскрыты польские шифры, через три года — японские, а потом и американские.

Однако как бы эффективно ни работала криптографическая служба, дешифровка кодов — это титанический труд. И если существует хотя бы малейшая возможность похитить, захватить, перекупить шифры, на осуществление этой задачи бросаются все наличные силы резидентуры, а уж о деньгах и говорить не приходится. В таком деле не принято экономить. Ибо выигрыш в любом случае будет несравним с затратами.

В подтверждение этого расскажу весьма занимательный случай, произошедший в 1939 году в Риге. Двое эмигрантов, некие супруги Азаровы, тайно вывезли из Советского Союза книгу шифров. В судебном исковом заявлении она была названа «кодовой книгой секретного характера, содержащей действующий в СССР код для обмена шифропереписке».

Вещи супругов пропали с борта судна «Балтабор» при выгрузке в Риге. Азаровы потребовали возмещения убытков от пароходной компании. Интересно, что все свое имущество они оценили в 11 900 долларов, а «кодовую книгу» в 500 000 долларов. Более того, господин Азаров заявил, что сумма иска «точно соответствовала стоимости кодовой книги на мировом рынке во время ее продажи».

Это необычное дело было улажено без суда. Трудно сказать, сколько отступного выплатила пароходная компания, но уж всяко не менее запрашиваемой суммы, то есть полмиллиона долларов.

Со времени иска господ Азаровых до появления Гектора на пороге советского посольства в Париже прошло ни много ни мало — более 20 лет. Можно лишь констатировать, что за эти десятилетия шифры, коды и другая «криптографическая продукция» значительно выросли в цене. А трудности добывания этой продукции оказались столь высоки, что в Центре поначалу не могли поверить в такую неожиданную удачу. Словом, московское начальство ГРУ действовало по-старому,

проверенному принципу: «лучше перебдеть, чем недобдеть».

Хотя процедура расселения по отдельным кабинетам, пристрастные беседы были делом не совсем приятным, но необходимым. И Любимов прекрасно понимал это. Поэтому после подробного доклада, похлебав генеральского супчика, капитан 3-го ранга терпеливо ждал своей участи в приемной начальника управления.

Где находился сейчас его парижский шеф — генерал Чередеев, он не знал. А с Чередеевым происходило примерно то же самое, только на более высоком уровне. Ведь Иван Николаевич был руководителем разведаппарата. Так сказать, «голова» парижской резидентуры. И потому ошибка могла стоить ему если уж не головы собственной (к счастью, прошло то время), то уж высокой должности — точно.

Начальство думало долго. Были изучены и подвергнуты тщательной экспертизе документы, которые генерал Чередеев доставил в Москву в своем дипломатическом кейсе.

Наконец в середине следующего дня Любимова вызвал начальник управления. Приказал возвращаться назад, в Париж. Дал инструктаж по разработке Гектора: теперь из «доброжелателя» Хелмича, который решил продать документы и сказать «до свидания», надлежало сделать агента ГРУ. О том, что Джозеф был крайне ценен, Любимову объяснять не приходилось.

Генерал предупредил: в подробности этой связи в Центре будет посвящен один человек, в резидентуре, кроме него, — двое — резидент и его заместитель. Другие сотрудники могут видеть Гектора при обеспечении мероприятий, но знать о характере его связей, содержании и уровне секретной документации не должны.

С таким напутствием Любимов и покинул московскую землю. Все закончилось вроде бы благополучно. Центр не высек за непослушание и инициативу, поддержал их с Чередеевым мнение о том, что Хелмич не подстава контрразведки. Более того, скупой на похвалу генерал Коновалов сказал: «Хорошо».

И все же, все же… Вдушу к человеку не залезешь. Кто он, этот уорнет-офицер армии США Джозеф Хелмич? Что знал о нем Любимов? По существу, ничего.

Да, завербовать агента — тяжкая работа. Но в ходе этой работы узнаешь человека: чем дышит он, что думает, как смотрит на мир. Выплывают его слабые и сильные стороны. Это вроде бега на длинную дистанцию, есть время распределить силы, оглядеться. А тут чистый спринт с одной стороны и чистый лист, как говорят французы, с другой. Нет, скорее всего, кросс по пересеченной местности с одной стороны и темный лес, как шутят русские, с другой.

Предстояло разработать и провести массу мероприятий, найти ответы на многие вопросы, без которых не существует агентурной связи.

Узнать биографию Гектора, его служебные характеристики, семейное положение, моральные и психологические данные.

Следовало многому научить Хелмича, обеспечить безопасность его работы и связи с ним.

Не забывал Любимов и о том, что разговор идет о сугубо специфическом виде деятельности — криптографии, в которой он не силен. Правда, об этом позаботился Центр. Во время бесед в Москве на Любимова возложили только агентурноразведывательные задачи. Центр взял на себя обязательства готовить письменные задания на русском и английском языках по добыванию технической документации и образцов.

Были и другие, своего рода не совсем привычные подходы к работе с Гектором. Ни до того, ни после того ничего подобного Москва не позволяла своим оперативным работникам. Ну, например, Центр дал разрешение на небывалую частоту встреч с Гектором, что является своего рода нарушением законов конспирации. В дальнейшем он держал под контролем каждую их встречу. Все шифротелеграммы по работе с Гектором докладывались лично руководителю советской военной разведки. Центр давал указания по конкретным вопросам шифровальной техники, оценке материалов, их оплате. Однако вся организация личных встреч, их проведение, обеспечение безопасности, достижение результативности ложились на плечи резидента и непосредственно на оперативного офицера Любимова. Часто в ходе этих встреч Виктору приходилось принимать решения на свой страх и риск. Вот таким необычным было сотрудничество Центра и резидентуры.

Впоследствии Виктор Андреевич Любимов признается: «Позже, когда я уже сам был резидентом, редко удавалось достичь такого взаимопонимания. А тут была идеальная вертикаль, к которой стремятся все разведчики: центр — резидентура— исполнитель. Мы правильно понимали друг друга, и это, в конечном итоге, давало положительный результат».

Вот с такими непростыми мыслями возвращался Любимов в Париж.

Вслед за ним в резидентуру было направлено указание Центра о том, что в данный момент единственной и главной задачей Любимова считать обеспечение качественной работы с Гектором. От выполнения других агентурных задач освободить. А Виктору в ходе встреч с агентом стремиться как можно больше

расположить американца к себе. При этом разрешалось в качестве личного подарка преподнести Гектору 500 долларов. Забегая вперед, следует сказать, что эти «подарочные» деньги были предложены Хелмичу на встрече перед его отъездом в США. Он принял их с благодарностью, как дружеский жест. При обсуждении гонорара за материалы Джозеф отнесся с полным доверием к доводам Вика и, вопреки приписываемой ему алчности, согласился взять только 25 процентов от суммы, а 75 — оставил на личном счете в резидентуре.

Несколькими днями позже в Париж возвратится резидент. В одном из оперативных документов он напишет о работе Виктора Андреевича следующее:

«В течение короткого времени работы во Франции хорошо освоился с обстановкой, условиями работы и быстро включился в активную вербовочную деятельность.

Ведет разработку двух ценных документальных источников военно-технической информации и образцов.

Завершил разработку и лично завербовал ценного агента:

— Гектор— военнослужащий армии США, работник одного из узлов связи командования ударными силами США, через которого добыты весьма важные документы американского командования в Европе.

Тов. Любимов является весьма способным и перспективным разведчиком».

«ВРЕД ОЧЕНЬ И ОЧЕНЬ СУЩЕСТВЕННЫЙ»

Газета «Вашингтон пост».

Июль 1981 год

«Министр юстиции США Гарри Бетц заявил во время предварительного слушания, что «вред, нанесенный в результате передачи этой информации (речь идет об информации Д. Хелмича. — Авт.), мог быть очень и очень существенным».

Сведения, переданные Хелмичем, «предоставляли Советскому Союзу потенциальную возможность декодировки наших шифров во время Вьетнамского конфликта».

Гарри Бетц был прав. Армейский шифровальщик Джозеф Хелмич станет одним из наиболее ценных агентов советской военной разведки.

Архивные документы Главного разведывательного управления свидетельствуют: «Только за год интенсивной работы с личными и безличными контактами от Гектора было получено 220 ценных материалов, из которых 14 особой важности».

А Гектор, смею напомнить, работал с нами не один год.

Именно поэтому уже тогда был сделан вывод, который документально зафиксирован: «Гектор относится к особо ценным источникам достоверной информации по военностратегическим и оперативным вопросам использования ракетно-ядерного оружия, планирования войны и подготовки ВС США и НАТО».

Однако, прежде чем подобные материалы оказались в руках нашей военной разведки, надо было одноразовую сделку по купле-продаже превратить в долговременное и продуктивное сотрудничество, а из младшего уорнет-офицера, шифровальщика, воспитать осторожного, умелого агента.

Следует подчеркнуть, что вся работа проходила в условиях жестокого дефицита времени. Заканчивался срок пребывания Хелмича в составе контингента Вооруженных сил США в Европе.

Предстояло возвращение на родину, в Америку, и никто не мог сказать, где и на какой должности ему предстоит продолжить службу. А если в дальнейшем он потеряет доступ к секретной информации? Не исключается и такой, худший вариант. Так что надо было спешить. Не торопясь. Ибо спешка и разведработа несовместимы. Во всяком случае, так учили в разведакадемии. Но, увы, как порой бывают далеки теория и практика.

А у Любимова теперь была сплошная практика. Ведь беспрецедентно частые встречи с Гектором, на которые дал «добро» Центр, говорили о многом. Москва тоже спешила.

Она молчаливо согласилась с тем, что контакты с Гектором

осуществлялись каждые два дня, а последние четыре встречи проходили ежедневно, а иногда по два раза за несколько часов.

Откровенно говоря, чудовищное напряжение пришлось выдержать Любимову, учитывая, что каждый выход на встречу является сложным оперативным мероприятием. Оно включает в себя разработку легенды, маршрута выхода на встречу, организацию контрнаблюдения для выявления слежки, привлечение к обеспечению мероприятий других оперативных офицеров резидентуры.

В одном из документов начальник управления так оценивал работу Виктора Любимова:

«Предельно сжатые сроки проводимых мероприятий, важность решавшихся на встречах вопросов и сложные условия обстановки потребовали от тов. Любимова большого напряжения и собранности, выдержки и хладнокровия.

В сложных условиях обстановки тов. Любимов провел ответственную операцию агентурного плана — завербован весьма ценный агент из американских военнослужащих, работающий на узле связи Вооруженных сил в Европе, добыты документы, которые оценены очень высоко».

Итак, начальник управления, опытный разведчик, немало повидавший на своем веку, далеко не словоохотливый, требовательный в оценках, тем не менее, в двух абзацах документа дважды говорит «о сложных условиях обстановки» и о «большом напряжении».

Что это за условия?

Ну, например, предложение Джозефа, которое он сделал Любимову, — ночью посетить святая святых штаба Главнокомандующего Вооруженными силами НАТО в Европе— узел связи и на месте отобрать необходимые документы. Представьте, советский разведчик на совершенно секретном объекте Главкома НАТО сортирует шифрограммы.

Центр ответил мгновенным отказом.

Риск был огромен.

Да, возможно, Хелмич, будучи начальником смены на узле связи, которому подчинялась и охрана, провел бы Любимова внутрь, но любая случайность закончилась бы провалом и тюрьмой для обоих.

Уорнет-офицер был неопытен и горяч. Предстояло его многому научить. Резидент вместе с Любимовым разработали и предложили свой метод передачи документов.

Ночью, во время дежурства, Хелмич мог беспрепятственно покидать узел связи, посещать другие объекты, выезжать за пределы территории по служебной надобности. Этим и

воспользовались разведчики.

Бобины телетайпной ленты, секретные шифротелеграм-мы, которые подлежали уничтожению, передавались Любимову, так сказать, из машины в машину. Хелмич под утро покидал узел связи и вывозил с собой в автомашине документы. В условленном месте его ждал Виктор, или для него, Гектора, — Клод.

До отъезда Гектора в США была проведена и еще одна рискованная операция. Но риск стоил того. В проведении операции были задействованы резидент, его заместитель, оперативный техник.

Гектор накануне своей смены на узле связи получал в штабе Верховного главнокомандующего пакет с документами. Гриф на документах был высшей степени секретности — «кос-мик секретно».

По дороге следования Гектор передавал пакет Клоду. Тот доставлял его на оперативную квартиру. Теперь разведчикам предстояла поистине ювелирная работа — заклеенный, засур-гученный пакет вскрыть, перлюстрировать документы и вновь запечатать, да так, чтобы комар носа не подточил.

И он действительно не подточил. Пакет, возвращенный Любимовым Хелмичу, не вызвал никаких вопросов.

…В феврале Гектор улетал в США. 25 и 30 января Любимов провел с ним две встречи. Одну в городе, другую — на оперативной квартире. На них были отработаны условия связи, как в Европе, так и в США. Оговорена встреча с оперсотрудником в Нью-Йорке, а также рекомендовано подобрать место в штате Флорида в качестве запасной явки. Была обсуждена возможность почтовой связи и тайнопереписки.

Как показало время, двух встреч было маловато, а условия связи в США оказались трудновыполнимыми. Но это уже тема другого разговора.

«ОПАСНЫЕ ГАСТРОЛИ»

…Теперь они были на разных континентах— Клод-Люби-мов и его агент Гектор-Хелмич.

По возвращению в США Гектор был направлен для прохождения службы в 93-ю бригаду связи, которая обеспечивала спецсвязью подразделения Командования специальных операций 13-го воздушно-десантного корпуса и 75-го полка «рейнджеров», дислоцированных на восточном побережье США, в фортах Брэгг (штат Северная Каролина), Бенинг и Гордон (штат Джорджия).

Теперь эти форты знают по всему миру. Там, помимо ВДВ и «рейнджеров», дислоцируется известное спецподразделение «Дельта».

Но тогда, в 1963 году, об этих фортах знали разве что в узких

военных кругах. Гектор попал в батальон связи на должность делопроизводителя шифровальной службы.

Кроме того, на него возложили нештатные обязанности офицера безопасности. Теперь как офицер безопасности он получал сводки ЦРУ, через него шла секретная почта и вся шифропереписка. Таким образом, его возможности, в сравнении с Европой, значительно расширились.

Однако возникла проблема передачи информации. Постоянно прилетать в Европу из США — опасно. Разумеется, рано или поздно возникнет вопрос: зачем уорнет-офицер постоянно мотается во Францию? Тем более, офицер не простой, а сидящий «на секретке».

Да, логично было бы европейскому управлению ГРУ передать агента Гектора своим коллегам из американского управления. И, как говорят, ведите его сами. Но!.. И тут возникло много «но», которые до конца так и не удалось разрешить.

С одной стороны, «европейцы» не хотели упускать из своих рук столь ценный источник информации, а с другой, — сами «американцы» не горели желанием его принимать. Контрразведывательная обстановка в США сложная, а кому хочется ходить по острию ножа — ведь Гектор не чиновник министерства сельского хозяйства, а офицер-криптограф, связанный с секретами армии. А такие, как известно, находятся под плотным наблюдением контрразведки. В общем, так и вышло, что после нескольких прилетов Гектора из США в Европу, в Париж, Центр запретил «опасные гастроли» Хелмича.

Запретить-то запретил, а другого ничего предложить не смог. Вот так и работали. Гектор накапливал материал и привозил его в Европу. Центр беспокоился за безопасность агента и посылал запреты, по существу, не предлагая путей решения проблемы. Резидентура же была вынуждена проводить оперативные мероприятия и принимать материалы. Тем более что материалы были поистине уникальны.

Были попытки перенести встречи, например, в Мексику. Гектор предлагал Канаду. Так ему было удобнее, ближе. Но Канада по сложности контрразведывательного режима не особенно отличалась от США.

Резидентура предлагала Индию, Бирму, он— Таиланд, Японию. Но пока продолжались дискуссии, Гектору ничего не оставалось, как заниматься «челночной» разведработой — держать путь из США во Францию и обратно.

Оглядываясь назад, можно сказать, что вся работа строилась как раз на этих самых «опасных гастролях». Первая «гастроль», вторая, третья…

А началось все с… неожиданного, внепланового прилета Гектора. Произошло это в апреле 1963 года, спустя два месяца после его возвращения в США.

В марте и /в начале апреля он писал, что готов передать новые материалы. Даже просил с материалами направить в Европу жену Джейн. Разумеется, она не догадывалась о существе посылки. Правда, указал, что жену отправит только после согласия резидентуры.

Во втором письме он подчеркнул, что других возможностей прилететь в Европу до середины года у него, скорее всего, не будет.

Парижская резидентура сообщила в Центр о письмах агента и высказала свои соображения: необходимо срочно ответить Гектору.

В ином случае его действия будут непредсказуемы. Оперативное письмо в целях экономии времени предлагалось подготовить и отправить из США, подписав его псевдонимом «Клод».

Центр ответил быстро. Он решил по-своему. Письмо поручили подготовить и отправить парижской резидентуре из Европы. Позже Москва разъяснит позицию.

«Парижская резидентура. Никитину.

Оперативная обстановка и условия работы в США не позволяют проводить личные и безличные встречи с таким ценным агентом, как Гектор, без риска провала для него.

Считаем, что единственная возможность встречи с Гектором в настоящее время — это прилет его в Париж.

Москва. Центр. Васильев».

Таким образом, Центр признал неверность своих прежних рекомендаций, когда настаивал на запретах прилета Гектора в Европу, и считал, что они приведут к привалу. Возможно, Москва и теперь так считала, но, увы, ничего другого предложить не могла.

Отправив письмо в Америку, в резидентуре, откровенно говоря, не ждали быстрого ответа. Пока суть да дело, они получат ответ, а там будет видно. Тем более что последняя шифрограмма развязывала им руки.

Но 17 апреля неожиданно для всех пневмопочта посольства принесла закодированную фразу. Она означала только одно: Гектор уже в Париже и назначил встречу Клоду на 19, 21 или 23 часа. Откровенно говоря, приезд Хелмича был очень некстати. Любимов проводил оперативную встречу с другим агентом, Мюратом.

Понимал ли, что рискует? Понимал. Но полетел — не было

выхода. Кроме материалов, которые, разумеется, жгли руки, хотел сообщить, что ему предстоит десятимесячная командировка во Вьетнам.

До отъезда было еще достаточно времени, но Гектор не имел обратной связи (наши редкие письма не доходили, явки в Нью-Йорке и Флориде не действовали), возникали вопросы: как действовать дальше?

Добывать ли материалы? Если да, то кому и как их передавать?

Будет ли у него связь в Юго-Восточной Азии? Словом, поездка была необходима, и он пошел на нее сознательно. Любимов похвалил Гектора, но все же высказал ему свое мнение: в будущем идти на подобный риск стоит только в особом случае, если, к примеру, появились материалы по дешифрованию (ключи и коммутация дисков). И все же, если бы не эта встреча, связь могла бы прерваться.

После командировки он постарается вернуться в Европу, но это будет не раньше, чем через полтора года. Таков порядок, надо отслужить на континенте 18 месяцев и потом добиваться замены.

В те годы Центр крайне волновала проблема предупреждения о нанесении ядерного удара по СССР. Как он будет наноситься — авиацией, ракетами с подводных лодок или ракетным оружием наземного базирования, развернутым в Европе. Решили, что по возвращении Гектор отправит учебную телеграмму-молнию из США. Ракетные носители условно обозначили женскими именами: авиация — Анна, ракета наземного базирования — Роза, ракеты Поларис — Полли. Центру, правда, не понравилась затея с женскими именами, он предложил свои условные обозначения, но первые буквы оставил.

Гектор задание выполнил. Возвратившись, он прислал телеграмму в Париж.

Центр по встрече замечаний не сделал.

Из доклада представителя Центра о работе парижской резидентуры «Любимов ведет в резидентуре наиболее ответственную работу по руководству четырьмя ценными агентами, двух из них он вербовал лично. В работе по руководству этими ценными агентами (Мюрат, Луиза, Гектор, Бернар) проявляет много инициативы, умения, смелости и оперативности. За достигнутые большие результаты в работе, добытые через закрепленных за ним агентов информационные материалы, которые в значительной мере способствовали укреплению обороноспособности нашей Родины, Любимов заслуживает в порядке поощрения присвоения очередного воинского звания капитан 1-го ранга досрочно.

Полковник Ярошенко».

ПРОШУ РАЗРЕШЕНИЯ НА ВСТРЕЧУ

«Москва. Центр. Васильеву.

Гектор прилетел в Париж. Прошу разрешения на встречу.

Лютое. Июнь 1963 года».

Теперь Любимову приходилось самому постоянно выходить на связь с Центром. Занятие не из приятных. Раньше он, оперативный офицер, докладывал непосредственно резиденту, а тот уже «колдовал» над телеграммами — докладывал в Центр.

Кто-кто, а уж Иван Николаевич Чередеев знал, как надо написать телеграмму в Москву, где расставить акценты, о чем умолчать, на какие кнопки нажать.

Тонкостей шифропереписки с Центром Любимов не знал, да и знать не мог. Не его это дело, рядового «опера», выходить на прямую связь с Центром. Но вот, поди ж ты, как обернулась жизнь. Ни резидента Чередеева, ни его заместителя в Париже не было. Их срочно отозвали в Москву. Следом за ними уехал и еще один сотрудник — ведущий офицер резидентуры, достаточно опытный, знающий разведчик.

Срочный отзыв всех троих был связан с предательством полковника ГРУ Олега Пеньковского.

В обвинительном заключении «по уголовному делу агента английской и американской разведок, гражданина СССР Пеньковского О.В. и шпиона-связника подданного Великобритании Винна Г.И. сказано: «В Париже Пеньковский систематически встречался с представителями английской и американской разведок на явочных квартирах. На этих встречах он сообщал о поручениях, которые ему давались во время пребывания во Франции, о некоторых сотрудниках советского посольства в Париже, к которым разведки проявляли интерес, опознавал этих лиц на фотоснимках, излагал их краткие биографии и на поэтапном плане здания советского посольства показывал места их работы. Кроме того, он опознал на фотографиях некоторых других советских граждан, представляющих интерес для разведслужб, выдавал важную информацию, прошел инструктаж по шпионской работе…»

Нет сомнения, что среди «некоторых сотрудников советского посольства» в Париже «и других советских граждан» оказались и резидент ГРУ генерал Чередеев, и его заместитель, которого, кстати, Пеньковский знал еще по совместной учебе в академии. Словом, предатель, выражаясь языком разведки, «засветил» ведущие фигуры разведывательной сети ГРУ в Париже.

Так Любимов остался один на один с Центром. Было нелегко.

Не будешь ведь по каждому «чиху» беспокоить Москву, а посоветоваться, по сути, не с кем. Ведь Центр своего приказа не отменял: о работе с Гектором знают только три человека в резидентуре — он, резидент и его зам. Но из троих остался лишь один он — Любимов. Приходилось полагаться только на себя. Позже приедет на замену Чередееву новый резидент. Но это будет потом, а Гектор не ждал. Он прилетел, выставил сигнал и жаждал встречи.

В месяцы, предшествующие его прилету, между резидентурой в Париже и Гектором шла интенсивная переписка. В одном из писем он сообщил, например, точную дату вторжения американского воинского контингента на Гаити. Нередко в письмах, кроме оперативной информации, приходили отклики на мировые события. Так, Гектор поздравил Клода и всю резидентуру с запуском Советским Союзом в космос первой женщины-космонавта. «Это еще один главный космонавт советской республики, — писал Джозеф Хелмич. — Давай будем брать с нее пример и работать активнее».

Право же, Любимов был не против активной работы. Тем более что и расслабляться ему некогда. Москва на письма Гектора реагировала быстро и, как правило, развернутыми указаниями. Нередко они состояли из доброго десятка разделов и едва умещались в 5–6 машинописных страниц. Тут были вопросы по шифросистемам, ключам, эксплуатационным инструкциям и, разумеется, по сигналам-предупреждениям о ядер-ном нападении.

Клода же волновали не только задания Центра, но и обеспечение безопасности передачи документов. Он предложил Москве подобрать курьера-связника для личного или безличного получения материалов непосредственно на территории США.

Центр отреагировал на это соображение весьма оригинально — предложил Любимову обсудить проблему с Гектором. Мол, пусть Гектор и подберет для себя связника. Москва ясно давала понять, что не собирается рисковать нашими людьми в США. И добавила, что Гектор проявляет много горячности и торопливости. Может, так оно и было, но справедливости ради следовало сказать, что и Центр не способствовал «охлаждению» агента. Он постоянно подбрасывал новые и новые задания.

Июньский прилет Хелмича во Францию оказался не самым удачным. Четыре микропленки, которые он привез, оказались испорченными. Кое-где читались только заголовки таких необходимых и желанных документов. Не смогли «вытянуть» пленки даже искусные опертехники ГРУ в Москве. Они и указали на ошибки: неверно выбранное расстояние от оригинала до

объектива фотокамеры, а также слишком высокая чувствительность пленки.

Гектор жаловался на сложность работы в шифропомеще-ниях, где было все закрыто, отсутствовал дневной свет, и только люминесцентные лампы жужжали, как назойливые комары. Он был обескуражен, расстроен. Вся опасная, тяжелая работа пошла насмарку.

Несмотря на неудачу, Центр дал «добро» на очередную оплату, хотя и меньшей суммы. Огорчение сгладила рукописная информация, которую привез Гектор. Речь шла о материалах, которые поступили в «секретку» Хелмича, — планах развертывания американского воинского контингента в различных уголках планеты. План № 316 по Берлину, № 310— по Гаити, а также по Лаосу и Кубе. В этих планах раскрывался замысел вторжения, ход высадки и развертывания, состав сил и средств. Что и говорить, для Москвы это было весьма любопытное чтиво.

Важное внимание на этой встрече уделялось проблеме оповещения о ядерном ударе. Гектор сообщил, что на случай войны узнает об этом минимум за 3–4 часа, максимум за 48 часов. Раньше него, работника шифровальной службы, узнает только командующий ударными силами.

Это, признаться, радовало.

Так что, несмотря на испорченные пленки, встречу постарались сделать результативной. В свою очередь, Гектор пообещал переснять документы заново.

Поговорили о его личных, семейных делах. Он рассказал, что для семьи арендует дом, но, как и советовал Клод, не шикует, понимает всю меру опасности.

Что же касается связника, то подходящих людей на эту роль у него нет. К своему окружению он относится с недоверием.

Любимов пытался выяснить разного рода мелочи, для обычного человека не значащие ничего. И выяснил. Гектор допустил серьезный просчет: авиационный билет в Европу он заказал напрямую из своего небольшого городка, где проходил службу.

Разведчик посоветовал ему в следующий раз брать билет до Нью-Йорка или до какого-либо крупного города на Восточном побережье, а уже оттуда на трансатлантический рейс в Европу. И хорошенько продумать легенду. Возможно, причина его полетов— любимая женщина, предложил Любимов. Гектор долго служил во Франции, вот и осталась у него в Париже богатая вдовушка, которая и спонсировала перелеты.

Они работали весь день, вечер. Легли далеко за полночь, а в

пять утра, пока стационарные и подвижные посты контрразведки еще не появились на улицах, Любимов вывез своего агента с оперативной квартиры.

На следующий день из США пришла телеграмма. Ничего не значащий текст сообщал: «Долетел нормально. Приступил к выполнению нового задания. Джо».

«Начальнику ГРУ ГШ генерал-полковнику Ивашутину П.И.

Гектор является умным, смелым и предприимчивым человеком с развитыми волевыми качествами. В своих действиях смелость сочетает с осторожностью. Однако в силу молодости и отсутствия большого жизненного опыта способен иногда на поспешные и рискованные поступки. В то же время весьма недоверчиво относится к своим коллегам, когда встает вопрос об их использовании для нас.

Начальник управления генерал-лейтенант Коновалов».

В РОЛИ БИРЖЕВОГО МАКЛЕРА

В сентябре 1963 года Гектор собирался в отпуск. Центр, откровенно говоря, тоже имел виды на отпуск своего агента. Планировалось провести большую, длительную встречу с ним в Москве или в Берлине. Не отвергалась и какая-либо третья страна. В спокойной обстановке представители Центра, специалисты-криптографы, хотели обсудить многие интересующие их вопросы. Втом числе вопросы дальнейшей связи и безопасности.

Однако в отпуск Гектор собирался ехать с женой и сестрой.

И вот тут возникала весьма пикантная ситуация. Как ему оторваться от жены и сестры? Любимов искал выход и не мог найти. И тогда он отправил в Центр письмо, в котором предлагал: первое — никаких поездок в Москву, Берлин или третий город не проводить, второе — встречу организовать в Париже.

На первой контактной встрече обсудить с агентом план действия и предложить ему организацию краткой туристической поездки жены и сестры в Мадрид (тем более что жена давно хотела там побывать), а в этот период отработать с ним запланированные вопросы. Предварительно, еще до отъезда в США, такой вариант с Гектором обсуждался. Он говорил, что в Испанию с женой не поедет и будет готов тщательно обсудить перспективы дальнейшей работы.

Виктор рассчитывал на здравое мышление Гектора и был уверен, что на первую встречу он выйдет один. Ведь Джозеф сам рассказывал о реакционных взглядах жены и об опасности, которая могла исходить от нее, догадайся она о связях мужа с советским разведчиком.

Центр принял предложения Любимова. Дал разрешение на проведение встречи на служебной квартире под прикрытием двух офицеров резидентуры.

А Гектор тем временем сообщил из США: «Имею материал на 60 кассетах пленки». Письмо заканчивалось весьма эмоционально: «Товарищ мой! Мы имеем с тобой много вопросов и проблем для обсуждения, о которых я не могу написать в письме. Надеюсь на скорую встречу. Твой друг Джо».

Письмо из США было отправлено авиапочтой и шло четыре дня. Оно попало к Любимову практически в день прилета Гектора в Париж. Время на подготовку не оставалось. Пришлось бросить все дела…

…На открытой террасе парижского кафе, за столиком, сидели трое. Супружеская пара и совсем юная девушка. Судя по говору,

все они были американцами. Женщина и девушка и представить себе не могли, что стали своего рода ширмой для проведения разведывательного мероприятия советской спецслужбы.

Они весело и непринужденно щебетали между собой. Настроение было прекрасное. У супругов начался отпуск, который они решили провести в Европе, в их любимом Париже. С ними напросилась и сестра мужа. И вот теперь прямо из аэропорта они приехали в это уютное кафе.

В Париже стояла тихая осень. Они пили кофе, болтали, ждали брокера. У мужа был свой биржевой маклер, который по его поручению играл на бирже. И, судя по всему, удачно. Сейчас он должен подъехать и привезти деньги, денежки… Иначе какой же отпуск в Париже без денег?

Увы, Джо не удалось освободиться от жены и сестры, которые наотрез отказались остаться в одиночестве, несмотря на все его доводы.

Он был вынужден взять женщин с собой, рассчитывая на сообразительность Клода, а также на то, что он вспомнит легенду о брокере. Джозеф попросил Джулию и сестру не мешать разговору с брокером, но он все же опасался, что Клод не пойдет на контакт.

А советский разведчик еще не знал, что ему предстоит сыграть роль брокера, передать деньги, забрать документы и договориться о встрече наедине. И все это на глазах у жены и сестры Хелмича.

Виктор был уже вблизи кафе, оценивая обстановку. Он знал о приезде жены и сестры Гектора, но их приход на встречу стал полной неожиданностью. Любимов мысленно просчитывал варианты своих действий. Не вступать в контакт и ждать новых сообщений от Гектора? Сыграть роль опоздавшего и подойти к агенту, когда тот с женщинами покинет кафе? Первый вариант он отбросил сразу. Вспомнил проблемы со связью, тягостные ожидания сообщений от Джо, а также особую важность передаваемых материалов. Контакт на ходу был бы тоже не совсем естественным и накрепко зафиксировался бы в памяти женщин. Разведчик решил вступить в разговор прямо на террасе кафе, взять инициативу на себя и напомнить Джозефу, что он его брокер. Клод надеялся, что они поймут друг друга. Так и случилось. Любимов поднялся на террасу. Гектор встал, приветствуя его. Они радостно пожали друг другу руки. Джозеф представил Клоду свою жену и сестру.

После взаимных приветствий обменялись мнениями. Как вам нравится Франция? Ах, Франция! Я была бы не против вернуться сюда… Навсегда. Верно, Джозеф? Джозеф поддакивал, согласно

кивал жене. Волнение, преследовавшее его весь перелет, ушло. Клод был с ними. Сейчас он заберет этот проклятый кейс, который жег ему руки. 67 катушек отснятых совершенно секретных материалов. Попадись в аэропорту с таким грузом… Страшно подумать.

Клод говорил то по-английски, то переходил на французский. Он вскоре понял: ни жена, ни сестра французского, к счастью, не знают. Это подтвердил и Гектор. Словом, общаться можно было, не опасаясь вызвать подозрение.

Договорились о следующей встрече. Когда Любимов вручал деньги, перешел на английский. Брокерские дела, так сказать, что ж их скрывать от семьи. Тем более Джейн знала о них со слов Джозефа.

Хотелось создать полную иллюзию доверия. Тем более у Любимова были свои виды на Джейн. Он размышлял над предложением Гектора, которое тот высказал несколько месяцев назад: использовать жену в качестве курьера. Разумеется, использовать «втемную».

Идея опасная, но кто знает, как лягут карты… И почему бы, пользуясь случаем, не поработать на эту идею.

Правда, Джейн особого любопытства не проявляла, но по всему чувствовалось, ей приятно, что муж и этот симпатичный брокер Клод доверяют ей финансовые дела.

Клод прямо здесь, за столиком передал Гектору 5 тысяч франков, не забыв похвалиться, что «улов» на этот раз не плох. Гектор поблагодарил маклера за удачную биржевую сделку.

Тут же Гектор попросил Клода взять на время его кейс. Мол, собираюсь показать жене и сестре Лувр, а кейс— лишняя помеха.

Клод, разумеется, согласился. На том и расстались. В кейсе действительно было 67 отснятых пленок. Огромной ценности материал. Вскоре их уже обрабатывали в Москве.

В следующий раз Любимов и Гектор встретились, как и договаривались, на оперативной квартире. Обсуждали многие проблемы, в том числе и использование Джейн в качестве курьера.

Клод сомневался. Гектор считал, что можно сыграть на ее любви к Франции — послать, например, в Париж приглядеть жилье, дом. Она теперь знакома с биржевым маклером мужа. Словом, Клод ей деньги, она — материалы. А он, Гектор, скажет ей, что это акции для игры на бирже. Она человек пунктуальный, исполнительный. Привезет, вручит.

Гектор предложил и еще одну мысль: использовать в качестве курьера жену его друга, сержанта, с которым они служили еще в Западной Германии. Она француженка. Подозрений ее полет в

Париж не вызовет.

Позже Центр даст согласие на использование жены Гектора, Джейн, в качестве курьера. Но эта возможность так и не будет осуществлена в силу сложившихся обстоятельств.

Обсудили перспективы службы Гектора. Он сказал, что принял решение продолжать службу и хочет подписать новый контракт еще на 10 лет. Считает, что в этом ему поможет отчим, полковник армии США. Правда, жена настаивает на увольнении в запас. Но ее он сможет уговорить.

Что же касается следующего прилета, то произойдет он, скорее всего, в период рождественских праздников, не раньше.

Гектор улетел, а Любимов с чувством исполненного долга написал рапорт на отпуск. Он порядком устал, замотался.

Кроме Гектора, на его шее был Бернар, Мюрат с Луизой. Все ценные агенты, которых Москва ни на минуту не выпускала из своих цепких рук.

Телеграмма об отпуске была направлена в Центр. Но оттуда пришел дословный ответ: «Обсудите с Луизой перспективу ближайшей работы с Мюратом. Эта информация даст возможность решить вопрос об отпуске».

Ну что ж, пришлось организовать встречу с Луизой, утрясать все волнующие Центр вопросы. И только в начале ноября Любимову предоставили законный отпуск.

Теперь путь лежал из Парижа в Москву. Из Москвы в Ленинград, чтобы увидеть сына и дочь, которые находились у родителей жены. А из Ленинграда — в благословенный Сочи, в центральный военный санаторий им. К.Е. Ворошилова.

ПОЧЕМУ МОЛЧИТ ГЕКТОР?

13 ноября был день их санаторного заезда. А 14 ноября на адрес конспиративной квартиры пришло письмо. В нем Гектор сообщал, что примерно 22–25 ноября вылетает в Париж. С собой будет иметь новые шифроключи. В случае невозможности организовать встречу в Европе просил принять материалы в США.

Новый резидент ГРУ в Париже, получив письмо, предложил отозвать из отпуска Любимова с женой. Начальник Главного разведуправления с доводами резидента согласился.

Возникла проблема с легендированием. Как объяснить столь неожиданное возвращение в Париж представителя Министерства морского флота Любимова? С чего бы ему, как ошпаренному, бросив отдых, через несколько дней вновь лететь во Францию?

Помогла (как это кощунственно ни звучит)… авария советского танкера «Вакуленчук», произошедшая в это время во Франции. Ситуация была связана с арбитражным судом, с разборками, кто прав, кто виноват, кому платить. Откровенно говоря, спор мог быть решен на месте и без участия представителя Минморфлота, но в ГРУ быстро сообразили: авария станет надежной легендой для срочного возвращения Любимова. Во Францию полетела телеграмма, что для разбирательства по этому делу на место аварии вылетает представитель Минмор-флота Любимов. В военной разведке знали: информация обязательно попадет во французскую службу наблюдения за территорией и объяснит срочное возвращение Любимова.

19 ноября Любимов уже был в Париже, 20-го он выехал в Гавр. 21-го вместе с капитаном танкера провел встречу с директором гаврского порта господином Лепретром. 22 ноября возвратился в Париж, якобы для подготовки письменного доклада.

23 ноября получен сигнал о прилете Гектора. А теперь, думаю, пришло время напомнить читателям, что это были за дни — 22–23 ноября 1963 года.

22 ноября в городе Даллас (штат Техас) пуля снайпера поразила Президента США Джона Фицджеральда Кеннеди. Но об этом Гектор узнал лишь в самолете на пути в Европу. Как человек военный он понимал, какой опасности подверг себя, разумеется, в такие дни в Вооруженных силах всегда объявляется повышенная боевая готовность, усиливается контроль за военнослужащими.

В общем, возвращение в родную воинскую часть, судя по всему, не предвещало ничего хорошего. И потому на встрече

Гектор был мрачен, подавлен, раздражен.

Они сидели с Клодом в ресторане, Гектор рассказывал, что прилетел с женой. Она отдыхала в гостинице. Жену он взял для прикрытия — якобы Джейн прилетела побаловать себя рождественскими покупками в любимом Париже. Гектор сказал, что идет на встречу с маклером Клодом — передать акции и забрать деньги.

Но жена его в данный момент не волновала. Мыслями он был на родине, в США. Убили Президента! Что там происходит сейчас в стране, в армии? Гектор принял решение сдать билет и улететь в Америку ближайшим рейсом. Было не до рождественских покупок.

Материалы и долгожданные шифрокпючи он тем не менее передал. Там были суточные, месячные ключи по февраль 1964 года, на четыре месяцы вперед. Они действовали в нескольких крупных районах дислокации сил США — на европейским и дальневосточном театрах военных действий, а также в Атлантике. Гектор назвал узлы связи, которые используют эти шифросистемы и ключи к ним, — Вашингтон, Норфолк, Форт Брегг, Орлеан (США), Гельдельберг, Западный Берлин (Германия).

Было и тревожное, настораживающее сообщение. Гектор признался: спецслужбам США стало известно, что Советский Союз располагает американской шифросистемой. Он сам читал документ для сотрудников спецслужб. В нем говорилось о новом порядке использования шифросистем. Да и его командир, подполковник Коллинз, в присутствии неких гражданских лиц пытался объяснить офицерам части, почему вводятся новые правила использования шифросистем. Об утечке данных в СССР он сказал, но когда хотел добавить еще что-то, люди в штатском его остановили.

На вопрос Клода, что ты думаешь об этом, Гектор ответил: либо ЦРУ получило эту информацию от своей агентуры в СССР, либо Москве американские шифромашины передали вьетнамцы. Во время боевых действий при партизанских налетах несколько таких машин попали в руки вьетнамцев.

Эта информация насторожила Гектора. Как он сказал, должна насторожить и вас. Разумеется, всю шифросистему американцы обновить не могли — очень дорого, но решили чаще менять шифроключи.

Клод пообещал по своим каналам проверить полученную информацию. Обсудили и возможность изготовления оперативного паспорта Гектору и жене на тот случай, если он будет «засвечен».

По окончании встречи с конспиративной квартиры их вывез

обеспечивающий офицер. Покрутились по городу, проверились на случай слежки. Все было чисто. Высадили Гектора и пожелали удачи. В эти тревожные дни удача ему не помешала бы.

По возвращению в США агент Гектор должен был подтвердить свое благополучное прибытие. Но он не ответил. Прошел день, второй, третий… Неделя… Месяц…

Гектор молчал.

Он молчал пять долгих месяцев. В резидентуре перебрали все мыслимые и немыслимые варианты. Центр нервничал. Он дал указание— не рисковать агентом. При поездках в Европу мы не можем обеспечить безопасность Гектора, и это неизбежно приведет к провалу. И поэтому Москва приказала: личных встреч с Гектором в Европе не назначать.

Обсуждали, посылали приказы, но боялись худшего — провала. Хотя к этому, как казалось, не было предпосылок.

Наступил апрель 1964 года. Почта принесла два письма. Гектор наконец заговорил. Он извинился, объяснил свое молчание. Оказалось, долетел хорошо, но уже на следующий день угодил на учения, которые проводились в другом штате. Потом была переподготовка, новые учения. А по окончании к нему прикрепили офицера разведки, этакого куратора. Он плотно опекал Гектора, так что даже на обед, ужин ходили вместе.

С чем это связано? Возможно, с тем, что его готовят для командировки во Вьетнам.

Теперь после отъезда «опекуна» выдалась возможность написать. Далее Гектор сообщал о скором приезде в Европу. Говорил, что у него есть интересные материалы.

Следом за письмом, не изменяя своей привычке, в Париже появился и сам Гектор. На нынешней встрече много внимания Любимов и его агент уделили перспективам совместной работы.

Как считал Гектор, до конца сентября он пробудет в Штатах. Примет участие в очередных учениях, которые будут проходить в пустыне, в составе ударной части. Потом возвратится к месту постоянной дислокации, получит отпуск. По окончании отпуска ему приказано прибыть в Калифорнию, а уже оттуда— во Вьетнам. Командировка планируется на 10 месяцев. После Вьетнама пообещали место в составе американского контингента в Западной Германии. На этот раз Гектор сообщил, что новый контракт на продолжение службы в армии уже подписал. Так что перспективы совместной работы у них достаточно солидные. На вопрос Клода, смогут ли они увидеться до отъезда во Вьетнам, Гектор сказал, что встреча вполне возможна во время отпуска. Но где? Ясно было, что во Францию он уже вряд ли прилетит. Хотя, как он сказал, у жены появилась идея фикс — отдохнуть где-

нибудь на Средиземном море. Предложения Клода на встречу в Нью-Йорке или Канаде он не принял. Остановились на Мексике. Договорились о деталях основной и запасной встреч. Пароль и отзыв оставили старые, европейские.

Пытались просчитать перспективы будущего сотрудничества, когда он уедет во Вьетнам. Искали третью страну для встречи, то ли Индию, то ли Таиланд. Но это было так далеко и, как показало время, практически безнадежно.

В два часа ночи, в дождливую, скверную погоду, Клод вывез Гектора с оперативной квартиры. Они пожали друг другу руки, и уорнет-офицер армии США Джозеф Хелмич исчез за пеленой дождя. Он ушел, не оглянувшись. Ушел навсегда.

…Последняя встреча наших разведчиков с агентом Гектором состоялась в Мексике. Проводил ее офицер местной резидентуры. Она прошла результативно, но, судя по отчету, теплоты и открытости в ней не было. Позже в своем письме Гектор напишет достаточно резкие строки: «Я прошу не присылать на встречу со мной человека из Мехико, так как я в нем не уверен и не могу на него положиться».

Трудно сказать, что стояло за этими словами? Об этом знает только сам Гектор.

…В декабре 1964 года парижская резидентура получила тревожное письмо. Гектор писал, что после возвращения из Мексики его трижды приглашали в ЦРУ. Расспрашивали, где проводил отпуск, с кем встречался, а в конце предложили пройти тест на детекторе лжи, ссылаясь на то, что во Вьетнаме ему предстоит заниматься радиоперехватом китайцев и вьетнамцев, а также дешифрованием.

Джозеф Хелмич отказался пройти проверку на детекторе лжи. По законам США насильно его никто не мог заставить это сделать, тем не менее после отказа Хелмича отстранили от работы. Его оставили служить в войсках связи, но перевели в другое подразделение, которое занималось тыловым обеспечением.

У него оставались некоторые возможности — знание дислокации войск, боеготовности частей в Юго-Восточной Азии, однако свой уникальный доступ к секретной информации и дешифровке Гектор утратил. Он еще посылал письма, предлагая встретиться то в Бангкоке, то в Гонконге, но Центр ответа не давал. Переписка постепенно затухала.

В начале 1967 года новый начальник европейского управления написал аналитическую записку на имя генерала Петра Ивашутина. Он просил согласия на исключение из агентурной сети агента, работавшего под псевдонимом «Гектор».

Начальник управления обосновал это потерей у Гектора агентурных возможностей, уходом его из шифровальной службы, а также вниманием к нему Центрального разведывательного управления США.

После возвращения из Вьетнама Джозеф Хелмич уволился из Вооруженных сил и поселился во Флориде. Когда его арестовали, он работал кровельщиком в небольшой фирме «Бич Тайл компани» и проживал с родителями в Джексонвилле.

Как заявил на предварительном слушании адвокат Хелми-ча, Питер Диринг, денежный актив его клиента составлял 14 долларов.

Американские газеты писали в те дни, что «в материалах расследования есть свидетельства о том, якобы власти подозревали Хелмича давно». «Но тогда не вполне понятно, — задает справедливый вопрос та же «Вашингтон пост», — почему для выдвижения обвинения против Хелмича потребовалось целых 18 лет». А действительно — почему?

Думается, на этот вопрос в какой-то мере ответил пресс-секретарь ФБР Рогет Янг. Накануне суда он заявил, что «недавние изменения, произошедшие в деле, позволили выдвинуть обвинение».

Что это за изменения? Трудно сказать, но не исключено и предательство. Некоторые из разведчиков считают, что Хелмича мог выдать предатель из ГРУ Чернов. Он работал в те годы в военной разведке оперативным техником. Многие материалы проходили через его руки. Но точно не может сказать никто.

Джозефа Хелмича судили по обвинению в шпионаже и приговорили в США к пожизненному заключению.

Рассказ о ценном агенте советской военной разведки Гекторе хотелось бы закончить уникальным документом, который хранится в архиве ГРУ. Не часто подобные записки попадают на стол руководителю государства. Да и те, кто пишет их, надо полагать, имеют для этого веские доводы. Что ж, судите сами.

«Сов. секретно.

Экз. № 1.

Лично Товарищу Хрущеву Н.С.

Докладываем, что в начале 1963 года Главным разведывательным управлением Генерального штаба проведены оперативные мероприятия, которые дали возможность получить доступ и добыть большое количество совершенно секретных документов особой важности.

За период с 20.02.63 г. по 30.01.64 г. было добыто около 200 документов, содержащих сведения по вопросам доставки, складирования и передачи ядерных боеприпасов подразделениям

ударных сил США и НАТО, дислоцирующимся в Европейской зоне: сведения об организации и дислокации частей и подразделений обеспечения ядерным оружием, о дислокации некоторых частей и штабов вооруженных сил стран-участниц НАТО, а также деятельности ВМС США.

В результате этого вскрыто 6 складов ядерного оружия на территории ФРГ, Нидерландов и Греции, наличие 27 ядерных бомб в Турции и 16 ядерных бомб в Греции, наличие ядерных боеприпасов на 12 аэродромных складах (в Англии— 1, ФРГ— 5, Нидерландах— 1, Греции — 2, Турции — 3 склада), частичный план завоза ядерных боеприпасов на 11 аэродромных складах на территории ФРГ, Бельгии, Италии, Греции и Турции, а также добыты другие сведения, связанные с ядерным вооружением, и подтвержден ряд имеющихся у нас данных по этим вопросам.

В целом полученные за период менее одного года сведения позволили вскрыть и подтвердить некоторые особо важные данные по вопросу подготовки вооруженных сил США и НАТО к применению ракетно-ядерного оружия на Европейском театре войны.

Оперативные мероприятия ГРУ в этом направлении, а также работа наших служб продолжаются.

Р. Малиновский, С. Бирюзов

25 февраля 1964 года».

Подводя итоги работы Любимова с Гектором, можно сказать, что это было уникальное оперативное мероприятие ГРУ. Уникальность его во многих агентурно-разведывательных факторах. К числу таковых можно отнести:

— Место работы и службы источника. Приемо-передаю-щий Центр связи вооруженных сил США в Европе, который обеспечивал спецсвязью Ставку Президента США — узел связи вооруженных сил США в Европе — штаб ВГК НАТО — штабы вооруженных сил НАТО на ТВД.

— Ценность документальной и устной информации (только «ценная» и «особой важности»).

— Объем и достоверность информации (более 3500 листов, 650 шифротелеграмм, 500 таблиц суточных ключей, свыше 10 рулонов перфоленты). Все информационные материалы были в оригиналах.

— Скорость, частота и нестандартность проведения оперативных мероприятий, а в связи с этим повышенная напряженность и риск.

— Постоянный контроль Центра на уровне начальника управления и начальника Главного разведуправления, при одновременном предоставлении большой самостоятельности

резиденту и оперативному офицеру в принятии решений на месте.

— Решительные действия офицера-разведчика, который в ходе оперативных мероприятий не боялся принимать решения.

СОВЕТСКИЙ «КРОТ» В НАТО

…Приближался полдень. В тихом кафе на улице Диволи в Париже за столиком сидел человек. Перед ним — бокал вина, чашечка кофе. Человек никуда не спешил. Он курил, лениво поглядывая на улицу, на спешивших прохожих.

Ему было под пятьдесят. Но был он поджар и прям. Короткая прическа — седой бобрик — придавали его облику особый мужской шарм. Этот человек с первого взгляда вызывал доверие.

В кафе в предполуденный час немноголюдно. Вот и еще один посетитель вошел, огляделся. Не желая коротать свой обед в одиночестве, он подошел к мужчине с седым бобриком. Они перебросились двумя-тремя фразами, и вошедший присел за столик.

Если бы кто-то со стороны услышал их диалог, ничего особенного, а тем более подозрительного не заметил бы.

Гость, извинившись, спросил, не смог бы он составить компанию, а «бобрик», широко улыбнувшись, предложил присесть, ответил, что и сам «не выносит одиночества».

Именно так и звучали «пароль» и «отзыв» советского разведчика Виктора Любимова и агента парижской резидентуры ГРУ Мюрата. Это была их первая встреча.

Мюрат, мужчина с седым бобриком, украдкой глянул на часы. Он любил точность. Вик пришел в срок.

— Признаться, не думал, что вы такой молодой, — сказал Мюрат.

Любимов, в свою очередь, ответил любезностью, кивнув на сигаретную пачку, лежавшую на столике перед Мюратом. На клапане пачки по-французски было написано одно слово. Но какое! «Дружба».

— Будем дружить!..

— Я не против, — улыбнулся Мюрат, — но это зависит не только от меня…

Любимов прекрасно понимал, о чем говорит их агент.

— У нас есть такая пословица: чтобы узнать человека, с ним надо пуд соли съесть.

Мюрат внимательно посмотрел в глаза Любимову и, затянувшись сигаретой черного крепкого табака, в знак согласия покачал головой:

— Съедим, Вик, съедим…

Разговор начали осторожно. Вначале обсудили предстоящий футбольный матч, шансы команд, ставки в тотализаторе. Беседа прерывалась при появлении гарсона. Они переходили на

короткие общие фразы, словно только что познакомились. Иногда Мюрат внезапно начинал говорить на английском, как бы проверяя знание языка и реакцию Вика. Видя нетерпение Мюрата перейти к конкретным делам, Любимов решил отклониться от разработанного плана встречи. Он предложил Мю-рату вести диалог: спросить, что его интересует, что он хочет поведать, высказать свои пожелания.

Любимов сразу почувствовал, что это предложение понравилось Мюрату. Однако Вик уточнил: деловую часть беседы и обсуждение конкретных вопросов он предлагал провести на воздухе, в небольшом, находившемся неподалеку сквере. Мюрат согласился.

Они еще немного посидели, затем, раздельно расплатившись с гарсоном, вышли из кафе. И через несколько минут удобно устроились на скамейке в сквере, где и прошла основная часть беседы. Заключение они провели в ресторане, куда пришли уже вместе, как хорошо знающие друг друга приятели.

По предложению Мюрата в этот же вечер перешли на обращение по имени и на «ты».

Цель вопросов Мюрата, как понял Любимов, сводилась к тому, чтобы выяснить, насколько надежен Виктор, какова его профессия, участвовал ли он в войне, бывал ли в критических ситуациях и имеет ли опыт разведывательной работы? Вик отвечал спокойно, рассказывал о себе с некоторым юмором, давая понять, что к Мюрату относится с большим уважением. Ведь ему были хорошо известны военные заслуги Мюра-та и его вклад в раскрытие военно-политических планов США и НАТО, направленных против СССР.

В конце концов, Любимову было что рассказать. Вспомнился 1941 год. Истребительный отряд милиции Киевского района Москвы. С началом войны Витька Любимов находился там. Ему было всего пятнадцать лет.

Отец Витьки в ту пору работал в Московском уголовном розыске, вот и пристроил сына в отряд. Все-таки при деле. Иначе Витька точно сбежал бы на фронт.

Командир отряда иногда посылал его собрать кое-какие сведения о приближающемся противнике.

Отряд их занимался охраной различных объектов, но в основном боролся с мародерами. Попал в мародеры и Вася Бычков, товарищ по школе и дому. Он тогда прибился к какой-то банде, грабили квартиры, магазины. Очистили ювелирную лавку, там их и прихватили. И Бычкова вместе со всеми, по законам военного времени, без суда и следствия поставили к стенке.

Запомнил на всю жизнь панику в Москве. До сих пор картина

перед глазами: метро не работает, а по Кутузовскому «шпарит» грузовик, набитый вещами выше бортов. Среди вещей — какая-то баба, с безумными от страха глазами. Грузовик рвется из столицы к окраине. На улицах надолбы, рвы, укрепления.

Как раз в эти дни в отряд за ним приехал отец. Долго не разговаривал, сказал: «Собирайся!»

— Куда это? — не понял Виктор.

— Ты в спецшколу подавал заявление?

И только тут Виктор вспомнил про спецшколу. Да, в конце 7-го класса он хотел поступить в военно-морскую спецшколу, прошел медкомиссию. Но теперь война, и существует ли эта школа? Оказалось — существует. И приказ о его зачислении уже состоялся.

— До Красносельской доберешься? — спросил отец.

Школа располагалась там.

— Доберусь.

— Тогда давай, двигай…

И он двинул. Потом была учеба, эвакуация в Ачинск, в Куйбышев. Позже школу перебросили на Каспий, и курсант Любимов ходил матросом на пароходе «Шаумян». Перевозили ленд-лизовские, американские грузы из портов Ирана.

В 1943 году окончил спецшколу и был направлен в Баку на подготовительный курс перед поступлением в военно-морское училище.

Зиму проучились, а летом 1944 года — распределение по училищам. Он выбрал военно-морское имени М.В. Фрунзе.

После училища и службы на флоте были высшие академические курсы разведки и трехлетняя работа в США, в Вашингтонской резидентуре.

Мюрат узнав, что Любимов морской офицер, работал в США и знает методы работы ФБР, облегченно вздохнул. Сказал, что рад видеть собрата по оружию. Моряки и летчики всегда были близки по своей натуре. Позднее Мюрат признался: он окончательно успокоился, узнав, что Вик не имеет дипломатической неприкосновенности.

В ходе дальнейшей многолетней работы они успешно использовали возможность переходить с одного языка на другой и с дружеского «ты» на более официальное и почтительное «вы».

Так началась их совместная деятельность. Впереди было почти два с лишним года напряженной работы. Мюрат оказался прав: вместе съели они соли не один пуд.

«Москва. Центр. Васильеву.

На первой встрече с Мюратом найден общий язык и взаимопонимание, установлены дружеские, доверительные

отношения. Встреча продолжалась три с половиной часа. Мюрат предложил называть друг друга по имени — Чарли и Вик.

Мюрат производит впечатление умного, слегка язвительного, хорошо разбирающегося в военно-политической обстановке человека. Очень дружески настроенного к нам.

В нем хорошо сочетаются смелость с осторожностью, словесная бравада с бдительностью. Он категоричен в решениях, но соглашается с хорошо обоснованными доводами.

Мюрат — человек, требующий заботы, внимания. Очень ранимый в вопросах службы. Болезненно переживающий, когда затрагиваются вопросы его офицерской чести.

Понимает важность и ценность своей деятельности в наших интересах; но твердо придерживается принципа: оценку этой работы; как моральную, так и материальную, должно давать (а не забывать) командование Вооруженных Сил СССР.

Лютое. Париж».

Этот отчет ждали в Москве с нетерпением и некоторой тревогой. Мюрат был не просто ценным агентом парижской резидентуры, он был суперагентом номер один.

Старший офицер, полковник штаба НАТО в Западной Германии, имевший доступ к самым секретным документам Североатлантического альянса. К тому времени он три года работал на советскую военную разведку. Достаточно сказать, что в марте 1962 года Мюрат указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден высшим орденом нашей страны — орденом Ленина.

В архиве ГРУ сохранился документ, в котором дана такая оценка деятельности Мюрата: «8 60-е годы, в период сложных международных отношений и большой напряженности, значение самоотверженного труда Мюрата трудно переоценить. Его работу и ценность информации можно сравнить только с информацией Зорге или источника Люци из группы Ш. Радо. А возможно, и выше, ибо от Мюрата в Центр поступала достоверная документальная, а не аналитическая информация.

Выполняя наши задания, Мюрат сильно рисковал своей жизнью, жертвовал благополучием семьи и личным положением, в привычном ему, высшем буржуазном обществе, считая СССР своей второй Родиной».

Виктор Любимов был уже третьим оперативным офицером, которому предстояло взять на связь Мюрата. Центр прекрасно осознавал огромные возможности своего агента и дорожил ими. Важно было умело «принять» Мюрата и превратить его потенциальные возможности в реальные дела.

Его ценили, о нем заботились. Но это не принесло счастья —

он потерял семью, от него ушла любимая женщина, да и жизнь этого талантливого агента закончилась трагически. Почему такое случилось? Это тема нашего дальнейшего разговора.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

А теперь вернемся к нашим героям — к Мюрату и Любимову. Знакомство с Мюратом было установлено в 1958 году, а зачислен в сеть источников советской военной разведки он был в 1959 году.

Его деятельность заслуженно получила высокую оценку командования Вооруженных Сил СССР и руководства страны. Тем не менее, в вопросах связи, конспирации, взаимопонимания и результативности были немалые проблемы. Корни этих проблем зиждились в характере самого Мюрата, а также в недоработках наших оперативных офицеров.

Да, характер у Мюрата был не сахарный. Порывист, энергичен, смел. Но ему явно не хватало терпения и аккуратности. На службе в НАТО он привык руководить, принимать самостоятельные решения. Приказам сверху подчиняться умел, но всякий раз оценивал эти приказы с собственных позиций. У него были свои представления о безопасности и конспирации. Мюрат искренне считал, что ситуацию в НАТО и в стране он знает лучше, чем его советские друзья. Он не любил «умных», инструктивных встреч в тихих, уютных уголках пригородов Парижа, считая свое появление там неестественным. Мюрат предпочитал более оживленные улицы центральной части города, полагая, что может объяснить беседу с военно-воздушным атташе СССР случайной встречей. По этому поводу он неоднократно дискутировал со своим первым руководителем полковником Алексеем Лебедевым. В результате возникала путаница, в каком же месте они должны в следующий раз встретиться. Срывы встреч происходили как по вине одного, так и другого.

Личные отношения Лебедева с Мюратом тоже складывались весьма своеобразно. Они были близки по возрасту, оба участвовали в войне с Германией, и тот и другой — боевые пилоты. Герой Советского Союза, военно-воздушный атташе СССР во Франции Алексей Иванович Лебедев и Мюрат воевали на разных фронтах, но небо у них было одно. И друзей боевых они теряли, и фашистские самолеты сбивали.

Мюрат был летчиком-истребителем, сначала пилотом, потом командиром эскадрильи, лично уничтожил 5 самолетов противника. Правда, особенно этим не хвастался, считал, что сбитых пять немецких машин — маловато.

Военно-воздушного атташе СССР во Франции Героя Советского Союза Алексея Ивановича Лебедева в кругах

французских летчиков знали хорошо. Вот как о нем вспоминает полковник в отставке Иван Лазарев, в ту пору служивший инспектором ГРУ: «Французская резидентура была очень активной. Номер один резидентура. По крайней мере, в Европе.

А Алексей Иванович Лебедев— Герой; боевой летчик! Он был вхож в самые высокие авиационные круги Франции. Среди его хороших знакомых— генералы и старшие офицеры, прошедшие войну. Так что необходимую информацию он получал вполне легально.

На вид он угловатый; этакий медведь, но дружить умел, всегда был душой компании. Мог ночь напролет пить, «гудеть», гостей умел потчевать, угощал грибочками ярославскими. В общем, понравились они друг другу.

Думаю, сыграл свою роль и тот факт, что Мюрат с антипатией относился к американцам. Не любил их за высокомерие, снобизм, желание всюду командовать».

В то же время их многое разнило. Лебедев был проще, он не любил заниматься тонкими словесными играми. Мюрат был тоньше, аристократичнее. Он жил и служил в среде, где находились люди с другим менталитетом. К тому же он считал, что опасность для него и Лебедева разновелика. Алексея Ивановича как военного дипломата могут только выслать из страны, а его в случае провала посадят за решетку или расстреляют как предателя.

Обстановка, в которой приходилось работать Мюрату, была непростая. По роду службы он находился среди немцев и американцев. Первых он не любил за фашизм и трагедии войны. Ко вторым тоже относился неприязненно и с трудом скрывал это в офицерской среде. Иногда срывался и говорил американским коллегам колкости.

Как мы уже говорили, Мюрат имел свое представление о безопасности. Встречи с предшественниками Любимова стремился проводить как можно короче, всегда говорил, что торопится на поезд. В условленное место всегда выходил заранее и старался выявить, есть ли слежка за Алексеем Лебедевым. Он категорически отказывался давать какую-либо информацию, написанную от руки. Только устную или в фотокопиях.

Недоработки, разумеется, были не только у Мюрата, но и у наших оперативных офицеров. С оперативной точки зрения их работа с источником оставляла желать лучшего.

Алексею Ивановичу Лебедеву трудно было определить мотив сотрудничества Мюрата с советской военной разведкой. Он больше склонялся к материально-денежному мотиву, подкрепленному заявлениями Мюрата о симпатиях к СССР и

неприязни к США. Между тем, нередкие отказы агента от вознаграждения опровергали личную материальную заинтересованность Мюрата.

Работа с Мюратом налаживалась не просто. После срыва подряд пяти встреч Центр встревожился и дал указание по повышению безопасности дальнейшей связи с агентом. Мюрат тоже был обескуражен и начал принимать свои меры по вызову руководителя на встречу. Посылкой авторекламы в советское посольство на имя Лебедева он дал понять, что ждет его в определенный день. Но Центр запретил вступать в контакт с Мюратом и только разрешил оперативному офицеру выйти в район встречи, понаблюдать за поведением агента. Наблюдение показало, что обстановка нормальная, агент пришел вовремя, но вел себя несколько нервозно. После этого Мюрат бросил в почтовый ящик нашего посольства открытку, в которой открыто написал: «Так продолжаться не может. Четыре раза выходил напрасно. Буду через неделю. Карл».

Центру стало ясно, что срывы встреч происходят из-за путаницы в условиях связи. Агент и его руководитель понимали их каждый по-своему. Вскоре резидентура получила разрешение на встречу с агентом. Встреча состоялась. Мюрат был без документов. Злое лицо выдавало накопившееся в нем возмущение, которое он высказал сразу же после обмена приветствиями. В результате резкого, но корректного обмена мнениями, тем не менее, была признана вина обоих. В дальнейшем подобных срывов не происходило, однако без происшествий не обошлось. Но об этом позднее. Вначале следует рассказать о Мюрате, о том, как состоялся его альянс с советской военной разведкой, о Лебедеве и Ананьине и о том, как было принято решение о работе с ним Любимова.

Словом, обо всем по порядку. Первое, с чего хотелось бы начать, кто же он такой, Мюрат, кроме того что боевой летчик и офицер штаба НАТО? Ответ на этот вопрос волнует нас сегодня, дорогой читатель, так же, как волновал Центр в далеком 1959 году.

В НЕБЕСАХ МЫ ЛЕТАЛИ ОДНИХ

Скажу сразу, что впервые о Мюрате я написал почти десять лет назад. Единственным моим источником знаний о нем тогда был Виктор Андреевич Любимов. Разумеется, он знал истинное имя своего агента, но раскрывать его не решался. На мои настойчивые уговоры соглашался, что, мол, пора уже об этом сказать, ибо для французской контрразведки истинное имя Мюрата не является тайной.

В 1969 году Мюрат трагически погиб. Виктор Андреевич Любимов достаточно точно нарисовал портрет Мюрата. Разве что немножко изменил год рождения, из графа сделал барона.

Мюрат родился в богатой дворянской семье. Корни семьи уходят далеко в глубь истории. Его предки активно участвовали в укреплении власти короля, в создании и расширении заморских территорий метрополии. Титул был пожалован одному из предков Мюрата за преданность королю еще во времена испанского владычества в Европе. Мюрат с гордостью носил этот титул. Его древний род имел земельные наделы в Европе и в Африке.

В начале XX столетия семья обеднела, но сохранила преданность и любовь к своей Отчизне и к независимости. Вопросы воинской чести, гордости и порядочности были всегда основой жизни членов семьи. Вот поэтому Мюрату никогда не ставились разведзадания, связанные с обороной и безопасностью его родины. Он работал только по США и НАТО.

Большое влияние на воспитание Мюрата оказала его мать, высокообразованная, культурная женщина. Мюрат до своих последних дней отвечал ей любовью и заботой. Она прекрасно музицировала, любила русскую классическую музыку Глинки, Бородина, Чайковского. Под ее влиянием сын тоже полюбил музыку и неплохо играл на пианино.

От отца Мюрат унаследовал смелость, гордость и чувство чести. По семейной традиции Мюрат должен был стать военным и стал им. После окончания частной школы и гимназии поступил и успешно окончил элитное военное училище. Однако он мечтал летать. И добился своего. Мастерством пилота Мюрат овладел в летном училище и школе переподготовки авиаторов. Перед войной получил диплом военного летчика истребительной авиации. Однако серьезного участия в боевых действиях на фронте он не принимал. Вначале была так называемая «странная война», за которой последовал прорыв немцев, трагедия Дюнкерка, капитуляция стран Бенилюкса и Франции. Недолгое

время Мюрат находился в плену на юге Бельгии.

Затем с группой офицеров-патриотов он совершил побег и через Францию и Испанию добрался до Северной Африки. Прошел переподготовку к полетам на английских самолетах «Спитфайер» и «Харрикейн». Принимал участие в боевых действиях на фронте. Лично сбил 5 немецких самолетов. Закончил войну командиром эскадрильи, кавалером нескольких орденов разных стран.

После войны он обучал пилотов на Ближнем Востоке, в Северной Африке. В 1952 году был переведен в состав национальных вооруженных сил. Успешно совмещал летную работу и штабную деятельность. Попал в авиационное подразделение НАТО, служил под командованием американских генералов.

Мюрата ценили как профессионала, но продвигали по служебной лестнице медленно. Основным тормозом в его карьере был характер: болезненная гордость, резкость в суждениях, стремление к независимости. Квотные ограничения для разных стран, входящих в НАТО, также служили некоторым препятствием движению наверх.

В душе Мюрата росло недовольство реакционным чиновничеством и генералитетом, которые угодничали перед американцами. Ате, в свою очередь, отличались ярко выраженным высокомерием и хамством.

Считая, что служба бесперспективна, Мюрат подал в отставку. Однако его просьба после длительного рассмотрения была отклонена. Кто-то наверху счел, что он еще пригодится как профессионал и классный специалист. Ведь за его спиной был огромный жизненный и фронтовой опыт, штабная деятельность, знание авиационной техники и оружия, свободное владение французским, английским и немецким языками. В общем Мюрата, оставили на службе. Этот фактор не мог не порадовать Лебедева. Однако Мюрат однажды, полушутя-полусерьезно, сказал: «Это лучше для вас, но хуже для меня». И оказался прав.

На сотрудничество с военной разведкой СССР он пошел сознательно, считая, что блок НАТО потенциально агрессивен и может втянуть мир в новую, атомную войну. К этому убеждению Мюрат шел долгим, трудным путем.

По своему воспитанию и внутреннему убеждению он был националистом. Его политические симпатии колебались от националистических и социалистических до радикальных и анархистских. В офицерской среде о нем отзывались как об анархисте.

Европейских коммунистов Мюрат не любил, хотя признавал

их значительный вклад в борьбу с фашизмом. СССР — уважал и советскую внешнюю политику в Европе считал верной. К США и американцам относился неприязненно. Мюрат долго служил и воевал вместе с американцами. Он признавал их смелость, решительность в бою, но всей душой презирал дикое стремление к коммерции, наживе.

В офицерской среде натовцев Мюрат позволял себе некоторую экстравагантность и фрондерство, пользуясь своей принадлежностью к высшему свету. Однако сослуживцы прощали ему эти недостатки. Они знали, что Мюрат бескорыстен, правдив и симпатичен, готов всегда прийти на помощь

«Москва. Центр. Коновалову.

Мюрат родился в богатой дворянской семье. Своим титулом гордится.

В семье все боготворили мать. Высокообразованная женщина, она прекрасно знала историю, особенно российскую. Ценила Россию. Любила русскую классическую литературу и музыку и прививала эту любовь сыну.

Войну начал как гражданский летчик. Эвакуировался. Переучился на боевые самолеты. Принимал участие в боевых действиях.

Нынешним прохождением службы недоволен. В коллективе выделяется независимостью суждений, прямотой и резкостью, что не нравится руководству.

Сознательно пошел на сотрудничество с нами, считая, что блок НАТО потенциально агрессивен и может втянуть мир в новую войну. К этому убеждению пришел трудным путем, изучая руководящие документы НАТО и вопреки сильному влиянию реакционных родственников.

Имеет доступ к информации с грифом «Космик. Сов. секретно», «НАТО. Секретно».

От коммунистических идей далек, но искренне верит в мирные цели нашей политики.

По характеру вспыльчив, резок, немногословен, остроумен. Смел и решителен. Болезненное чувство собственного достоинства.

Внешне по-мужски симпатичен. Поджар. У женщин пользуется успехом.

Лебедев. Париж».

Вот таким был наш ценнейший агент Мюрат.

ЭЛИТА РАЗВЕДКИ

В 1958 году судьба сводит вместе двух боевых летчиков, воевавших против единого врага, — Мюрата и Алексея Лебедева.

Они познакомились на приеме у известного мецената и киномагната Шарля Спаака. В клубе военных атташе, на приемах и других официальных мероприятиях с участием офицеров разных стран Алексей Иванович иногда слышал о свободомыслии некоего боевого летчика. Одни говорили, что он анархист, другие, что он служит американцам и является их человеком. Алексея Ивановича заинтересовал этот офицер. И вот на одном из приемов, во время беседы с американским генералом, подошел Шарль Спаак и представил им старшего офицера ВВС. Это и был Мюрат. Спаак сказал несколько дипломатичных фраз и удалился. А вскоре оба — и американец, и Лебедев — сыграют свою роль в судьбе Мюрата. Позднее он будет назначен в управление штаба НАТО, которым командовал как раз этот американский генерал, а Лебедев станет его первым руководителем в разведке.

Теперь пора рассказать, кто же такой Алексей Лебедев, которому удалось завербовать офицера штаба НАТО, полковника, который впоследствии станет агентом ГРУ номер один в Европе. Начать, пожалуй, надо с тех пор, как он решил стать разведчиком. А это, откровенно говоря, весьма занятная история.

… Итак, когда Алексею Ивановичу Лебедеву предложили поступить в военно-дипломатическую академию, он уже «разменял» четвертый десяток. Нетрудно было посчитать, что в 1956 году, когда состоится вручение диплома, часы его жизни перейдут отметку «36». А он, по сути, будет молодым, неопытным разведчиком. Так может поздно вступать на эту зыбкую, неведомую стезю? Тем более, что в той, прошлой жизни все складывалось у него очень удачно. Он выжил на войне, хотя окунулся в нее уже в 1942-м. Как напишут в представлении на награду: «Совершил 82 успешных боевых вылета на самолете Ил-2 на штурмовку и бомбардировку войск и техники противника».

Перечисление уничтоженных Алексеем Лебедевым орудий полевой и зенитной артиллерии, автомашин с грузом, повозок, складов с боеприпасами, пулеметных точек, танков, бронемашин, вагонов, блиндажей и дзотов занимает добрую половину страницы.

Он бил врага в «Демянском котле», штурмовал аэродром Сольцы, прорывал линию обороны немцев на Невельском направлении.

В 1944-м, возглавив эскадрилью штурмовиков, участвовал в

боях под Ковелем, при взятии городов Пинск, Люблин, Демб-лин, при прорыве линии обороны на западном берегу Вислы.

Штурмовик Алексей Лебедев провел 11 воздушных боев. Он никогда не уклонялся от сражения с немецкими самолетами, даже если это были истребители, значительно превосходящие наши «Илы» в скорости и маневренности.

Так, в феврале 1943 года еще совсем молодой летчик-штурмовик (к тому времени он на фронте всего три месяца) принимает бой с тремя истребителями противника. Сбивает «Мессершмит-109» и «Фокке-Вульф-190» и возвращается на свой аэродром без единой пробоины.

В октябре того же года группа штурмовиков Ил-2 атакована б истребителями немцев. В результате группового боя Лебедев лично сбивает «Фокке-Вульф», и группа выходит без потерь.

Конец 1943 года, и новая победа пилота Алексея Лебедева. Он был ведущим группы наших «Илов». По возвращению с боевого задания штурмовики атакованы 8 истребителями противника. Алексей Иванович принимает решение не уходить, а принять бой, несмотря на численный перевес врага. Разгорается противостояние, наши летчики сбивают «Фокке-Вульф», второй истребитель «завалил» сам Лебедев, несмотря на ранение в лицо.

Итак, на счету Лебедева 4 сбитых в воздухе самолета противника и 2 уничтоженных на земле.

Весной 1945-го командир эскадрильи 71-го гвардейского штурмового авиационного Краснознаменного полка Алексей Лебедев приехал поступать в Военно-воздушную академию Красной армии. На груди капитана в прямом смысле этого слова теснились ордена — Красной Звезды, два — Красного Знамени, Отечественной войны I степени и орден Александра Невского. Комэск скромно помалкивал, что где-то в высоких штабах «ходит» по инстанциям представление на присвоение ему высокого звания Героя Советского Союза.

Лебедев еще не знал, да и не мог знать, что уже в середине марта 1945 года командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Георгий Жуков лично подписал это представление. Правда, Указ Верховного Совета СССР состоится лишь через год с небольшим, и полноправным Героем он станет в мае 194б-го.

По окончании академии Алексей Лебедев уедет на Дальний Восток, где примет под команду авиационный полк. И уже с должности старшего летчика-инспектора боевой подготовки ВВС Дальнего Востока ему предложат поменять воинскую профессию, в которой он добился, надо прямо сказать, больших высот. Алексей Иванович… согласился. Согласился вновь стать, по сути,

студентом, начать осваивать совершенно новое для себя дело.

Почему он так поступил? На этот вопрос мог бы ответить сам Лебедев. Но его уже нет с нами. И остается только догадываться, предполагать. Командиры, знавшие его в боевой обстановке, в наградных листах постоянно подчеркивают такие качества, как смелость и мужество пилота. «В бою ведет себя смело, показывает образцы мужества и отваги», — пишет в наградном листе в октябре 1943 года командир 71-го гвардейского штурмового авиационного полка майор Севастьянов.

В представлении на звание Героя Советского Союза тот же командир полка отмечает, что в ходе «боевых вылетов гвардии капитан Лебедев показывает мужество, отвагу и замечательные примеры героизма».

Думаю, для того чтобы в 31 год резко поменять свою жизнь, тоже надо немалое мужество и смелость. Тем более, что Алексей Иванович и не очень-то был приспособлен для зарубежной работы. Да, за спиной немалый жизненный опыт, фронтовая школа. Однако родился он и вырос в большой крестьянской семье, где отец с матерью тянули семеро детей, старшие из которых и в школу-то не ходили. Возможно, и Алексей стал бы таким же, как его братья, но, поди ж ты, проявил характер и сильную тягу к знаниям. Мальцом бегал в школу за 6 километров, а после седьмого класса самостоятельно уехал в город, поступил в автомеханический техникум при автозаводе им. Молотова в Горьком. Оттуда после 3-го курса ушел в армию, был принят в военную авиашколу пилотов в 1940 году.

За границей не был, разве что воевал в небе Польши и Германии, языками не владел. Более того, уже в военно-дипломатической академии, услышав его произношение, старая, еще с царских времен, преподавательница и вовсе усомнилась, что он сможет освоить французский язык. Но, забегая вперед, скажу: язык, Алексей Иванович, несмотря ни на что, освоил.

Догадываюсь, что все свои недостатки Лебедев прекрасно знал. Однако отступать не собирался. Сумел же он освоить пилотирование тяжелого штурмовика Ил-2 так, что не боялся вступать в бои с истребителями. Неспроста в одном из архивных документов, характеризующих летчика Лебедева, сказано: «Благодаря отличной технике пилотирования, сочетая маневр с прицельным пулеметно-пушечным огнем, отбил 6 атак истребителей противника, при этом один самолет «Фокке-Вульф» сбил».

Мне рассказывали дочь Лебедева — Светлана Алексеевна и зять — Старновский Иннокентий Дмитриевич (кстати, сам в прошлом военный летчик), что, вспоминая фронтовые будни,

Алексей Иванович справедливости ради отдавал должное немецким летчикам, говорил о них как о классных пилотах, мастерах своего дела. Однако тут же добавлял, ссылаясь на Суворова, что «русские всегда бивали прусских».

«Над линией фронта, — вспоминает тот же Старнов-ский, — Лебедев сбил немецкий самолет, который пилотировал какой-то немецкий барон. Барон погиб на нашей территории. Пехотинцы разыскали Алексея Ивановича и передали ему кортик барона с фамильным вензелем.

Знаете, я сам военный летчик и могу сказать, Алексей Иванович был талантливым пилотом. Четыре сбитых самолета — это ведь уникальный результат для штурмовика. Далеко не у каждого истребителя такой боевой счет.

Лебедев был очень крепким, сильным человеком. Тяжелую машину Ил-2 он выводил на такие запредельные режимы, что мог соперничать с немецкими истребителями. У него была своя тактика…»

Что ж, можно признать, что и в разведке у него была своя тактика. Как ни крути, а Лебедев, считай, повторил свой фронтовой подвиг, когда совсем молодым летчиком-штурмовиком сбил два истребителя в одном бою. Теперь, будучи молодым разведчиком, он завербовал суперагента Мюрата, который вскоре получит высшую награду СССР— орден Ленина. Так Алексей Лебедев вошел в элиту разведки, стал вербовщиком.

Как известно, агентурная сеть пополняется либо за счет «доброжелателей»— людей, которые сами предлагают свои услуги, либо за счет тех, кого привлекают разведчики к сотрудничеству самостоятельно.

Да, весьма непросто из «доброжелателя» воспитать агента. Ведь нередко человек, попадая в сложную ситуацию, например финансовую, готов лишь к короткому, единовременному контакту: я вам секреты, ценную информацию, вы мне деньги. И тут важно в короткое время оценить степень информированности «доброжелателя», возможность и необходимость дальнейшей работы с ним, суметь привлечь к сотрудничеству на постоянной основе, отработать условия этого сотрудничества и способы передачи информации.

Тем не менее, все это не сравнимо с трудом вербовщика, когда надо не только найти, изучить, проверить нужного для разведки человека, но и склонить его к совместной работе. Работе рискованной, опасной. Ведь разведку интересуют не простые проблемы, известные всем, а, как правило, тайны другого государства. И разглашение этих тайн строго карается.

Вот в таких условиях вербовщик должен найти подходы к

«секретоносителю» и уговорить, чаще всего вопреки его воле, поставлять секреты своей страны разведчику.

О таланте вербовщика написано мало и скупо. Тому множество причин. Как всякий талант, он не только редок и самобытен, но и скрыт от посторонних глаз. Он качественно отличен от других. Если талант художника, музыканта, литератора невозможен без широкого признания, то талант вербовщика расцветает в безвестности. О нем знают единицы. И чем меньше таковых «поклонников», тем лучше. Перефразируя известную пословицу, можно сказать: что другому таланту добро, то вербовщику — смерть.

Разведчики-вербовщики — это элита разведки. Это — личности. Увы, их не всегда любит окружение. Что же касается начальства, то оно, как правило, стремится максимально использовать этих самородков, ибо от них зависит эффективность и устойчивость работы разведывательного аппарата.

Профессия вербовщика стратегической агентурной разведки вобрала в себя лучшие черты иных, совершенно мирных профессий. Ему, например, как врачу-психоаналитику, нужно безошибочно определить уязвимость изучаемого человека, его сильные и слабые стороны, желания, скрываемые за словесной шелухой. От этого во многом зависит правильность последующих действий. Эти данные от контакта, от встречи к встрече уточняются и корректируются. Важно не допустить ошибку, не ущемить личные, национальные или патриотические чувства иностранца, что может привести к разрыву.

Вербовщик, как хороший шахматист, должен продумать и выбрать дебютное начало для беседы, рассчитать и предусмотреть варианты на максимальное количество ходов вперед, сохранять спокойствие при самых неожиданных ответах и заявлениях собеседника, быть готовым к «ничьей» или даже матовой комбинации. Но при угрозе поражения разведчик должен иметь в запасе варианты отхода.

И, наконец, он, как хороший актер, должен играть свою, для каждой встречи заданную роль. Да так, чтобы ему поверили не только в момент беседы, но и позже, при последующем, «холодном» анализе. Дело в том, что актер в театре создает образ персонажа, в который добровольно стремятся поверить много зрителей. Разведчик-вербовщик играет роль для одного зрителя. Это значительно труднее. Нет эмоционального воздействия зрителей, как в театре, нет плеча коллег.

Источниками информации в большинстве случаев становятся добровольно, и эти люди хорошо осознают, на какой риск идут.

Однако не все приходят добровольно, других нужно подвести

к этому решению, а вот перед третьими нужно играть, хорошо играть, чтобы создать, как модно говорить теперь, виртуальную реальность.

Все это смог сделать Алексей Лебедев.

Тот же полковник в отставке Иван Лазарев так оценил работу Лебедева в Париже: «Больше всего для нашей разведки во Франции в свое время сделал именно Алексей Иванович Лебедев. Да; много работал генерал Чередеев, но он был руководителем разведаппарата, а Лебедев — вербовщиком».

«Нас, молодых офицеров, — говорил его сокурсник и друг по военно-дипломатической академии генерал Владимир Стрельбицкий, — командование ГРУ призвало на важнейший и ответственнейший участок работы — в стратегическую разведку. Нам было сказано, что в разгар «холодной войны» мы в разведке на войне горячей. С высочайшей ответственностью взялись за освоение нового дела.

Алексей Иванович Лебедев, окончив академию с отличием, был направлен на зарубежную работу. Несмотря на то, что он был еще новичок в стратегической разведке, его назначили военно-воздушным атташе.

Это был тяжелый период. Наши разведорганы испытывали огромные трудности в получении нужной разведывательной информации. В этих условиях Лебедев осуществил настоящий прорыв. Он сумел найти людей, которые вершили чудеса. Такой чудесной находкой для нашей разведки стал суперагент Мюрат, которого удалось завербовать Лебедеву».

Хотелось бы сказать несколько слов и о Шарле Спааке. Он заслуживает того. В то время Шарль Спаак был уже достаточно известным, прогрессивным сценаристом и режиссером. Сын известного бельгийского поэта и драматурга Поля-Анри Спаа-ка, он получил хорошее университетское, юридическое образование. Юриспруденцией занимался мало, увлекался литературным и драматическим творчеством. Он был участником франко-бельгийского Сопротивления. В 1948 году начал свой путь в кинематографе в качестве секретаря режиссера Жана Фай-де. В этом же году написал свой первый сценарий. В последующие годы был сценаристом, режиссером, постановщиком целого ряда известных фильмов. Пользовался большой популярностью в мире кино и литературы. Устраивал приемы и просмотры фильмов. Особую пикантность его тусовкам придавал тот факт, что его брат был Генеральным секретарем НАТО. Литературнохудожественный бомонд любил общаться с офицерским корпусом и, наоборот, — офицеры с представителями бомонда.

Вот такой человек познакомил Алексея Лебедева с Мю-ратом.

Американский генерал вскоре покинул их компанию, а Лебедев продолжил разговор с Мюратом. Военно-воздушный атташе Советского Союза был готов к резкой беседе, словесной пикировке по различным аспектам «холодной войны». Однако этого не случилось. Разговор больше касался прошедшей войны. Вспоминали фронты, боевые эпизоды, случаи взаимопомощи и поддержки, в частности, английских летчиков — на Севере, американских— на Дальнем Востоке и, конечно же, французских из полка «Нормандия — Неман».

Мюрат легко поддерживал беседу, рассказывал о службе, о должности, вольно или невольно намекнул на то, что имеет доступ к секретным документам. Охотно отозвался на предложение встретиться и поговорить в спокойной обстановке более подробно. Все, казалось, складывалось хорошо, но беседа все же не рассеяла сомнений и настороженности Лебедева к Мюрату. Эти сомнения укрепились после того, как обусловленная встреча не состоялась.

И все же знакомство продолжилось. Недели через три они вновь случайно встретились в театре и договорились о встрече, которая состоялась и почти разрушила скептицизм Алексея Ивановича. С первых же слов на политическую тему Мюрат, по сути, раскрылся. Он не скрывал своей неприязни к американцам. По собственной инициативе подчеркнул: США готовят войну против СССР и активно втягивают в эту подготовку страны Европы.

Чтобы подтвердить свои слова, он выразил готовность показать и даже передать на некоторое время документы НАТО, находившиеся в его распоряжении. Лебедев готовился убеждать, подыскивал доводы, как попросить у Мюрата хотя бы устную информацию. И тут вдруг он сам соглашается передать на время документы. Пожалуй, это выглядело подозрительно. Лебедев насторожился, но интуиция не обманула его — он поддержал позицию Мюрата и сказал, что готов получить документальное подтверждение. Однако в глубине души в нем еще жило недоверие к Мюрату. В своем отчете об этой встрече написал: «Он только на первых порах носится со своим национализмом. Потом в нем пробудятся деловые соображения и материальная заинтересованность…»

Последующие редкие встречи (Мюрату приходилось приезжать в Париж из ФРГ) казалось бы, только подтверждали скептицизм и настороженность Лебедева.

Они были непродолжительными и приносили только устную информацию по ВВС США. Казалось, ничто не говорило о перспективной ценности Мюрата. И вдруг через полгода Мюрат

передает для фотокопирования первый совершенно секретный документ штаба ВГК НАТО— «Приказ на проведение учений «Фул Плей». Этот объемный документ (52 листа) раскрывал планы военно-политического руководства США и НАТО по использованию атомного оружия в ходе боевых действий на Центрально-Европейском театре военных действий. В нем были изложены замысел учений, состав сил, распределение задач и зон боевых действий сторон, перечень условных целей, последовательность операций, управление и структура командования.

Документ вызвал неподдельный интерес у руководства ГРУ и был высоко оценен. Центр, как бы прозревший, дал ре-зидентуре ряд указаний, имевших целью закрепление Мюрата в качестве агента, оказание ему внимания и заботы и нацеливание на добывание документов НАТО.

Через пару месяцев Мюрат передал еще три совершенно секретных документа НАТО по действиям в чрезвычайных обстоятельствах. Центр, в свою очередь, провел тщательный анализ состояния работы с Мюратом. Офицерами оперативного управления была подготовлена аналитическая справка, в выводах которой, в частности, указывалось:

«…Мюрат обладает хорошими возможностями для добывания ценной документальной информации. К включению в агентурную сеть он еще не подготовлен. Отношения и связь с ним еще не закреплены и не носят стабильного характера. Пока еще неясен мотив его сотрудничества с нами даже для ведущего оперативного офицера…»

Начальник ГРУ генерал-полковник Шалин согласился с выводами управления, но взял всю переписку по Мюрату под свой личный контроль.

Материальный мотив сотрудничества Мюрата с нами, который, по мнению Лебедева, являлся основным, в ходе первых встреч подтверждения не находил. Лебедев дважды предлагал Мюрату в качестве вознаграждения за переданные документы по 5–6 тысяч долларов, но тот отказывался принять деньги. Нет, он не был бессребреником. Он взял небольшую сумму, компенсирующую его транспортные расходы, связанные с приездом из ФРГ. «НАТО мне командировочных не платит», — пошутил он.

Лебедев изменил свою точку зрения и в одном из отчетов написал следующее: «Мюрат будет нам помогать тем, что у него есть. Он сам рассматривает и просит нас рассматривать эту помощь как проявление симпатий к нашей стране. Я понимаю, что разговор о цифрах стесняет его и он испытывает

определенное неудобство. Нет нужды снова возвращаться к финансовому вопросу».

Казалось бы, все налаживалось. Мюрат согласился даже сам фотографировать документы, а не возить их из ФРГ. Он выбрал распространенный в то время на Западе фотоаппарат «Минокс» и решил освоить документальное фотографирование.

И тут произошли события, виновниками которых были Лебедев и Мюрат.

На одной из встреч Мюрат передал кассету «Минокс» с якобы отснятыми документами из штаба НАТО. В Центре было установлено, что пленки в кассете нет. Расследование показало, что Лебедев не проверил кассету и передал ее Мюрату для фотографирования документов. Центр расценил это как ЧП и серьезную небрежность со стороны оперативного офицера.

После этого отличился Мюрат. Он отснял 8 кассет «Минокс». Все пленки оказались нечитаемы. Эксперты определили, что неправильно было установлено расстояние до объекта съемки. Мюрат был искренне огорчен, но ошибку не признал, а сослался на плохое освещение.

Все это переполнило чашу терпения, и Центр вызвал Лебедева для объяснений в Москву. Здесь Алексей Иванович был заслушан на всех уровнях. Командование отметило его положительную работу с Мюратом, в частности, организацию фотографирования документов и ценность полученной информации. Однако его серьезно предупредили о недопустимости повторения срывов встреч и передачи пустых кассет. При этом были отмечены и некоторые другие недоработки в работе с источником, В частности, отказ Мюрата от безличных форм связи, повышенная спешка и краткость встреч.

Вместе с тем командование отметило, что Мюрат проявляет самостоятельность, трезво оценивает обстановку и действует с учетом объективных условий. В итоге Лебедеву было приказано продолжить работу с Мюратом, но вести ее максимально осмотрительно, чтобы не поставить под удар контрразведки ни себя, ни источник. Одновременно Алексею Ивановичу было рекомендовано готовить Мюрата к работе с другим оперативным офицером, действующим под прикрытием советских гражданских учреждений, а не аппарата ВАТ.

Центр наметил еще три ключевых вопроса на этом этапе работы с Мюратом.

Во-первых, учитывая его отрицательное отношение к оплате работы, открыть в резидентуре персональный счет на имя Мюрата на случай непредвиденных обстоятельств.

Во-вторых, организовать и провести встречу агента с

представителем Центра.

И наконец, изучить и обсудить с источником его возможности, а также готовность информировать нас о планах подготовки вооруженных сил НАТО к внезапному нападению на СССР.

После возвращения в Париж на первой же встрече с Мюратом Лебедев обсудил эти вопросы. В целом реакция Мюрата была положительной, но, как всегда, не однозначной. Он сказал, что готов работать с другим советским представителем при условии, что это будет надежный для него и преданный СССР человек. При этом добавил: «Я работаю не на Лебедева или кого-то другого. Я помогаю Вооруженным силам Советского Союза». По поводу встречи с представителем Центра Мюрат ответил, что готов встретиться, хотя и не видит в этом особой необходимости. Он поблагодарил за открытие персонального денежного счета, но просил передать командованию: его позиция остается прежней. Его задача добывать документальную информацию, а как ее оценивать, это дело Москвы. По поводу возможности внезапного нападения вооруженных сил НАТО на СССР Мюрат сказал, что это серьезная проблема и над ее решением необходимо серьезно поработать.

Встреча Мюрата с представителем Центра была организована и проведена уже через три месяца после возвращения Лебедева из поездки в Москву. Из предложенных двух городов — Брюсселя и Парижа — Мюрат в интересах безопасности остановился на Париже. Кандидатуру для проведения инструктивной встречи с Мюратом подбирали вдумчиво. В итоге, выполнение этой задачи было поручено заместителю начальника европейского управления генералу Мелкишеву. Это был опытный, толковый разведчик с большим стажем зарубежной работы еще в годы войны. Он отлично владел английским языком.

Перед отъездом Мелкишев проанализировал все имевшиеся в Центре документы по работе с Мюратом с момента установления с ним знакомства. В его рабочих записях было более 50 вопросов служебного и личного характера, которые он хотел задать Мюрату. Сама постановка таких вопросов могла бы не только оживить беседу, сделать ее более открытой и доверительной и показала бы Мюрату, что высшее командование Вооруженных сил Советского Союза о нем знает и его работу высоко ценит.

Встреча состоялась ночью в загородном доме. Представитель Центра и агент вели себя просто и непринужденно. Беседовали на английском языке, который оба знали свободно, что практически исключало участие посредника — оперативного офицера Лебедева и располагало Мюрата к большей откровенности.

Разговор шел достаточно интенсивно, так как служебные обстоятельства диктовали время пребывания Мюрата в Париже. В его распоряжении было «окно» с 22 часов вечера до 7 утра.

Мюрат был откровенен. Он поблагодарил Мелкишева за высокую оценку его труда и сказал, что сделает все возможное, чтобы добыть документы, с перечнем которых его ознакомили. Вместе с тем подчеркнул, что нельзя требовать и ожидать от него того, что он не в силах выполнить.

За дружеским ужином Мюрат рассказал обо всех нюансах, связанных с добыванием документов. И тут впервые выяснилась любопытнейшая деталь. Оказалось, что к большинству секретных материалов, которые Мюрат передавал нам, он не имел официального доступа. По своему служебному положению у него не было необходимости, да и права знакомиться с документами. Вот так сюрприз! Разведчики замерли от удивления. Этого не знал никто: ни Лебедев, ни резидент, ни тем более представитель Центра. Вновь открывшиеся обстоятельства ставили иные задачи по обеспечению безопасности агента. Но Мюрат тут же постарался успокоить собеседников: мол, ничего страшного, что он не имеет доступа к этим документам. Получаю их для ознакомления на дружеских основаниях. Нахожу солидную причину или, попросту говоря, — легенду. Он сообщил также, что фотографировать документы в служебных условиях сложно и опасно. Да и освещение оставляет желать лучшего. В общем, Мюрат нарисовал далеко не радостную картину получения, фотографирования и доставки документов из штаба НАТО в ФРГ во Францию.

Представитель Центра, откровенно говоря, был шокирован методами работы агента, когда узнал, что отснятые пленки он частенько хранит в своем рабочем сейфе, а перевозит в портфеле или просто в кармане. Мелкишев предложил использовать тайники для хранения, транспортировки и передачи материалов. Мюрату тут же был показан тайник для пленок в обувной щетке.

Теперь настало время удивляться Мюрату. Он сказал, что старшие офицеры НАТО не таскают с собой обувные щетки. Агент отказался от использования тайников на местности. Не взял он и громоздкий фотоаппарат «Экзакта». Относительно использования тайнописи Мюрат обещал подумать, но особого восторга это предложение у него не вызвало.

Мелкишев не стал спорить и убеждать, а оставил эту проблему на будущее. Он только попросил Мюрата быть осторожным и предусмотрительным. Касаясь своих личных и служебных проблем, Мюрат сказал, что постарается разобраться в них лично, но учтет рекомендации разведчиков.

Цели встречи были достигнуты. Центр понял, с кем имеет дело. Вот такой он, их ценный агент, со всеми достоинствами и недостатками. В свою очередь, честолюбие Мюрата было удовлетворено. Он убедился, что командование советской военной разведки в Москве знает о его работе и высоко ее ценит.

ПРИЗНАНИЕ СУПЕРАГЕНТА МАРШАЛУ ГРЕЧКО

После отъезда генерала Мелкишева из Москвы пришло указание: «..Мюрата передать на связь другому оперативному офицеру…». Резидент предложил на выбор пять кандидатур, но все они были отклонены Центром. Наконец остановились на полковнике Игоре Ананьине, который работал под крышей торгпредства. Опытный разведчик, фронтовик, работал за границей, в Скандинавии. Правда, Ананьин не был летчиком. Во время войны он служил авиационным техником. Словом, летное дело для него было не чуждо. Однако его прошлая, фронтовая профессия сыграла с разведчиком злую шутку. Дело в том, что авиационные техники, как известно, всегда находятся в подчинении у пилотов. Возможно, это в определенной мере сказалось и на будущих отношениях Ананьина с Мюратом.

В указаниях Центра не предусматривалось каких-либо мероприятий по добыванию материалов или агентурной связи. Основной задачей Ананьина на первом этапе являлось установление личных дружеских, доверительных отношений. Москва акцентировала внимание оперативного офицера на том, что Мюрат не считает себя платным источником информации. Следовало всячески поддерживать и укреплять у агента чувство симпатии к Советскому Союзу. Ну и, конечно, Ананьин должен был постоянно проявлять заботу о безопасности Мюрата.

Первая встреча Ананьина с Мюратом состоялась в июне 1960 года. Они обменялись паролем, отзывом и далее пошли вместе как два приятеля. Вся беседа проходила по-деловому, в движении.

Правда, началась она с неожиданно резкого заявления Мюрата: «Я человек занятой и хотел, чтобы на встречи со мной не опаздывали». Ананьин посмотрел на часы, которые заранее проверил, убедился, что он вышел на связь точно в назначенное время и… промолчал. Не сделал он замечание агенту за то, что тот вышел на встречу по явке без опознавательных признаков. В этом была его ошибка. Таким образом, Ананьин дал возможность агенту доминировать в их будущих отношениях, что позже было верно подмечено Центром.

Попытка Ананьина обсудить возможность использования тайников и привлечения к работе связника удалась только наполовину. Мюрат вновь категорически отказался от использования тайников в агентурной связи. Он заявил, что его вполне устраивают личные встречи и передача материалов из рук

в руки. Что касается связника, то Мюрат сказал, что он принципиально не против, но следует учитывать объективные условия его службы в небольшом немецком городке, где большинство офицеров знают друг друга. Приезды к нему некоего нового мужчины неестественны, вызовут вопросы, пересуды и необходимость объясняться. В качестве связника надо использовать женщину. Желательно, чтобы она была немкой, бельгийкой или француженкой. И обязательно симпатичной, добавил он с улыбкой. Среди его друзей и знакомых такой кандидатуры нет, и он надеется на нас.

Позже связником действительно стала женщина. И, как показало время, выбор военной разведки оказался весьма удачным. Высокая результативность работы Мюрата в последующие годы была в значительной степени связана именно с ней.

В информационном плане Мюрат был более «любезным». Он передал девять фотопленок с переснятыми документами НАТО. Подчеркнул: переданные материалы весьма важные, но комментировать он их не будет. В Москве специалисты разберутся и определят их ценность. Заметил при этом, что ему рискованно добывать такие совершенно секретные документы, так как у него нет соответствующего допуска.

Далее Мюрат рассказал о том, как в высших военных кругах США и ФРГ отреагировали на провал шпионского полета Гарри Пауэрса и его арест в СССР. Он снова подчеркнул, что помогает нам по идейным соображениям, ибо «американцы просто озверели». Они планируют нанесение ядерных ударов по объектам на территории Советского Союза без всякого учета возможного огромного поражения мирного населения.

Из полученных материалов два документа под грифом «Космик. Совершенно секретно» были особо важными. Это «План Верховного Главнокомандующего ВС НАТО в Европе № 110/59 от 1.01.1960 г. по нанесению ядерных ударов» и «Чрезвычайный план обороны оперативно-тактического командования на Центрально-Европейском театре военных действий».

План Верховного Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами НАТО состоял из директивной части и более десятка приложений. В директивном разделе давалась краткая оценка характера будущей войны, рассматривались общие положения плана, определялись задачи и ставились задачи по организации взаимодействия. В приложениях рассматривались силы и средства ядерного нападения, их распределение на театре военных действий, приводились характеристики целей и определялся общий порядок очередности их поражения.

В общем, в этих двух документах излагались важнейшие сведения военно-политического характера. Ведь это теперь мировой общественности известны планы ядерной войны «Дропшот», «Фул Плей», № 110/59 и другие разработанные Пентагоном и НАТО. Но тогда, всего через полтора десятка лет, после окончания Второй мировой войны никто в Советском Союзе не мог себе представить, что в США произведут на свет документ о ядерном уничтожении нашей страны — своего недавнего союзника по антигитлеровской коалиции.

Полковник в отставке Иван Лазарев вспоминает, какой переполох в ГРУ и в Генеральном штабе вызвал тот самый План № 110/59 то 1.01.60 г.

«Я лично ездил на аэродром и забирал у пилотов, что называется из рук в руки, пакет с фотопленками, переданными из Парижа. Пленки проявили, вместе с информаторами посмотрели, написали короткую аннотацию. Срочно доложили начальнику ГРУ генералу Ивану Серову: Тот схватил аннотацию и побежал к министру обороны. Вернулся и приказал сделать развернутый доклад. Все поняли, министр будет докладывать на Президиуме ЦК партии.

Информаторы ГРУ работали день и ночь и сделали развернутый доклад. Никита Хрущев был поражен вероломством своих бывших союзников».

Труд Мюрата, его мужество и героизм, большой вклад в укрепление обороноспособности СССР были высоко оценены руководством страны. В 1962 году Мюрата наградили орденом Ленина, высшей наградой нашего государства. Однако об этом рассказ еще впереди, а тогда, по свидетельству современников, натовский план доложили Никите Хрущеву, руководитель Советского Союза был в шоке. По существу он держал в руках похоронную на свое Отечество. Сегодня нет-нет да и услышишь рассуждения либерал-демагогов, что, мол, Хрущев слишком неадекватно реагировал на некоторые выпады американцев. Вот и довел страну до Карибского кризиса, поставил мир на грань ядерной катастрофы.

А мне почему-то видится иной Никита Хрущев, не забывший июнь 1941-го, миллионы пленных, горящий Киев, умирающий блокадный Ленинград, фашистские танки у стен Москвы. О чем он думал, читая план ядерного уничтожения своей собственной страны, что чувствовал? Ведь он, как никто другой, знал: ответить нам нечем. Что вообще может чувствовать нормальный человек в такие минуты?

И после этого нам смеют заявлять, что именно мы подвели мир к ядерной пропасти. Документ, который доложили Пред-

совмина Никите Хрущеву, несомненно, является выдающимся достижением советской военной разведки. Путь его из тайного, секретного сейфа штаба НАТО до кремлевского кабинета тяжек и страшен. А поэтому пора рассказать об этих невидимых миру слезах. Ибо, как сдается мне, это и есть суть разведки.

Центр очень высоко оценил переданные документы, как их содержательную сторону, так и упреждающую быстроту добывания. Получилось так, что задание на получение плана ядерных ударов НАТО только было поставлено, а Мюрат сам инициативно передал документ. Центр просил поблагодарить Мюрата от имени высшего военного командования и заверил, что берет на себя полностью всю заботу о нем и его семье, если когда-либо в этом возникнет необходимость.

К сожалению, этот первый успех не был развит. Разведывательный тандем Мюрат — Ананьин работал в рваном ритме: от успеха к тревожной настороженности и даже срыву встреч в течение нескольких месяцев. Так, в 1960 году в течение полу-года, по независящим от Мюрата и Ананьина причинам, между ними не было контактов. А после возобновления связи уже на второй встрече Мюрат сообщил крайне неприятную новость о том, что в американском штабе пропал аналогичный план ядерных ударов, правда, издания предшествующего года. Пропажа взбудоражила американское командование. Было возбуждено расследование. Мюрат принял меры предосторожности у себя на работе и дома. Не вышел он и на очередную встречу с Ананьиным. В связи со сложностью и неясностью обстановки Центр принял решение законсервировать на время личные встречи агента и оперативного офицера. Однако сообщить Мюрату об этом решении Центра у резидентуры возможности не было, а он несколько раз выходил на постоянно действующую явку и нервничал. Лишь через три с лишним месяца контакты возобновились. Мюрат сообщил, что обстановка в штабе разрядилась. Американцы согласились с версией случайного уничтожения документа.

На встрече был проведен обстоятельный обмен мнениями о том, как заблаговременно оповестить резидентуру в случае нападения вооруженных сил НАТО на СССР. Мюрат серьезно отнесся к этой проблеме, согласился с ее актуальностью и, обещал подумать над ее выполнением.

Затем из-за служебной занятости Мюрата вновь наступил двухмесячный перерыв в оперативной связи. Она была восстановлена лишь в декабре.

Мюрат прибыл на встречу в хорошем настроении. Он передал пленки с десятью отснятыми документами НАТО, охотно

проинструктировал Ананьина о различных степенях боеготовности и тревог Североатлантического альянса, которые к тому времени уже были детально расписаны и отрабатывались в ходе учений.

Мюрат в силу своего моторного, энергичного характера, высокого профессионализма во многом работал на опережение. На этот раз он предложил проверить реакцию НАТО на активные демонстративные действия Военно-воздушных сил Варшавского договора в зоне Центрально-Европейского театра военных действий. Он обещал проследить за реакцией командования НАТО, а также уровнем боеготовности ВВС и ПВО блока и просил эту идею довести до высшего руководства Вооруженных сил СССР. Вскоре предложение Мюрата оказалось на столе министра обороны Маршала Советского Союза Андрея Гречко.

Вот что докладывал министру обороны по этому поводу в ноябре 1960 года начальник ГРУ генерал армии Иван Серов.

«Сов. секретно.

Экз. № 1.

Маршалу Советского Союза Товарищу Гречко А. А.

Докладываю:

На последней встрече с нашим ценным агентом, передавшим нам ряд совершенно секретных и секретных документов по мобилизационным и оперативно-тактическим вопросам НАТО, ему была поставлена задача заблаговременно известить нас о подготовке военного нападения на СССР вооруженных сил НАТО. Этот агент по своему служебному положению имеет такую возможность.

При обсуждении с агентом способов оповещения он высказал некоторые свои соображения, заслуживающие, на наш взгляд, внимания:

1. Осенние учения вооруженных сил НАТО текущего года показали, что в войсках до сих пор существует много неразберихи и неорганизованности, а имеющиеся наставления и инструкции войскам НАТО не всегда выполняются на практике.

2. Войска НАТО много делают для того, чтобы приучить советские вооруженные силы к частым маневрам, а также полетам авиации НАТО вдоль границ Советского Союза и соседних с ним стран. Руководство войск НАТО рассчитывает, что при помощи частых маневров бдительность советских вооруженных сил ослабнет.

3. На основании наблюдения агент считает, что советские вооруженные силы значительно меньше беспокоят войска НАТО.

4. Агент высказал соображения о том, что для проверки боеготовности ВВС НАТО было бы желательно наметить и

провести маневры авиации, базирующейся в пределах ГДР, заранее сообщив ему время и характер действий ВВС и войск НАТО, и дать нам оценку их действий.

Агент просил довести эту мысль до нашего командования и дать ему соответствующие указания.

Генерал армии И. Серов

28 ноября 1960 года».

Что ж, мысль действительно интересная. И министр наложил свою резолюцию на доклад Серова: «Иметь в виду. Предупредить ГСВГ. Что касается учения ВВС в ГСВГ — доложить мне. А. Гречко. 1.12.60 г.».

Таким образом, было принято решение провести стратегические учения в середине 1961 года. Эту информацию сообщили Мюрату. Он гордился оказанным доверием.

Это были месяцы, когда Мюрат работал с воодушевлением и подъемом. Он стал наконец «полковником» и ждал назначения на вышестоящую должность — заместителем командующего оперативно-тактическим объединением НАТО.

В начале 1961 года Мюрат побывал в нескольких натовских штабах — в Западном Берлине, в Фонтенбло, под Парижем, и приехал оттуда крайне расстроенный.

На встрече с Ананьиным он с горечью говорил, что натовская разведка ведется против СССР агрессивно и практически безнаказанно. В ответ на это Мюрат работал все более результативно. Ему удалось добыть также «План ядерной войны» для Южно-Европейского театра военных действий.

В начале февраля 1961 года была проведена еще одна непродолжительная встреча с Мюратом. Агент признался, что очень занят и торопится. Затем связь неожиданно оборвалась.

Источник не вышел ни на одну встречу, и только в апреле совместными усилиями Ананьина и Лебедева удалось выяснить, что Мюрат попал в авиационную катастрофу, но, к счастью, остался жив. Он получил достаточно серьезные травмы и был госпитализирован. У Мюрата оказался перелом позвоночника и паралич ноги. В клинику его доставили без сознания.

Перед резидентурой встал вопрос: как помочь попавшему в беду агенту? Проанализировав ситуацию, разведчики пришли к выводу, что с учетом складывавшейся агентурно-оперативной обстановки инициативу пока проявлять не следует.

Срочно известили Центр: источник травмирован и задание выполнить не в силах. Намеченное стратегическое учение пришлось отменить. За его результатами в штабе НАТО следить было некому. Другого источника, судя по всему, Главное разведуправление там не имело.

Только к середине 1961 года Мюрат стал ходить без костылей. Вскоре его выписали из госпиталя.

В июле он прибыл в Париж на встречу. Подтвердил свою готовность к дальнейшему сотрудничеству, но попросил таймаут до полного выздоровления. За предложенную материальную помощь поблагодарил.

Только в ноябре Мюрат вызвал на встречу Ананьина. Он успокоил своего руководителя: в бреду он ни словом не упомянул Советский Союз или кого-либо из резидентуры и подтвердил, что никаких компрометирующих документов у него в тот момент не было. Мюрат также сообщил, что у его постели неотступно находились жена и сестра.

Однако на должность заместителя командующего теперь он не мог рассчитывать. Его руководство приняло решение назначить Мюрата на более спокойную работу с меньшей нагрузкой — начальником отдела в Центр оперативного командования НАТО.

Вскоре Мюрат был назначен на новую должность. Она действительно оказалась более спокойной, а возможности доступа к документам остались прежними. Правда, обстановка для работы с документами значительно осложнилась. Возможность оставить секретный документ у себя на ночь или на несколько дней исключалась. По установленному порядку все секретные документы возвращались в секретную часть до конца рабочего дня. В связи с этим офицеры штаба практически не имели личных сейфов. Не видя возможностей для фотографирования, Мюрат, вопреки своему принципу— ничего не записывать, решил все же сделать кое-какие заметки, работая с особо важными документами.

В декабре 1961 года Мюрат все же рискнул. В обеденное время он вынес из штаба и перефотографировал дома четыре секретных натовских документа: «Чрезвычайный план обороны вооруженных сил НАТО на Центрально-Европейском ТВД», «Оперативный план учений НАТО «Красный рубин», «Оперативный план использования сил и средств ПВО НАТО».

Отдельно следует сказать о «Справочнике НАТО по советским ВВС». В нем приводились разведданные по самолетному парку, вооружению, РЛС, средствам связи. Что ж, всегда любопытно и полезно знать, что о тебе знает противник.

Все эти документы Москва определила в разряд «весьма ценных». Одновременно Мюрат сделал очень важные выписки от руки. Такие заметки он делал дважды и в феврале 1962 года передал их Ананьину, обратив внимание на важность информации. В этот же период Мюрат передал более десятка

ценных документов НАТО по берлинской проблеме, которые были доложены в Кремле.

К сожалению, Ананьин не смог квалифицированно обработать рукописную информацию Мюрата. В своем отчете о встрече он писал следующее: «Информация имеет вид безалаберно сделанных заметок без достаточно точного наименования, характера данных и без пояснений. Они имеют вид пометок, понятных только автору. Видимо, Мюрат делает это из предосторожности». И как результат информация ушла в Москву в искаженном виде. Центр позднее разобрался в оригиналах записей.

Эта письменная информация давала четкое и точное представление о ядерных силах двух оперативно-тактических командований на Северо-Европейском и Центрально-Европейском театрах военных действий. В ней указывался рубеж, на глубину которого будут наноситься ядерные удары вдоль линии от Мурманска через Ленинград, Прибалтику, Минск, Гродно, Оршу, Киев и далее на юг. Приводились конкретные цели четырех степеней важности, время готовности к нанесению ударов, количество и тип носителей ядерного оружия. Как раз в этом последнем разделе, а именно сколько и каких носителей находилось в 15-минутной и 3-часовой готовности, и не разобрался Ананьин.

Информация Мюрата была признана Москвой как особо важная.

В то же время Центр указал, что «считает недопустимым отношение Астрова к письменной информации агента. Он не сумел правильно обработать данные об ядерных ударах, а также не получил устные разъяснения Мюрата на следующей встрече. Это указывает на формальное отношение Астрова к работе. Если подобное повторится, Центр заменит его».

БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС

10 ноября 1958 года Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Никита Хрущев принимал польскую делегацию во главе с Владиславом Гомулкой.

«Очевидно> для участников Потсдамского соглашения настало время, — говорил Хрущев, — нормализовать ситуацию в столице Германской Демократической Республики. Советский Союз, со своей стороны, готов передать правительству в Берлине те функции, которые сейчас исполняются советскими учреждениями… Если Соединенные Штаты, Франция и Англия заинтересованы в вопросах, касающихся Берлина… они должны достигнуть соглашения (с ГДР). Что касается Советского Союза, мы чтим наши обязательства по отношению к нашему союзнику — ГДР…»

Иными словами, Никита Хрущев предупреждал Запад: если он не признает ГДР, то Советский Союз передаст руководству Восточной Германии свои полномочия по доступу к Западному Берлину.

Через две с небольшим недели, 27 ноября, на пресс-конференции в Кремле советский руководитель высказал требование сделать Западный Берлин свободным демилитаризованным городом. В случае невыполнения этого требования в течение полугода Хрущев намеревался передать свои полномочия в Восточном Берлине руководству ГДР. Эти заявления вошли в историю как «ультиматум Хрущева».

США ответили, что не согласны на односторонний отказ от своих прав и обязанностей в Берлине со стороны СССР.

Таким образом, «ультиматум Хрущева» положил начало долгому противостоянию двух ядерных сверхдержав.

Однако, что же толкнуло советского лидера к такому столь радикальному шагу? Несомненно, Никита Сергеевич был человеком импульсивным, как сказали бы теперь, «заводным», но вопросы столь глобального порядка он никогда не решал «с кондачка». В разговоре с американским сенатором Губертом Хэмфри Хрущев признался, что над проблемой Берлина раздумывал несколько месяцев.

О чем были эти раздумья? Об этом, разумеется, можно только догадываться, и тем не менее попытаемся поставить себя на место Хрущева.

Со времени смерти Сталина прошло уже пять лет. Срок, откровенно говоря, не малый. Хрущев старался наладить отношения с Западом. Он значительно сократил Вооруженные

силы СССР, отказался от сталинской концепции неизбежности новой войны, вывел советские войска из Австрии, открыл страну для западной культуры. И что бы ни говорили о нем, Хрущев старался не нагнетать напряженность, а двигался по пути разрядки.

Разумеется, он ожидал от Запада ответных шагов. А что получил? На этот вопрос очень красноречиво отвечает посол США в Советском Союзе Льюэллин Томпсон.

В телеграмме от 9 марта 1959 года, отправленной в Вашингтон, американский дипломатический представитель пишет: «Мы отвергаем его (Хрущева) мирные предложения или обставляем свое согласие такими условиями, на которые он как коммунист пойти не может. Мы вооружаем Германию и усиливаем военные базы, окружающие территорию СССР.

Он предлагал сохранить в Европе статус-кво — это предложение мы тоже отклонили. Теперь он намерен решить проблему сам, не дожидаясь нашего согласия».

Текст телеграммы Томпсона приводит в своей книге «Хрущев», вышедшей в серии «ЖЗЛ», американский историк Уильям Таубман.

Думается, посол США очень точно определил мотивы «ультиматума Хрущева». Но от этого, признаться, никому не стало легче. Москва продолжала гнуть свою линию, Вашингтон — свою.

В июле убит прозападно настроенный король Ирака Фей-сал II. США и Великобритания ввели свои войска в Ливан и Иорданию. Это, естественно, не понравилось Советскому Союзу. Хрущев заявил, что может применить силу для защиты иракской революции.

Осенью 1958 года разгорелся Тайваньский кризис. Он углубил напряженность между Востоком и Западом.

И, наконец, 31 декабря 1958 года союзники официально отвергли советскую позицию по Берлину.

Развернулась настоящая «холодная война» Запада и Востока вокруг Берлина. В ход были пущены пропагандистские машины — Хрущев назвал Западный Берлин «шпионским болотом». Запад ответил, что Восточный Берлин — самый большой шпионский центр в Европе. Старт этой кампании дала статья с таким заголовком в западногерманской «BezlinezZeitunq».

Самое активное участие в этой схватке, разумеется, принимали разведслужбы как с той, так и с другой стороны.

У американцев были свои агенты — подполковник Петр Попов из разведуправления Группы советских войск в Германии, правда, арестованный в Москве в октябре 1959 года, а также

перебежавший к ним в 1961 году подполковник Михаил Голеневский из польской контрразведки. Хотя следует уточнить, что Голеневский занимал должность заместителя начальника военной контрразведки до января 1958 года.

Мюрат, как мы уже говорили, начал работать на ГРУ в 1958 году и был зачислен в агентурную сеть в следующем, 1959-м. Поэтому весь Берлинский кризис проходил на его глазах. Разумеется, Мюрат получал задания работать по берлин-ской проблеме, тем более что до середины 1963 года он проходил службу на территории Западной Германии.

Данные разведслужб как США, так и Советского Союза накануне парижского саммита четырех держав по Берлину, который должен был пройти в мае 1960 года, оказались весьма схожими.

Будущий Председатель КГБ Юрий Андропов представил в августе 1958 года в ЦК КПСС записку, в которой говорил, что процент интеллигенции в потоке беженцев из Восточной Германии увеличился наполовину с 1957 года.

Через год с небольшим Андропов повторил свое предостережение.

Посол СССР Михаил Первухин сообщал в Москву, что «неконтролируемая граница… заставляет население сравнивать две части города, и это сравнение, к сожалению, не всегда в пользу демократического (Восточного) Берлина».

В свою очередь, шеф Берлинской базы ЦРУ Дэвид Мерфи в своем докладе от 2 мая 1960 года подчеркивал, что «самым вероятным результатом (мирного договора) будет создание «международной границы» между Восточным и Западным Берлином. Тогда режим СЕПГ получит «законное» право исключить бесконтрольное перемещение из одного сектора в другой, а это значит, что не только резко сократится поток беженцев, но и тысячи восточных берлинцев не смогут поддаться «деморализующему» влиянию Западного Берлина».

Эти факты в книге «После битвы — Берлин» приводят Дж. Бейли, Д. Мерфи и С. Кондрашев.

Как известно, после того, как самолет-шпион У-2, пилотируемый Пауэрсом, был сбит над Свердловском, Хрущев сорвал саммит в Париже. Анастас Микоян, соратник Никиты Сергеевича, считал, что Хрущев устроил непозволительную истерику. Он отодвинул разрядку лет на пятнадцать.

Таким образом, начался новый виток напряженности между СССР и США, очередной опасный этап в Берлинском кризисе.

А тем временем власти ГДР были в отчаянии из-за плохого экономического состояния страны. Хрущев понимал, надо во что

бы то ни стало остановить поток беженцев на Запад и прекратить акты экономической диверсии. Ведь, к примеру, только в пасхальные дни 1961 года из Восточного Берлина бежало более 5 тысяч человек.

Венский саммит в июне 1961 года, как известно, закончился знаменитой фразой Д. Кеннеди: «Зима предстоит холодная».

В августе того же года в Париже министры иностранных дел западных держав собрались на конференцию. От каждой стороны в работе конференции участие принимал министр иностранных дел и три советника по военным, политическим и экономическим вопросам.

Делегацию США возглавлял государственный секретарь Раск, Великобритании — глава внешнеполитического ведомства Хьюм, Франции — министр Кув-де-Мюрвиль. ФРГ представлял министр иностранных дел фон Брентано и еще трое высокопоставленных чиновников.

Вскоре на стол министра обороны СССР Маршала Советского Союза Родиона Малиновского легла докладная записка, заверенная подписью генерал-лейтенанта ГРУ А. Рогова.

«Докладываю агентурные данные, — сообщал А. Рогов, — о работе конференции, состоявшейся в Париже в период с 5 по 7 августа 1961 года.

В беседе, состоявшейся между Раском, Хьюмом и Кув-де-Мюрвилем, было достигнуто согласие, что в ходе конференции основной темой переговоров должны стать Берлин и германская проблема».

Так и случилось. Обсуждали в основном берлинскую проблему. Главным «закоперщиком» на конференции был, разумеется, госсекретарь США Раск. Он заявлял, что «при известных обстоятельствах, когда Запад достаточно убедительно покажет свою готовность защищать Берлин военными средствами, можно будет попытаться решить эту проблему дипломатическим путем…

Разработанные экспертами в этом отношении предложения исходят главным образом из предпосылок, что при любых обстоятельствах должны быть пущены в ход военные средства».

Далее, как сообщает советская разведка, Раск заявил: «У Запада еще нет необходимых военных предпосылок, которые позволяли бы отказаться от применения атомного оружия».

Что ж, во всяком случае, вполне откровенно и ясно.

«Детали военной готовности, — сообщается в докладной ГРУ, — на случай возникновения военной опасности должны быть немедленно разработаны в НАТО и в Вашингтонской комиссии по Германии и представлены в НАТО. Было признано необходимым

провести экономические мероприятия с тем, чтобы в кратчайший срок; если в этом возникнет необходимость, установить торговую блокаду Советского Союза со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Остальные участники конференции выразили всеобщее согласие с высказываниями Раска относительно усиления военной мощи».

И тут уже говорили о дивизиях, которые надо доукомплектовать личным составом, и о том, что «США во время визита Штрауса продали ФРГ определенное количество ракет «Першинг», производимых сверх собственных потребностей», и о том, что Раск «будет вести переговоры с де Голлем об использовании французских аэродромов американскими военно-воздушными силами».

Заканчивается документ весьма примечательными словами: «Раск очень резко высказался в отношении того обстоятельства, что мобильные атомные силы НАТО до сих пор не созданы».

Министр обороны Родион Малиновский, прочитав эту записку, наложил резолюцию: «Послать тов. Хрущеву Н.С.».

Внизу докладной пометка: «Тов. Хрущеву доложено».

Что тут сказать, любопытный документ, не правда ли? Читаешь, размышляешь и все больше понимаешь Хрущева.

А события тем временем развивались следующим образом.

7 августа Вальтер Ульбрихт проинформировал коллег на заседании Политбюро СЕПГ о решении Хрущева закрыть границу в ночь с 12 на 13 августа.

Операция по перекрытию границы началась поздним вечером 12 августа. После полуночи прекратилось движение транспорта между секторами города. Было установлено заграждение. Берлин разделили на две части. Как выяснилось потом, ни одна разведка, работавшая в Берлине, не знала ничего о готовящейся тайной операции.

Тысячи западных берлинцев вышли на улицы. Бездействие союзников они восприняли как предательство.

Кеннеди приказал увеличить контингент американских войск в Берлине и направил туда вице-президента Линдена Джонсона и генерала Клея.

Соединенные Штаты готовились к войне. Масло в огонь берлинского конфликта подлил и шпион Олег Пеньковский. 16 сентября от него пришла весьма тревожная информация, которая ускорила военное наращивание американцев. Он сообщал, что советские войска будут приведены в состояние высокой боевой готовности и проведут большие учения, которые начнутся в октябре и закончатся только 1 ноября.

А что же наш агент Мюрат? Все эти годы он добывал ценную информацию, связанную с Берлинским кризисом. Так, в списке материалов, переданных агентом, говорится о так называемых секретных планах, балансирования на грани войны — «Альфа-1», «Альфа-2», «Браво-1», «Чарли-1».

План «Альфа-1», к примеру, в случае инцидентов в воздушных коридорах Берлина предусматривал ряд мероприятий: объявление усиленной тревоги, охрану и сопровождение транспортных самолетов истребителями и даже боевые действия авиации НАТО. Самое опасное было в том, что план «Альфа-1» вполне допускал возможность провокации, а затем и развязывание боевых действий. Словом, не существовало разницы между инцидентом реальным и спровоцированным.

От Мюрата поступила и еще одна своевременная информация, скорее всего политического плана, нежели военного. Но сколь она была нужна и важна, читатель поймет сам после моего рассказа.

На одной из встреч Мюрат сообщил своему связнику полковнику Игорю Ананьину о том, что американцы решили громко «бряцнуть оружием» — провести в Западном Берлине парад, в котором планировалось участие до 1,5 тысячи американских военнослужащих. Разумеется, подобные парады не были предусмотрены международными соглашениями.

Мюрат доложил дату планируемой акции. Сведения о планах американцев были сообщены в Москву, руководству страны. Хрущев принял весьма «мудрое решение». Дабы не обострять и без того сложные отношения с американцами, он приказал передвижению войск США не препятствовать, но предпринять такие контрмеры, чтобы сорвать проведение парада.

Что тут скажешь? Легко выдать столь «мудрое решение», да трудно его исполнить. Тем не менее, указание Хрущева было выполнено. И к этому прямое отношение имела военная разведка. Под руководством офицера ГРУ И. Читалина на контрольно-пропускном пункте, через который проходили военнослужащие армии США, была организована строгая проверка документов в соответствии с согласованной процедурой.

В результате столь тщательной проверки передвижение спешивших на парад солдат и офицеров Соединенных Штатов оказалось сильно замедлено, и к намеченному времени они опоздали. Ночью проводить парад было уже не с руки.

Так Мюрат и советская военная разведка сорвали попытку демонстрации силы и твердости США.

Большую помощь оказал нам Мюрат, когда предупредил командование советских Вооруженных сил о том, что войска США

готовятся снести пограничные ограждения одного из контрольно-пропускных пунктов в Берлине. Эти события вошли в историю как «танковое противостояние» на Фридрих-штрассе. Действительно, все, что произошло 26–27 октября 1961 года, стало одним из самых драматичных моментов эпохи «холодной войны».

Чтобы быть предельно точным, приведу документы. 27 октября 1961 года министр обороны СССР Маршал Советского Союза Родион Малиновский и начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Захаров направили в ЦК КПСС доклад. Вот что они сообщали.

«1. Обстановка в Германской Демократической Республике и в Восточном Берлине в течение 26 октября и в ночь на 27 октября без изменений.

2. Войска западноберлинских оккупационных гарнизонов и западноберлинская полиция продолжали свою разведывательную деятельность и патрульную службу вдоль секторальной границы и обвода Западного Берлина. Наблюдение за границей велось наземными постами и с вертолетов.

3. В 16.15 26.10 американский вертолет, нарушив секторальную границу, углубился на территорию демократического сектора Берлина до района Карлхорст.

В 17.00 26.10 на КПП Фридрихштрассе были выведены 12 американских танков и 7 «джипов» с военнослужащими. В двадцати метрах от КПП с западной стороны было установлено 10 кинокамер.

В 18.20 все танки и автомашины, за исключением двух «джипов», были отведены в глубь Западного Берлина.

В 17.50 26.10 американская автомашина с двумя гражданскими лицами и в сопровождении трех «джипов» с вооруженными военнослужащими прошла через КПП Фридрихштрассе на территорию Демократического Берлина на 200 м и возвратилась обратно.

В 13.00 26.10 в районе советского памятника Тиргартен патрулировало два бронетранспортера, два безоткатных орудия и четыре грузовые автомашины с солдатами английских войск.

В связи с участившимися случаями провокационных выходов американских танков на КПП Фридрихштрассе, Главнокомандующий ГСВГ дал приказ один танковый батальон 68-го танкового полка 6-й гвардейской мотострелковой дивизии (30 танков) подтянуть ближе к этому району и расположить его на прилегающей улице. Использование батальона только по личному указанию Главнокомандующего Группой.

Положение войск ГСВГ без изменений».

Вот такой доклад. На следующий день 28 октября тот же

Малиновский и Захаров сообщают в ЦК КПСС, что «западногерманские войска и полиция ведут разведку. В 17.55 27.11 американский гарнизон в Берлине поднят по тревоге.

Американцы продолжают провокации в районе КПП Фридрихштрассе.

В 16.25 27.10 к КПП Фридрихштрассе подошло три «джипа» и одна грузовая машина с 30 солдатами. Вслед за ними подошли 14 американских танков и остановились перед КПП. Затем три «джипа» с экипажами по четыре человека на каждом и пять солдат в пешем строю без предъявления документов провели легковую автомашину с гражданскими лицами через КПП и продвинулись на территорию Демократического Берлина на несколько десятков метров.

По приказу заместителя командующего ГСВГ к району КПП была выдвинута рота наших танков.

Увидев выдвигающиеся наши танки, вся группа американцев (в том числе и танки) быстро развернулась и возвратилась обратно.

В 1920 наша танковая рота была отведена к месту стоянки (1,5 км от КПП).

Во время этих действий в районе КПП с обеих сторон собирались толпы до 200 человек, среди которых находились фоторепортеры.

В 19.40 американцы снова выдвинули к КПП Фридрихштрассе 8 танков, в связи с чем наша танковая рота вновь была выдвинута к КПП.

Наши и американские танки стоят с наведенными друг на друга пушками на расстоянии 100 м.

По приказу Главнокомандующего ГСВГ от 01.00 28.10 к району оперного театра подтянут еще один танковый батальон и к утру 28.10 здесь находятся 60 наших танков.

Положение войск ГСВГ без изменений».

Кроме доклада по действию советских и американских войск непосредственно в Берлине министр обороны СССР и начальник Генштаба сообщают о проходящих в этот период учениях войск США и НАТО.

Помните предупреждение агента ЦРУ Олега Пеньковско-го о том, что, мол, СССР планирует широкомасштабные учения. А тут уже не планы, учения идут полным ходом. Соединения 7-го армейского корпуса действуют на маневрах «Осенний щит», авиаударные силы 1-го флота США рыщут у западного побережья Америки, другие силы ВМФ обучаются проводке конвоя и десантных сил у Гавайских островов, атомные подводные лодки-ракетоносцы «Джордж Вашингтон», «Теодор Рузвельт», «Патрик

Генри» продолжают боевое патрулирование в Норвежском море.

Дж. Бейли, Д. Мерфи и С. Кондрашев в уже упоминаемой книге «Поле битвы — Берлин» напишут примечательные слова: «Около полуночи 27 октября на Фридрихштрассе было тридцать советских танков, однако наутро они стали разъезжаться».

Судя по докладам Малиновского и Захарова, они все-таки стали разъезжаться на сутки позже. А дальше, как пишут авторы книги: «Нет ни одного документа, который бы объяснил, каким образом кризис был разрешен». И это истинная правда. Со временем, может, и найдутся такие документы. Но суть в другом — в том, что Берлинский кризис не перерос в войну.

Правда, уже наступало другое время, и вскоре мир захлестнет новый кризис, еще более жестокий и опасный, названный историками Карибским. Но это уже совсем другая история.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

На всех этапах работы с ценным агентом Мюратом у руководства советской военной разведки был свой взгляд на добывание секретных натовских материалов. И тут Центр, откровенно говоря, не всегда был прав.

«Москво прекрасно знала по моим докладам, — рассказывал мне Виктор Любимов, — что зачастую Мюрат не имеет возможности определить важность, ценность и перспективность добываемого документа из-за слишком короткого времени обладания им.

Однако Центр словно не замечал моего мнения. Он снова высказывает желание предварительно получать от Мюрата название документов и их краткое содержание. Чтобы в Москве имели возможность принять решение, нужен этот документ или нет. Внешне смотрится как забота об агенте, а на самом деле — потеря времени. И опять-таки после подготовки такой аннотации по материалу и отправки ее в Москву неизвестно, окажется ли этот документ опять в руках агента.

Зная характер Мюрата, а также обстоятельства и сложность добывания материалов, я просто не знакомил агента с мнением и пожеланиями Центра, дабы не вызвать его нервозность и раздражительность».

Что ж, в Центре тоже сидят люди, и, несмотря на большой опыт и профессионализм, не всегда дают верные советы и выдвигают справедливые требования.

По свидетельству того же Любимова, Мюрат рассказывал, как в натовских структурах организована служба безопасности и контроля за сотрудниками штаба. Тем более что он сам неоднократно исполнял обязанности офицера безопасности.

Справедливости ради надо сказать, что Мюрат был высокого мнения о системе безопасности штабов НАТО. Теоретически, как он считал, в этой системе нет слабых мест: она хорошо продумана, просчитана и организована.

Существует строгое правило рассылки документов разной степени секретности. Они направляются только тем генералам и офицерам, которые по долгу службы обязаны с ними ознакомиться. И такой подход резко ограничивает круг лиц, владеющих той или иной необходимой информацией.

Дважды в день осуществляется контроль за документами. Это создает серьезное препятствие для выноса материалов из штаба. Кроме того, следует учитывать, что личный состав штабных офицеров невелик. И это тоже ограничивает круг

высокоинформированных сотрудников.

Серьезными источниками для разведки, по мнению Мюрата, могут стать генералы или офицеры, занимающие должности в оперативном управлении либо в управлении связи, в отделах шифрования.

Однако всюду работают люди, и человеческий фактор даже при самой совершенной системе безопасности играет решающее значение. Сюда же следует приплюсовать и вполне объективные факторы. Ни одно воинское подразделение, штаб, учреждение не обходятся без постоянных совещаний, на которых обсуждается состояние дел, ставятся задачи, подводятся итоги деятельности. Как правило, на них присутствует большое количество военнослужащих различных категорий и специальностей. Вот вам и реальный канал утечки, если на этих совещаниях регулярно присутствует информатор иностранной военной разведки. А уж он, поверьте, в отличие от обычных офицеров, регулярно посещает подобные мероприятия, не увиливает и не ищет причину, чтобы под благовидным предлогом сбежать с совещания.

Опять же поток документов с грифами «секретно», «совершенно секретно» и «космик» настолько велик, что ежедневный контроль практически невозможен.

Мюрат обратил внимание на то, что единственный документ, за которым было самое пристальное внимание, — это так называемое «Расписание целей атомных ударов на Центрально-Европейском театре».

К разработке и последующему ознакомлению привлекался узкий круг лиц, а контроль за прохождением документа был крайне ужесточен. И в том, что Мюрату удалось добыть этот документ, имеющий самую высокую степень секретности — «космик», сыграло свою роль везение. Во всяком случае, так считал сам Мюрат. В Центре считали иначе. А если быть более точным, то Москва придерживалась старой народной мудрости: везет тому, кто везет.

Тем более что документ этот имел ряд особенностей. Мало было завладеть «Расписанием», к нему, например, прилагалась дешифровальная линейка, без которой документ, по сути, не имел особой ценности. Так вот Мюрату удалось сфотографировать эту линейку. И Центр получил, что называется, полный комплект.

В мае 1962 года на стол начальнику Информации ГРУ лег документ, подтверждающий очередную очень важную победу советской военной разведки над своим противником — агрессивным блоком НАТО.

«Сов. секретно Экз. № 1

Генерал-лейтенанту тов. Кореневскому Н.А.

Направляю добытое агентурным путем «Расписание целей атомных ударов на Центрально-Европейском театре». Документ издан штабом ВВС НАТО в Европе 9.1.62 года с грифом «Космик. Совершенно секретно».

Одновременно направляю пояснения источника к линейке для дешифрования данных этого документа.

При необходимости получения дополнительных данных по Расписанию целей прошу сообщить интересующие Вас вопросы до 31.5.62 года.

Прошу сообщить оценку и возвратить пояснения к линейке для дешифрования данных к 25 июня 1962 г.

Приложение: по тексту, только адресату

вх. № 61/120 на 414 фотокопиях.

вх. № 61/119 на 2 листах.

Генерал-лейтенант А. Коновалов.

26 мая 1962 года».

Поясню, генерал-лейтенант Коновалов являлся в ту пору начальником 1-го европейского управления ГРУ. Он руководил работой всех европейских резидентур, в том числе и французской.

Хочется обратить внимание и еще на одну весьма незаметную цифру из этого письма. В приложении указан входящий номер, 61/120, в сущности нам ничего не говорящий. А вот следующая цифра очень красноречива — 414 (!) фотокопий. Она как раз таки и характеризует тот поистине титанический труд агента Мюрата. Один документ содержит более 400 фотокопий. Целая объемистая книга, которой надо суметь завладеть, хотя бы на короткое время, перефотографировать ее, пленки сохранить и переправить в резидентуру. Что, собственно, и было успешно сделано. Несмотря на самую совершенную систему безопасности штаба НАТО.

«НАГРАДИТЬ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА…»

В своем докладе командованию ГРУ резидент положительно оценил работу всех источников, и особенно пару Мюрат—Ананьин. Указал, что они работают с большим старанием, связь действует нормально, результаты растут как в количественном, так и качественном отношении. В связи с этим резидент ходатайствовал о награждении Мюрата советским боевым орденом.

Центр в целом согласился с оценками резидента, однако жестко указал на недостатки Ананьина в работе с агентом. При этом было подчеркнуто, что «Мюрат подавляет Ананьина и тот быстро уступает, соглашается с предложениями агента, даже если это создает угрозу безопасности». В качестве примера приводился случай, когда Ананьин по настоянию Мюрата четыре раза выходил на одно и то же место с разрывом всего в один час. Центр указал и на другие недостатки: искаженную информацию, которая была направлена в Москву, шаблонную разработку операций по связи. Начальник управления рекомендовал разнообразить каналы связи, изучить возможность привлечения наших разведчиков в других странах.

В итоге Центр дал резиденту развернутые указания по работе с Мюратом, в которых говорилось следующее:

«…Организовать и провести с Мюратом еще одну инструктивную встречу. Проведение встречи возлагается на резидента Чередеева, как на представителя Центра.

Обсудить с Мюратом вопрос о замене Ананьина на другого оперативного офицера. Работу с Мюратом, в расчете на длительную перспективу, возложить на более молодого, но опытного офицера — Любимова. Ананьина сохранить в оперативном резерве до стабилизации отношений агента с новым руководителем. При положительной реакции Мюрата замену провести после инструктивной встречи.

Решить с Мюратом вопрос о подключении к нему связника. В этом плане целесообразно использовать нашего опытного агента Луизу, которая хорошо подготовлена в вопросах связи и оперативной техники…»

Инициатива резидента наградить Мюрата советским орденом совпала с аналогичным предложением руководства оперативного управления, которое было сделано в декабре 1961 года. Уже в марте 1962 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество, проявленное в сложной обстановке, и значительный вклад в укрепление обороноспособности нашей страны Мюрат

удостоился высокой награды — ордена Ленина.

Решили, что награду из Москвы приедет вручать представитель Центра. Но потом награждение поручили провести резиденту — генералу Ивану Николаевичу Чередееву. В Париж, в резидентуру диппочтой переслали секретный Указ, орден Ленина и орденскую книжку.

Встреча с агентом и награждение происходило за городом, на оперативной квартире 6 июня 1962 года.

Надо сказать, что до этого времени Мюрат добыл еще 11 ценных материалов. В архивах ГРУ сохранилось несколько писем той поры, которые доказывают, сколь интенсивно и напряженно работал наш агент. Привожу их дословно:

«Сов. секретно Экз. № 1 генерал-лейтенанту тов. Кореневскому Н.А.

Направляю добытый агентурным путем документ ШЕЙ-ПА «План ядерной войны» № 200/61 от 10.01.62 года.

Документ имеет гриф «Космик. Совершенно секретно».

Прошу сообщить оценку к «1» апреля 1962 года.

Приложение: по тексту, только адресату, 171 фотокопия».

Генерал-лейтенант А. Коновалов.

Помните «План ядерной войны» № 110/59. Так вот, это новый, уточненный натовский план уже 1961 года. Заметьте, когда он был добыт— уже 10 января следующего года он был в Москве.

И еще одна цифра, на которую следует обратить внимание: в приложении указана 171 фотокопия!

А теперь еще письмо. Оно написано тем же начальником управления, тому же генералу Н. Кореневскому: «Направляю добытый агентурным путем «Оперативный план 17-й воздушной армии ВВС США № 185/61 от 30.12.61 года. Документ имеет гриф «НАТО. Секретно».

Прошу сообщить оценку до 10 апреля 1962 года.

Приложение: по тексту; только адресату, 96 фотокопий».

Письмо датировано 19 марта 1962 года, всего четырьмя днями позже, чем предыдущее. Вот так, с таким упорством и мужеством работал Мюрат.

А 26 мая в Москве появилось «Расписание целей атомных ударов на Центрально-Европейском театре». Документ издан штабом ВВС НАТО в Европе 09.01.62 года с грифом «Космик. Совершенно секретно». На сей раз в приложении указано, что документ на 518 фотокопиях.

Думается, не стоит доказывать, что высший орден нашей страны Мюрат полноправно заслужил. А генерал Чередеев с большим удовольствием вручал его.

Вручение проходило торжественно. Был зачитан Указ, к лацкану пиджака прикрепили орден. Мюрат был до слез растроган. Он сожалел, что одет не в военную форму. Всю встречу Мюрат не снимал награду.

Когда поздравления были исчерпаны, поговорили о делах.

Одной из важнейших задач, которую предстояло решить в ближайшее время, являлось подключение к агенту связника.

Мюрат не возражал. Он уже знал, что это будет женщина. Генерал Чередеев знал связника лично и разъяснил, что это опытный и проверенный агент. Мюрат поставил два условия. Во-первых, инициатива вступления в контакт должна принадлежать ему. Он хочет увидеть ее первым, оценить, оставаясь для нее незнакомым человеком. Во-вторых, добываемые материалы он намерен провозить через границу самостоятельно. Ему, старшему офицеру Вооруженных Сил НАТО, легче избежать досмотра на границе.

На встрече условия связи были дополнены каналом почтовой связи. Ему вручили конспиративный адрес в Швейцарии. Мюрат воспользуется этим конспиративным адресом только однажды — когда написал письмо Ивану (Чередееву) и Вику (Любимову). Впрочем, его трудно назвать письмом. Это крик души одинокого человека. Но все это будет потом, потом…

Обговорили также сигналы, означавшие ту или иную степень боеготовности войск НАТО. Мюрат без возражений согласился на замену Ананьина другим оперативным офицером. По предложению Чередеева они вместе выстроили схему ближайших встреч.

Порядок был таков: Мюрат— Луиза, потом Луиза— Любимов, затем снова Мюрат— Луиза и, наконец, встреча Мюрат — Любимов. В вопросах безличной связи и использования оперативной техники Мюрат оказался менее покладистым. Он снова подтвердил свой отказ передавать добытые им документы через тайники, но согласился взять с собой новый фотоаппарат «Минокс».

Мюрат купался в лучах славы! Он был по-настоящему счастлив.

Перед отъездом он бережно снял орден, поцеловал его и просил хранить в Москве.

А через две недели состоялась встреча Мюрата со связником. Появилась женщина, которая перевернула его жизнь.

АГЕНТ-СВЯЗНИК ЛУИЗА

Их встреча произошла так, как и задумывал Мюрат. Он издали увидел своего будущего связника и уже не медлил ни минуты. Она понравилась ему с первого взгляда. Да и не могла не понравиться.

Вот как описывает Луизу сам Виктор Андреевич Любимов: «Честно говоря, мое первое впечатление о Луизе было весьма благоприятным. Признаться, даже удивился: в нашей разведке работают красавицы-женщины, да еще с такими светлыми головами.

Брюнетка, глаза светло-голубые, стройная фигура… Одета, как истинный разведчик, со вкусом, но скромно, не броско. Отошел и уже забыл, как она была одета.

Луиза умела слушать. Право же, редкое для женщины качество. Была внимательна к собеседнику.

Она словно родилась разведчицей. Пунктуальна, терпелива, любое дело, за которое бралась, продумывала до мелочей. Например, если она говорила, что тайник не тот, ей не нравится, можно не сомневаться, Луиза права — тайник надо менять».

В декабре 1964 года начальник европейского управления ГРУ, представляя Луизу к награждению орденом Красного Знамени, напишет: «За время сотрудничества с советской военной разведкой Луиза отлично показала себя на практической работе в сложных условиях…Она постоянно проявляет выдержку, хладнокровие, настойчивость и личную инициативу».

Обо всех этих качествах Мюрат узнает позже, в ходе совместной работы. А сейчас она ему просто нравилась. Помните, он просил в качестве связника «красивую женщину». Вот она, эта женщина, теперь стояла перед ним… Пароль — отзыв. И они, как старые знакомые, зашагали рядом по парижской улице,

Правда, Мюрат в ходе прогулки не забыл спросить, является ли она активистом партии? Луиза ответила отрицательно, хотя и состояла в компартии.

Напрямую, не боясь обидеть, Мюрат спросил: не болтлива ли она? Луиза только улыбнулась в ответ и заметила, что родилась в Бретони. А во Франции каждый знает: бретонцы не говорливы.

Мюрат был удовлетворен. Луиза стала его связником.

«Москва. Центр. Коновалову.

Луиза, 1925 года рождения. Воспитывалась в мелкобуржуазной семье со строгой моралью и правилами. По взглядам близка к коммунистам. Была в партии, но вышла из нее.

Имеет опыт оперативной работы. Некоторое время у нее на

связи была группа источников (3 человека).

Семейная жизнь складывается неудачно. Ее оставил муж.

Материальное положение сложное. Живет в небольшой квартире. Одна воспитывает 16-летнюю дочь, на руках больная 75-летняя мать.

По характеру — выдержанная, аккуратная женщина.

Лютое. Париж».

Первое, что удалось в этой ситуации, — установить постоянную, ежемесячную стипендию для Луизы. Ее заработок не зависел от проделанной работы, представленных материалов. Резидентура и руководство в Москве доверяло Луизе. Ее не надо было подгонять.

Были выделены деньги и на установку телефона в квартире Луизы. Поскольку делать оперативные звонки через телефон консьержки было верхом нелепости.

Луиза стала связной Мюрата еще в ту пору, когда с ним работал оперативный офицер резидентуры Ананьин. Однако после предательства Олега Пеньковского начальник европейского управления ГРУ письменно доложил руководителю военной разведки генералу Ивану Серову об офицерах, которых знал предатель. Среди них были и сотрудники парижской резидентуры, и в частности Ананьин.

Серов наложил резолюцию: «засвеченных» оперативных офицеров от агентурной работы отвести. Именно так и написал: «отвести». Не отозвать, не отстранить. Что ж, отвести, так отвести. И вскоре Ананьин вышел на встречу с Луизой и Мюратом, попрощался с ними, сказал, что из-за болезни жены он вынужден покинуть Францию и вернуться в Москву.

Резидентура срочно искала замену Ананьину. В Центр ушло предложение, что Мюрата и Луизу на связь возьмет заместитель резидента. Но Москва отклонила эту кандидатуру. Он тоже оказался в числе «засвеченных». В свое время учился в академии с Пеньковским. Более того, они дружили семьями. Участь заместителя резидента была решена. Его вскоре, как и Ананьина, отозвали в Москву.

А в Париж пришла телеграмма. Резиденту приказали: Мюрата и Луизу передать на связь Любимову, освободив его от другой работы, кроме Гектора, Бернара и Дижона. Резиденту оставалось лишь развести руками: вот так «освобождение»!.. Но приказ есть приказ. И через несколько дней резидент— Иван Николаевич Чередеев сказал Любимову: садись на «хвост», выходим на встречу с Луизой.

О том выходе Виктор Любимов вспоминает так: «Ананьин уже закончил работу и на встречу меня вел сам резидент. К тому

времени я уже был стреляный воробей, но не переставал восхищаться работой Чередеева. Как он знал Париж, как умел проверяться… Я чувствовал себя учеником при солидном учителе».

В одном из парков Парижа состоялась их встреча. Резидент представил Луизе нового оперативного офицера. Через несколько минут Чередеев уже с удовольствием дымил сигаретой, а Любимов с Луизой мило беседовали.

Быстро были согласованы условия связи. Виктор поинтересовался мнением Луизы о возможности использования тайников для получения материалов от Мюрата. Она в принципе согласилась и обещала поддержать Виктора в этом вопросе. Система из нескольких тайников и сигналы вызова уже были определены. Луизе оставалось только ввести их в действие. Договорились, что они вернутся к этому вопросу после встречи Любимова с Мюратом.

Обсудили также вопрос о необходимости проведения длительной инструктивной встречи. Любимов высказал мнение, что в ходе этой встречи Луиза сможет познакомиться с его женой. Эти слова вызвали у нее прилив откровенности. Луиза рассказала, что семейная жизнь не сложилась. Муж долгое время находился в другой стране, нашел себе женщину, и они будут разводиться. Но отношения между ними остаются корректными, супруг будет встречаться с дочерью и платить небольшие алименты.

Любимов попросил Луизу передать Мюрату, что он рад увидеться с ним, когда тому будет удобно.

Мюрат не заставил себя долго ждать. Он хотел встретиться с Любимовым 6 июля. Это был наиболее удобный день для его приезда в Париж.

Встреча состоялась, была длительной и весьма результативной. О ней уже читателю известно.

Пожалуй, самым важным ее итогом стал прорыв в организации связи. Виктор убедил Мюрата изменить свое отрицательное отношение к использованию тайников. Он сказал, что история разведки и его личный опыт показали надежность этого канала связи для конспиративной передачи материалов. Даже при самом неблагоприятном развитии событий, в случае провала, этот канал связи не дает обвинению прямых доказательств. Тем более Мюрат будет в стороне от черновой работы. Связь через тайники непосредственно обеспечивается связником и Любимовым. После размышлений и колебаний, уже в конце встречи Мюрат возвратился к теме тайников. Он согласился использовать их в своей работе при условии, что Вик

будет лично изымать его материалы. Введение тайниковой связи значительно сократило частоту личных встреч и необходимость приезда Мюрата из ФРГ в Париж.

Мюрат достаточно подробно рассказал Вику о своей работе, функциональных обязанностях, агентурных возможностях, обусловленных его служебным положением, и обстановке в штабе НАТО. Дал понять, что его отношения с женой оставляют желать лучшего. В финансовом плане ему приходится жить на два дома. Жена и дети на родине, а он фактически ведет казарменную, кочевую жизнь. Конечно же, постоянно возникает проблема нехватки денежных средств, что психологически угнетает Мюрата. Неудобно и унизительно брать деньги, однако обстоятельства вынуждают его идти на это. Обстановка на службе гнетущая. Персонал штаба в основном настроен антисоветски. Среди высших чинов НАТО есть настоящие «ястребы», которые убеждены, что ценой нескольких миллионов человеческих жизней можно ликвидировать СССР и коммунизм. Мюрату приходится быть артистом, чтобы завоевывать доверие окружающих его американцев и немцев. Некоторые близкие люди не одобряют его работу с американцами. Он вынужден объяснять свою позицию тем, что якобы хочет заручиться поддержкой янки, чтобы получить подходящее место после увольнения со службы. При этом Мюрат добавил, что он не жалуется, но руководство в Москве должно знать и правильно представлять все сложности его бытия.

…Тем временем Москва ждала отчета о встрече с Мюратом. Любимов молчал. Обычно отчет разведчика уже в течение двух-трех дней после встречи готов, доложен резиденту и ближайшей почтой направляется в Москву. А тут Центр дождался отчета из Парижа лишь через две недели.

Начальник управления потребовал объяснений. Ему показали график работы Любимова. К тому времени у него на связи были агенты Бернар, Гурон, Артур, Луиза и вот теперь Мюрат.

Генерал, в принципе, согласился: действительно у оперативного офицера «напряженка». В конце концов, пусть и с задержкой, но отчет находился на его столе, и он радовал.

В отчете Виктор Андреевич оценил Мюрата как умного, хорошо разбирающегося в обстановке и военных проблемах специалиста. Он отметил быструю реакцию Мюрата в разговоре, его очень чувствительное и почти болезненное восприятие вопросов офицерской чести, сильную привязанность к матери и дочери. Любимов подмечал иногда эмоционально резкие, критические замечания агента. Сам Мюрат признал эту слабость, но заявил, что не всегда может удержать себя от подобных

высказываний.

По мнению Любимова, Мюрат успешно сочетает смелость с осторожностью. Он категоричен при отстаивании своей позиции, но в то же время соглашается с хорошо обоснованными доводами собеседника.

Право же, и через много лет этот отчет и пометки на нем говорят о многом. Начальник управления не просто прочел, он тщательно проработал, что называется «пропахал» отчет своего оперативного офицера. Он дал указание подготовить несколько целевых справок для организации работы с Мюратом. Замечаний по проведению самой встречи у него не было.

По всему выходило, что Центр не ошибся, передавая Мюрата на связь Любимову. Тот факт, что «сложный» Мюрат сам предложил называть его запросто, Чарли, и это с первой-то встречи, безусловно, обнадеживал.

Вскоре состоялась вторая длительная встреча с Луизой. Из Москвы была срочно вызвана жена Любимова, Валентина Владимировна. Она и обеспечивала встречу. Луиза и Валентина быстро нашли общий язык и взаимопонимание. В перерывах они запросто беседовали о семейных делах, нарядах, косметике. Обычные женские разговоры. Все это скрашивало длительную работу Луизы с Виктором.

А работы оказалось хоть отбавляй. Обсудили вопросы связи по линиям Мюрат — Луиза, Луиза — Вик, легендирование ее поездок к Мюрату в Западную Германию. Ведь отсутствие Луизы дома надо как-то объяснять и матери, и дочери, да и у соседей, консьержки тоже не должны были возникать вопросы.

Длительный отъезд Луизы из дома — в течение трех дней для проведения инструктивной встречи — беспокоил и Центр. Начальник ГРУ генерал-полковник Петр Ивашутин, утверждая план проведения встречи, не просто «подмахнул» его, а лично начертал указание: «Отлегендировать отсутствие Луизы дома».

Словом, предстояло разрешить много накопившихся проблем. В частности, необходимо было обновить условия встреч по явкам, ввести новые конспиративные адреса в третьих странах, отработать порядок ввода новых сигналов.

Подробно обсудили также перспективы работы Мюрата. Каковы они были на тот момент? Оперативная обстановка во Франции оставалась напряженной. В августе 1962 года резко обострились отношения двух держав. СССР приступил к проведению оперативно-стратегической операции «Анадырь» по переброске на Кубу советских войск и боевой техники, включая ракеты среднего радиуса действия с ядерными боеголовками. 22 августа произошло покушение на генерала де Голля под

Парижем. Усилилось патрулирование полиции и жандармерии с досмотром салонов и багажников автомобилей. Рези-дентуре приходилось с этим считаться. Любимов, не имея дипломатического паспорта, дважды подвергался такому досмотру. Вдобавок к тому же в октябре был арестован предатель Пеньковский, что естественно повлияло на оперативную деятельность резидентуры.

Что касается Мюрата, то ему предстояло сменить место службы. Из ФРГ его переводили во Францию. Планировалось, что он будет работать в аппарате Генерального секретаря НАТО, в районе Порт Дофин.

Казалось бы, на первый взгляд для него все складывается неплохо. Солидный пост в столице, под боком у Генсека НАТО. Но Мюрат был недоволен. Он считал, что аппарат Генсека — это бюрократический орган, который существует для обслуживания протокольных мероприятий и весьма далек от армейских проблем. К тому же агент опасался, что оперативные условия в Порт Дофин будут сложнее. Здесь действовала не американская, а французская контрразведка, которая работает тоньше и изощреннее.

Семейное положение Мюрата также было незавидным. Семья, по сути, развалилась. С женой Мюрат уже давно не жил, но развод она давать не хотела, чтобы не лишиться наследства. Правда, и ему развод оказался невыгоден. По брачному контракту недвижимое имущество переходило его жене и детям.

Из-за семейных неурядиц пошатнулось финансовое положение. Жил он скромно, в служебной квартире, на территории военной базы. Обедал у себя дома, готовил сам. При всем этом не забудем: Мюрат — полковник, высокое должностное лицо штаба НАТО, аристократ.

В начале октября 1962 года, за неделю до блокады Кубы и начала кризиса, Мюрат вынес из штаба НАТО и перефотографировал два тома «Перечня целей» для нанесения атомных ударов по объектам на территории СССР и стран Варшавского договора. Ему пришлось дважды забирать и возвращать в штаб документы, каждый раз проходя через контрольные пункты. Это был большой риск. Всего он отснял 25 пленок «Минокс». Наше командование получило достоверные данные о 1093 целях на территории СССР и других стран социалистического содружества, по которым планировалось нанесение ядерных ударов. Это была уникальная документальная информация, оцененная как «особо важная».

«МЫ ДОЛЖНЫ ОТСТУПИТЬ»

28 октября 1962 года, в полдень, на правительственной даче в Ново-Огареве, что под Москвой, собралось все руководство страны. Президиум Центрального Комитета КПСС проходил в расширенном составе. Были приглашены не только члены Президиума, но и кандидаты, а также секретари ЦК.

В небольшом зале повисла напряженная тревожная тишина. Советский Союз стоял на пороге войны. Все собравшиеся помнили войну. 20 лет не такой уж большой срок, чтобы забыть кошмары сорок первого. И вот они вновь, считай, в том страшном июне. Только нет теперь Сталина, некого винить в ошибках и просчетах. У них есть теперь Никита, «Хрущ», как называли «первого» соратники — Подгорный, Брежнев, Шелепин.

Через два года они припомнят ему «кубинскую авантюру» на Пленуме ЦК и отправят в отставку. Но пока «Хрущ» был у руля, а страна стояла на краю ядерной пропасти.

Руководители, собравшиеся в Ново-Огареве, знали все перипетии семидневного ядерного противостояния, начиная с 22 октября, когда президент Кеннеди поведал миру о своей «находке» на Кубе. Они были рядом с главным «вдохновителем и организатором» размещения советских ракет под боком у США; видели его растерянность, прикрываемую бравыми публичными выступлениями. Потом были письма, ультиматумы, требования друг к другу… Словом, семь дней кошмара. И вот теперь он собрал их всех. Что скажет? Объявит о войне?

Открывая заседание, Хрущев мрачно произнес: «…Мы оказались лицом к лицу с угрозой войны и ядерной катастрофы, в результате которой может погибнуть человеческая цивилизация. Чтобы спасти человечество, мы должны отступить. Я собрал вас всех, чтобы посоветоваться и обсудить, согласны ли вы с такого рода решением».

Далее Хрущев предложил поддержать те меры, которые Кеннеди высказывал в своем вчерашнем письме. «Ситуация на Кубе выходит из-под контроля», — посетовал он.

Обсуждение начали с самого больного вопроса: что делать, если США сегодня нанесут удар по Кубе? Ответ был один: дать адекватный отпор. Это и записали в решении. Таким образом, генерал армии Исса Плиев, командующий группировкой советских войск на Кубе, получил право использовать силу в целях самообороны. Правда, в решении Президиума ничего не говорилось о праве на применение тактического ядерного оружия, но в то же время не прозвучал и запрет. Стало быть, что

не запрещено, то разрешено.

В момент горячего обсуждения в зал зашел помощник Хрущева — Трояновский. Он зачитал телефонограмму из Вашингтона. Только что закончилась встреча советского посла Добрынина с братом президента Робертом Кеннеди. Роберт считает, что по поводу торга он «не видит непреодолимых препятствий». Однако просит передать, что ответ ожидается сегодня же. Осталось очень мало времени для разрешения проблемы. События стремительно развиваются.

Трояновский добавил: очевидно, что президент Кеннеди находится под сильным давлением Пентагона.

Сообщение помощника вызвало еще большее напряжение среди присутствующих. Хрущев вызвал стенографистку и тут же в зале заседания стал диктовать ответ:

«Получил ваше послание от 27 октября с.г., — диктовал Хрущев. Зал молча слушал. — Выряжаю свое удовлетворение и признательность за проявленное вами чувство меры и понимания ответственности… Чтобы скорее завершить ликвидацию опасного конфликта для дела мира… советское правительство в дополнение к уже данным ранее указаниям о прекращении дальнейших работ на строительных площадках для размещения оружия отдало новое распоряжение о демонтаже вооружения, которое вы называете наступательным, упаковке его и возвращению его в Советский Союз».

Кроме этого письма Хрущев написал еще два личных послания президенту. Первое устно Добрынин передал Роберту Кеннеди, второе было секретным — в нем говорилось, что Кремль ожидает от Белого дома выполнения обещания о демонтаже ракет в Турции. Президиум также решил основное письмо Хрущева передать по московскому радио. Секретарь ЦК Ильичев лично доставил его в студию.

В 9.00 в Вашингтоне услышали позывные радио Москвы: Хрущев принял условия президента США. В Белом доме с облегчением вздохнули. Роберт Кеннеди отправился в советское посольство, чтобы выразить удовлетворение.

Достижение окончательного урегулирования Карибско-го кризиса заняло еще несколько недель, и было нелегким. Но самая опасная фаза кризиса завершилась. Мир устоял.

В последующие месяцы и в СССР, и в США анализировали недавние события и извлекали уроки: политики — свои, военные — свои. Всем стало ясно: в октябрьские дни шестьдесят второго реально существовала не только возможность, но и вероятность перерастания кризиса в ядерную войну.

С чем мы вступили бы в эту войну? Подобный вопрос не раз

звучал на совещаниях самого высокого ранга. Однажды на него в сердцах ответил Сергей Павлович Королев: «На случай ядерной войны оружия у нас нет!»

Что имел в виду наш Генеральный конструктор? Да то же самое, что министр обороны Маршал Малиновский в разговоре с Хрущевым.

Вот как описывает этот разговор спичрайтер Хрущева Олег Гриневский в своей книге «Тысяча и один день Никиты Сергеевича».

«Можно безболезненно пойти на значительное сокращение обычных вооруженных сил», — развивал свои мысли Хрущев.

Однако результат такой обработки оказался обескураживающим — военные были против, хотя вели себя лояльно и даже подобострастно. В том числе министр обороны Малиновский, на которого Никита Сергеевич возлагал особые надежды. Их контраргументы звучали весомо, как выстрел из тяжелых орудий.

— Что станется с безопасностью страны в условиях, когда империализм нагнетает напряженность и собирает силы для военного наступления против социализма? Мы не можем сократить армию ни на одного человека, ни на один танк, ни на один бомбардировщик, потому что американцы опережают нас по средствам доставки…»

Да, действительно, правы оказались и Малиновский, и Королев.

В начале 60-х годов для США был характерен высокий темп ввода в строй стратегических ракет как наземного, так и морского базирования. И если Хрущев в этот период больше декларировал, то Кеннеди — делал.

В подтверждение приведу документ, направленный начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза М. Захаровым и начальником ГРУ генералом армии И. Серовым в Центральный комитет КПСС 23 июня 1961 года.

Вот что в нем говорится дословно: «Направляю произведенный Главным разведывательным управлением анализ изменений в планах строительства американских вооруженных сил и военном бюджете США на 1961/62 бюджетный год, предложенных Кеннеди конгрессу в посланиях от 28.3 и 25.5.61.

В посланиях Кеннеди изложил так называемый «новый курс действий», направленный на всемерное ускорение выполнения программы создания ракетно-ядерного оружия стратегического назначения, повышения боевой готовности всех видов вооруженных сил, на улучшение организации и руководства стратегическими действиями войск.

Кеннеди просил увеличить прямые военные ассигнования на 3771 млн долларов и довести их в 1961/62 г. до 53 319 млн долларов. 49 548 млн, запрошенных Эйзенхауэром, и 48 984 млн долларов, выделенных на 1960/61 бюджетный год.

Кеннеди рекомендовал увеличить численность вооруженных сил на 25 тыс. человек и довести ее к 30.6.62 до 2518 тыс. человек против 2493 тыс. человек на 30.6.61.

Наиболее крупные изменения предположено внести в планы разработки и производства оружия и военной техники.

На межконтинентальные баллистические снаряды «Минитмен», «Атлас», «Титан» Кеннеди просил выделить 1,9 млрд долларов, чтобы обеспечить создание к началу 1964 года 12 эскадрилий «Атлас» и 12 эскадрилий «Титан». Он рекомендовал также всемерно ускорить доводку и испытания снаряда на твердом топливе «Минитмен» с таким расчетом, чтобы к началу 1965 года иметь 12 эскадрилий с 600 снарядами на позициях. С этой целью Кеннеди предложил удвоить мощность промышленности по производству снарядов «Минитмен»,

Предложенные Кеннеди план строительства вооруженных сил и смета новых военных ассигнований на 1961/62 бюджетный год означают, что так называемый «новый курс действий» американского правительства направлен на расширение гонки вооружений, сохранение политики «с позиции силы» и имеют конкретные цели: завершить создание к началу 1965 года крупных ракетно-ядерных сил стратегического назначения, повысить боевую готовность всех видов вооруженных сил и увеличить их возможности по ведению военных действий, как с применением ядерного, так и обычных видов оружия».

США форсированно размещали ракеты средней дальности «Тор» и «Юпитер» в европейских странах — Англии, Италии, Турции. Теперь эти ракеты могли поразить цели на территории СССР за 10–12 минут до того, как их обнаруживали наши радиолокационные средства.

Это означало, что фактор внезапности становился основным. Кроме того, увеличивалась точность поражения, за счет уменьшения расстояния полета ракеты.

Таким образом, американское ракетное оружие европейского базирования представляло для СССР стратегическую угрозу. Американцы изменили баланс сил первого удара в свою пользу.

Чем могли ответить мы? По большому счету — ничем. Разве что ударами по Аляске. Но они не решали проблему. Морские ракетные атомные подводные лодки не были готовы к вводу в строй, тем более в необходимом количестве для адекватного ответа.

Так что хрущевская риторика с высоких трибун — одно, а реальность была совсем другой. И это веско продемонстрировал Карибский кризис. Ведь сегодня уже никто не отрицает, что одной из ведущих причин размещения наших ракет на Кубе было желание Хрущева не только спасти «остров свободы» как форпост социализма в Западном полушарии, но и в какой-то мере восстановить равновесие, если хотите, «подправить» тот огромный ядерный дисбаланс.

В своих воспоминаниях Хрущев так и говорит: «В дополнение и защите Кубы наши ракеты подравнивали бы то, что Запад любит называть «балансом сил».

Однако мечтам Никиты Сергеевича не суждено было сбыться. Вскоре ракеты, которым уготовили роль ядерного противовеса, вновь оказались на родине. Правда, и американцы убрали свои «Юпитеры» из Турции, но и это оказалось лишь полумерой. Образно говоря, нам в те годы надо было догнать и перегнать… «Минитмен».

«Минитмен»— это американская твердотопливная межконтинентальная ракета. Родилась она в результате научного открытия мирового значения. В лаборатории реактивного движения Калифорнийского технологического института изготовили смесевое твердое ракетное топливо (СТРТ). И в 1962 году Пентагон уже получил и «Минитмены», и «Поларисы».

Наш вероятный противник, увы, раньше нас отказался от токсичных и агрессивных жидких ракетных топлив и наладил выпуск габаритных ракетных зарядов.

Насколько острой была эта проблема, можно судить по материалам ГРУ тех лет.

Вот один из них. Гриф на нем самой высокой степени: «Сов. секретно. Особой важности». Адресат— заместитель Председателя Комиссии Высшего совета народного хозяйства СССР по военно-промышленным вопросам Г.Н. Пашков. Документ рассказывает о кинофильме, выпущенном в США. Название фильма говорит само за себя: «Американское стратегическое ракетное оружие».

В самом начале рецензенты из ГРУ уточняют, что «фильм представляет интерес, так как содержит полезный документальный материал по одному из главных направлений американской ракетной техники.

Фильм содержит данные о планах США по наращиванию количества стратегических ракет с ядерными боевыми головками, стартов для них на ближайшие годы, районов размещения этих стартов, а также данные, характеризующие отдельные системы стратегического ракетного оружия в целом, и некоторые сведения

по особенностям его эксплуатации».

Этот документальный фильм, созданный, безусловно, для глаз и ушей узкого круга людей в США, заинтересовал нашу военную разведку именно потому, что он рассказывал об американских твердотопливных ракетах «Минитмен» и «Поларис».

Эксперты ГРУ с сожалением констатируют тот факт, что в фильме «не приводится данных о том, ценой каких затрат и в течение какого времени удалось создать указанные системы. Известно, что успех в решении этой задачи предопределился более чем 10—12-летними поисками и опытно-конструкторскими работами в области создания смесевых твердых топлив, с проведением огромного количества стендовых испытаний двигателей, существенным уменьшением веса головной части (до 500 кг) и бортовой аппаратуры системы управления (до 70–80 кг), а также увеличением прочностных характеристик материалов.

Отработка ракет с двигателями твердого топлива при наличии развитой промышленной базы по производству зарядов занимает у американцев 5–6 лет».

Неспроста специалисты военной разведки говорят о «развитой промышленной базе» по производству таких зарядов.

У нас же в ту пору «законодателями мод» являлись создатели ракет на жидком топливе. Зато какие имена! Академики, лауреаты, Герои — Челомей, Янгель. У них было все: огромный авторитет, прекрасная научная и производственная база, многолетняя практика, высокооплачиваемые оборонные заказы. Их конструкторские бюро были вне конкуренции.

Разумеется, качественному скачку к новому поколению ракетной техники мешали и объективные трудности. Опытные образцы ракет с твердотопливными двигателями имели большее рассеивание, оказывались значительно тяжелее жидкостных. Ну что с того, что в ракетных войсках гуляла горькая шутка: мол, после ядерного удара, когда перестанет существовать матушка-планета, «заправщики» ракет еще будут долго возиться со своим громоздким оборудованием.

Но, как говорят в народе, не бывает худа без добра — Карибский кризис заставил взглянуть на нашу ракетную технику по-новому, помочь осознать, что со своей ракетной «патриархальщиной» мы далеко не уедем.

…И ученые-первопроходцы (как уже это было не раз в нашей истории) начали на пустом месте, героически преодолевая огромные трудности. А первая трудность звучала так: для изготовления твердого топлива попросту не существовало исходных компонентов и готовых рецептур. Их надо было

создать…

Вряд ли стоит говорить, что решение этой проблемы стало важнейшей государственной задачей. В ту пору она была сродни атомному проекту — величайшему открытию человечества.

Нам удалось разыскать в архивах «Решение заседания секции № 1 Научно-технического совета Госкомитета по оборонной технике СССР» датированное январем 1964 года.

В нем говорится, что «относительно малые стартовые веса ракет «Минитмен» (30 т при дальности стрельбы 9300–9500 км) и «Поларис» (14 т при дальности стрельбы 2800 км) в основном достигаются:

1. Уменьшением, по сравнению с отечественными ракетами, весом полезной нагрузки.

2. Применением смесовых твердых топлив с реальным удельным импульсом в двигателе…»

В постановляющей части этого «Решения…» сказано: «Исходя из сравнения принятых конструктивных решений, применяемых материалов, отработки топлива и зарядов в американских и отечественных ракетах на твердом топливе и в целом повышения уровня разработки ракет на твердом топливе, секция № 1 Научно-технического совета Государственного комитета по оборонной технике СССР

Постановляет:

Первоочередными задачами считать:

1. Отработку технологии производства твердого топлива и зарядов, обеспечивающих стабильность характеристик топлива и надежную работу заряда».

Для нашей страны создание твердотопливных ракет было вопросом жизни и смерти… Вторым после создания ядерного оружия. Да, вчера мы радовались созданию атомной бомбы — она давала нам право на жизнь. Сегодня этого оказалось мало. «Ядерный джинн» не имел крыльев и был бессилен, как младенец. Предстояло вырастить крылья и научить «джинна» летать. Крепко помог нам в этом агент Бернар. А что же суперагент Мюрат.

За период с 10 по 30 октября цепочка Мюрат— Луиза — Любимов срабатывала четыре раза. И это в период всеобщей огромной напряженности.

24 октября Мюрат сообщил о введении в вооруженных силах НАТО в Европе состояния «всеобщая настороженность». 28 октября он подтвердил, что это состояние остается в силе и характер его даже усилен. Подчиненные штабы предупреждены о необходимости быть в готовности в течение 3 часов перейти к действиям, предусмотренным по сигналу «всеобщая тревога». А это не что иное, как начало боевых действий.

По словам Мюрата, напряжение в войсках НАТО было огромно. В частности, в 17-й воздушной армии состояние тревоги еще сохранялось и после 17 ноября, несмотря на обмен посланиями между Кеннеди и Хрущевым об урегулировании кризиса.

Сейчас можно со всей убежденностью и достоверностью утверждать, что информация стратегической разведки ГРУ позволила военному и политическому руководству СССР принять правильное решение об урегулировании кризиса. Главенствующую роль в этом сыграли обоснованные, достоверные данные от Мюрата. Военная разведка выполнила задачу по предотвращению развязывания атомной войны.

«ОДНА ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ПАРА…»

«Совершенно секретно Экз. един.

Справка

по работе агента ГРУ Генштаба во Франции связника-резидента Луизы

Луиза беспартийная, придерживается коммунистических взглядов и глубоко предана Советскому Союзу. Привлечена военной разведкой к сотрудничеству на идейной основе в июле 1957 года.

С июня 1962 года Луиза осуществляет руководство и поддерживает связь с ценным агентом Мюратом, работающим в штабе НАТО. Луиза добилась регулярного получения ценных и особой важности документов о состоянии Объединенных вооруженных сил НАТО в Европе.

В руководстве работой Мюрата она оказывает на него постоянное влияние и ведет большую воспитательную работупо повышению безопасности и конспиративности работы при добывании для нее документальной информации. Благодаря этому он стал работать увереннее и активнее.

В условиях сложной обстановки Луиза лично проводит большую и трудоемкую работу по фотографированию наиболее важных и объемных совершенно секретных документов по вооруженным силам НАТО, рискуя при этом своим благополучием.

Инженер-контр-адмирал В.Васильев».

Весенним теплым вечером в тихой гостинице на окраине города появился высокий элегантный полковник. Он заказал номер. Сразу оплатил счет на три дня вперед.

На следующий день, ближе к полудню, он встретил на вокзале женщину, отвез ее в гостиницу, разместил. Сам уехал, не задерживаясь. И только вечером появился вновь в гостинице, забрал подругу. Они отправились в ресторан поужинать. Рано утром полковник покинул гостиницу. Вскоре вниз, к стойке портье, спустилась и женщина. Она сказала, что идет прогуляться, и в ее отсутствие просила привести в порядок номер.

Ни у кого из служащих этой уютной немецкой гостиницы не возникло сомнения: в номере на втором этаже поселилась любящая пара. Женщина-француженка приехала на встречу со своим другом-офицером, который служил в одной из воинских частей, густо населявших округу.

Просьба клиента — закон. Пока француженка гуляла, ее номер был убран, проветрен. Накануне обеда появился

полковник. В номере негромко зазвучала музыка. Видимо, кто-то из них прихватил с собой транзисторный приемник. Что ж, милые тешатся…

Так, со стороны вполне убедительно, выглядела оперативная встреча Мюрата и Луизы. В ней ничего не было случайного. Утром Луиза, выходя на прогулку, неспроста попросила убрать номер. Мало ли что взбредет в голову гостиничной прислуге — убрать номер, когда они развернут работу, разложат документы, начнут фотосъемку. Надо ли рисковать?

Что касается музыки, то транзистор в такие минуты был просто необходим. Тогда, в 60-е годы, еще не изобрели фотоаппаратов с бесшумным спуском. Тонкие двери гостиничного номера не могли заглушить щелканье затвора. Тем более, что затвор щелкал полтора-два часа подряд.

Постороннему человеку все это может показаться мелочами. Но в разведке, как известно, мелочей не бывает. Поскольку работа шла каждый день примерно в одно и то же время, в период обеда, когда Мюрат вывозил документы из штаба, Луизе иногда приходилось разыгрывать больную. Она спускалась к портье, жаловалась на головную боль, просила таблетку и запиралась в номере. Начиналась работа.

Она никогда не забывала совета Любимова — во время съемки работать лишь слегка накинув халатик. На случай стука в дверь есть возможность потянуть время: надо же женщине, вставшей с постели, хотя бы набросить халат.

Были сложности и в фотосъемке документов. Мюрат, как правило, привозил бумаги и сразу уезжал. Остальное ложилось на плечи Луизы— освещение при съемке, фокус, расстояние… Страницу приходилось переворачивать и держать одной рукой, фотоаппарат — другой. Следовало спешить. Задержка с возвращением секретных документов могла вызвать подозрение. И если Луиза опаздывала, Мюрат волновался, нервничал.

После нескольких дней упорного труда, когда материалы были отсняты, наступал следующий этап— все это следовало перевести через немецко-французскую границу. Сложная внутриполитическая обстановка в самой Франции сказывалась на пограничном режиме. Досмотр на границе был весьма серьезный.

Мюрат сам однажды находился на грани провала. Накануне его въезда во Францию в Париже произошло покушение на президента де Голля. На границе трясли буквально каждого. А у него с собой несколько отснятых кассет. Пришлось устроить шумный спектакль. Мюрат кричал, что он старший офицер штаба НАТО и оскорблен наглым вмешательством в его личную жизнь. Он будет жаловаться Главнокомандующему! В общем, едва

удалось отбиться.

Так что, имея собственный горький опыт, Мюрат не разрешал Луизе перевозить через границу более 2–3 отснятых пленок. Она размещала кассеты на дне сумочки, а сверху — «дамские фенечки» — помаду, пудру, платочки, баночки и многое другое, что так необходимо каждой женщине. Сумочку оставляла открытой прямо на столике в купе. Этот нехитрый прием, тем не менее, срабатывал безотказно: ни один пограничник, таможенник не решался копаться в женских принадлежностях.

Сама же Луиза вела себя непринужденно, но в то же время была внимательна и учтива с пограничными чиновниками. Чего это ей стоило, знала только она сама.

Так началась «челночная дипломатия» Луизы. Теперь Центр уже не упрекал резидентуру в том, что агент не умеет писать, а тем паче — фотографировать. Документы, с которыми работала Луиза, на фотопленке имели хорошее качество. Срывов практически не было. Даже когда продавец магазина по ошибке вручил ей цветные пленки вместо черно-белых, она не забыла предупредить резидентуру: мол, это цвет, товарищи, его обрабатывать надо иначе. Интересно, что, не имея опыта работы с цветной фотопленкой, она нашла нужные параметры при съемке и отсняла материал с высоким качеством.

В оперативных поездках, встречах бывало разное, но неизменным оставалось одно— высочайшее напряжение. Казалось бы, сделана огромная работа — отснят целый том документов, но Мюрат добывает еще один том, и все начинается заново. Но чтобы отснять сотни документов, нужно время. А времени нет. Мюрат напряжен, как струна.

Зато каков результат! 1093 цели на территории СССР и стран Варшавского Договора, подлежащие уничтожению ядерным оружием. На каждую цель подробная характеристика. Страна, координаты, маршруты движения к цели, расчетная мощность ядерного боеприпаса. Все это было закодировано. Однако Мюрату удается сделать в реальном масштабе фотографию специальной линейки, которая явилась ключом к прочтению документа.

Мюрат полностью осознавал степень напряженности международных отношений и ее возможные последствия. Он просил верить, если от него поступит сигнал начала боевых действий, и просил наносить удар первыми. Это была не бравада, а убежденный подход к пресечению агрессивных намерений США в Европе. Зная, что лучшим стимулом для Мюрата является признание его заслуг, Любимов по своей инициативе передал ему через Луизу благодарность командования военной разведки и признательность от себя лично за мужественные и

результативные действия.

В ноябре— декабре 1962 года Мюрат продолжал свои усилия по добыванию совершенно секретных программных документов вооруженных сил НАТО и США.

В середине ноября он приезжает в Париж, встречается с Луизой и передает ей одну фотопленку с дополнениями к «Перечню целей для атомных ударов», а также рукописную информацию. Из-за важности и срочности этой информации Мюрат пошел на нарушение договоренности не передавать через Луизу рукописных текстов. В пленке находились данные на 26 дополнительных целей на территории СССР для 17-й воздушной армии США. В рукописном донесении на 11 листах текста приводились точные сведения о распределении ядерных сил и средств по планам авиационных командований НАТО. В частности, в плане «Кенгуру» указывались 32 цели, в плане «Вомбат» — 95 целей, «Пикок» — 91 цель, «Динго» — 191 цель.

Невозможно представить, что произошло бы в Европе в случае реализации этих планов. Разрушения, массовая гибель людей, радиоактивная зараженность территории. Это была бы катастрофа планетарного масштаба.

В декабре Мюрат добыл новый «План Верховного Главнокомандующего ВС НАТО в Европе № 200/61 по нанесению ядерных ударов» и «Наставление ВС НАТО по применению ядерного оружия» с конкретными данными о новейших ядерных боеприпасах. Оба документа были отнесены к разряду особо важных.

Понимая исключительную важность и ценность документальной информации Мюрата для нашего государства, еще в октябре 1962 года резидент Иван Чередеев возбудил ходатайство о присвоении Мюрату звания Героя Советского Союза. Документ заканчивался следующими словами: «Это единственная мера, которую Мюрат оценит в полной мере. Она придаст ему силы преодолевать и дальше сложную обстановку. Мюрат понимает, что его заслуги в настоящее время, по крайней мере, не ниже заслуг тех иностранцев, которые получили высокое звание Героя в период войны, помогая нашим вооруженным силам».

Все основания для присвоения Мюрату звания Героя Советского Союза были. Сегодня, анализируя работу ценнейшего агента ГРУ, который 10 лет трудился на Советский Союз, понимаешь — он всегда находился на острие нашей разведывательной деятельности.

Однако на представлении парижского резидента начальник Главного разведывательного управления наложил тогда

резолюцию: «Не надо спешить. Серов».

Официально Центр дал резиденту следующий ответ: «От имени командования поблагодарите Мюрата за большую работу по фотографированию перечня целей. Предложите ему 15 тысяч долларов для решения вопросов с арендой дома. В случае финансовых трудностей пусть не стесняется сообщить об этом через Луизу.

Возбуждать ходатайство о присвоении звания Героя Советского Союза считаем преждевременным…»

Так мы сами подталкивали Мюрата к переориентации с идейного мотива сотрудничества на материально-денежный. Это было, несомненно, ошибкой.

Критикуя себя и свое руководство, Любимов говорил: «Мы не особенно стремились (может быть, окрыленные результатами работы) вникнуть во внутренний мир Мюрата, взглянуть его глазами на реальную жизнь и обстановку. А он был очень одинок! Ему не с кем было поделиться своими болями и сомнениями, обсудить проблемы, посоветоваться».

Об этом он не раз признавался Вику. Мюрат особенно раскрылся, когда они с Любимовым путешествовали по СССР. Он был раскрепощен, откровенен. Совсем другой человек, нежели тот, с которым приходилось встречаться во Франции.

Через тридцать лет, в 1997 году, Виктор Любимов напишет на имя руководства ГРУ ходатайство о присвоении Мюрату звания Героя России посмертно. В своем обращении он подчеркнет: «… Начиная с 1963 года резидент и командование управления практически ежегодно вполне обоснованно ходатайствовали о представлении Мюрата к званию Героя Советского Союза».

К сожалению, это звание Мюрату так и не было присвоено.

Однако возвратимся в 1963 год, когда Мюрат стал работать со связником Луизой, под руководством Виктора Любимова.

Это было начало наиболее продуктивного периода деятельности разведгруппы.

В подтверждение приведу архивные документы. В одном из них говорится: «С 1963 года, несмотря на сложную обстановку и жесткий контроль за прохождением документов, благодаря мужеству, инициативе, самообладанию и находчивости, а также хорошо налаженной связи через связника, Центр получал большое количество документов, в которых освящался целый ряд программных вопросов ведения войны, с использованием ядерного оружия, состояния боевой подготовки и строительства ОВС НАТО, с перспективой на несколько лет вперед.

С 1963 по июль 1965 года от Мюрата было получено 40 документов особой важности и 140 ценных документов».

Как, каким образом удалось добыть такое количество уникальных документов? Об этом в следующей главе.

РИСКОВАТЬ АГЕНТОМ НЕ СЛЕДУЕТ

Возвратившись из очередной поездки в Западную Германию, агент-связник Луиза сообщила в парижскую резидентуру: «Мюрат просит о встрече с Виком».

Резидент срочно сообщил об этом в Центр. Предложение было неожиданным, времени на подготовку в обрез. Писать план, утверждать его в Москве некогда. Да и, откровенно говоря, в положительное решение не очень верилось. Словом, ждали отказа. Но Центр на удивление дал «добро» и доверил подготовку встречи резиденту и Любимову.

По существу прошло три месяца, как Любимов принял на связь группу Мюрат — Луиза. Это были до предела загруженные, тяжелые, но продуктивные месяцы. Состоялось шесть операций по приему материалов. Каждая операция связана с поездкой Луизы к Мюрату, с вывозом секретных документов, их фотокопированием, доставкой через границу, закладкой в тайник, получением документов из тайника.

«Справка

из документа Центра о работе за II квартал 1963 года от 30.07.63 г.

Любимов— опытный, активный и наиболее загруженный оперативный работник. В работе четок и аккуратен. Руководит группой агентов особой важности — ценных источников военно-политической и военно-технической информации в составе: Мюрат, Луиза, Гектор, Бернар.

Генерал-лейтенант Коновалов».

Годовое задание резидентурам ГРУ за рубежом на 1963 год предписывало: добыть документацию новейшего американского самолета «Фантом-110». Сложность была в том, что к этой документации были допущены высшие офицеры НАТО, и только американцы. Мюрат, как известно, не являлся американским военнослужащим, но материалы по «Фантому» добыл.

В тот день, когда Любимов провел встречу с Мюратом, подробная документация, чертежи самолета были отправлены в Москву.

К тому времени в Центре изучали и доклад по натовским учениям «Осень-62». Их добыл также Мюрат. Оказалось, весьма любопытные учения. Главная их задача — отработка механизма передачи управления силами и средствами Верховного главнокомандующего НАТО главкомам на театрах военных действий.

В материалах, переданных Мюратом, были и документы по

учениям, название которых в переводе на русский звучало как «Южная горчица». Что за «горчичники» собирались нам преподнести натовцы? Например, ядерные удары по целям в южных районах СССР.

К счастью, с помощью агента ГРУ мы знали эти цели. А вместе с ними и количество самолетов-носителей атомного оружия, аэродромы, с которых они стартовали, радиочастоты пилотов.

Словом, материалы поступали столь важные, что забеспокоился сам начальник Главного разведывательного управления. Вскоре в парижскую резидентуру поступило его требование. Оно было столь необычным, что даже самые опытные сотрудники растерялись. Генерал Ивашутин грозно назидал: ежели документы ценные, но не представляют особой ценности, то рисковать из-за них агентом не следует.

Вот так указание! Если военная разведка гонялась по всему миру за ценными материалами и, добыв их, по праву ожидала похвалы, то тут вопрос ставился принципиально иначе.

Было о чем задуматься и резиденту, и оперативному офицеру Любимову.

Такова в общих чертах была обстановка накануне встречи Мюрата и Любимова в июне 1963 года. Речь на ней пошла о будущем агента. Перевод его из Западной Германии во Францию, в Порт-Дофин, оказался под вопросом. Командование почему-то задержало на своем посту офицера, которого должен был сменить Мюрат. Но Мюрата уже поспешили освободить от прежней должности. И он «повис». Начали искать нечто подходящее, в соответствии с его опытом, званием.

Разумеется, Мюрата волновало не только само будущее назначение, престиж должности, оплата, но и информационные возможности, доступ к секретным документам.

Мюрат был взвинчен, расстроен. Главная задача Любимова состояла в том, чтобы успокоить агента. Гнев, обида не самый лучший советчик в такое время.

Любимову удалось-таки уговорить, обнадежить Мюрата. Он обещал поддержку, как моральную, так и материальную. В конце концов, Мюрат с улыбкой махнул рукой: «Может, ты и прав, Вик. Давай подождем, посмотрим, как дальше будет…»

На том и порешили. Мюрат уходит в отпуск, уезжает отдохнуть в свое родовое имение. А после отпуска, возможно, многое прояснится. О чем он и сообщит через Луизу.

Кстати, добавил Мюрат, у него сейчас близкие отношения с интересной женщиной. Он знал ее еще по прежней службе на Ближнем Востоке. Занимает весьма ответственный пост —

секретаря посла одного из диппредставительств.

Что ж, Вик одобрил его выбор. Но попросил все делать без спешки, тщательно продумывая каждый шаг.

Расстались тепло, пожелав друг другу хорошо отдохнуть.

Возвратившись в резидентуру и доложив о встрече, Любимов занялся изучением структуры организаций НАТО, расположенных в Порт-Дофин. Он не сомневался, что Мюрату найдут должность в каком-нибудь из его многочисленных подразделений. Здесь, в районе Булонского леса, располагался Совет НАТО, Генеральный секретариат, аппарат самого Генсека, а также исполнительные комитеты НАТО, управления — по вопросам внешней политики, информации, экономики и финансов, отдел планирования.

Все это были авторитетные органы, и назначение Мюрата в любой из них сулило немалые перспективы для нашей военной разведки.

Однако задумываться приходилось не только о судьбе Мюрата, но и о своей собственной. Телеграмма начальника ГРУ генерала Петра Ивашутина о необходимости беречь агента и не рисковать им говорила о том, что европейское управление еще раз проведет тщательный анализ его, оперативного офицера Любимова, работы.

Во главе направления стоял тогда Никита Иванович Самокиш (оперативный псевдоним «Сомов»). Он и занимался анализом и оценил работу Любимова с Мюратом, как «совершенно правильную».

Мюрату рекомендовал уйти в глубокое подполье, работу с документами не вести, Луизе — без крайней необходимости Вика на связь не вызывать. Ее поездки к Мюрату прекратить.

Как раз с этой рекомендацией Сомова Любимов был не согласен. Трещала по швам любовная легенда Мюрата и Луизы. Ведь если работа по добыванию и фотографированию документов будет прекращена, то поездки Луизы не представляют опасности, а только укрепляют легенду Что это за любовница, которая месяцами не посещает своего друга?

Но согласен — не согласен, а анализ Самокиша вскоре поступил в резидентуру в качестве указаний Центра. А указания, как известно, надо исполнять.

Возможно, все так бы и шло своим чередом: работа Любимова с Мюратом и Луизой, анализ Центра, указания Центра… Только вот разведка — это такая область деятельности, что в ее, казалось бы, «размеренную» жизнь всегда может вмешаться третья сила. Вмешаться грубо, дерзко, не спрашивая разрешения и не расшаркиваясь в извинениях. Имя этой бесцеремонной силы — контрразведка (КРО).

«Справка

о случаях слежки за работниками парижской резидентуры от 31.07.1963 г.

Капитан 2-го ранга Любимов В.А. поддерживает связь с ценными агентами: Мюрат, Луиза, Гектор, Бернар. От работы по заведению новых знакомств освобожден. Возможное внимание к нему со стороны контрразведки объясняется тем, что его предшественник капитан 1 — го ранга Сверлов В.М. в силу неумных действий привлек к себе внимание КРО.

За тов. Любимовым было 2–3 слежки в год. Специального внимания к нему со стороны КРО не отмечалось».

Казалось бы, ничего тревожного. Тем не менее, начальник европейского управления наложил резолюцию: «Использование на оперативной работе Любимова проводить с большой осторожностью».

Резолюция, что и говорить, верная, но на связи у Любимова четыре ценных агента и со всеми надо работать. Случалось, что Виктору с Луизой приходилось встречаться каждую неделю. Вот тебе и конспирация и осторожность.

Это понимает и резидент. 9 августа 1963 года он направляет в Центр свои предложения по усилению безопасности оперативной работы Любимова.

«Учитывая большую загрузку, — пишет резидент, — оперативного офицера Любимова ценными связями и отсутствие у него дипломатического паспорта, с января 1964 года передать агентурную группу Мюрат-Луиза на связь другому оперативному офицеру с дипломатическим паспортом.

На связи у Любимова оставить только Гектора и Бернара».

Предложения резидента поддерживает в Центре начальник направления и выносит их на утверждение начальника управления.

Но начальник европейского управления колеблется. Он думает целый месяц и, наконец, пишет в левом верхнем углу документа: «Согласен». Но не поясняет, с чем согласен. Как показала жизнь, он был согласен со всеми предыдущими пунктами, кроме одного — передачи Мюрата и Луизы другому оперативному офицеру.

Обстановка развивалась по своему сценарию. В середине июля 1963 года из командировки были отозваны резидент и его заместитель, так как оба оказались засвеченными предателем Пеньковским. Центр перешел на прямое руководство оперативной работой Любимова, давая ему указания напрямую и требуя своевременных и полных докладов о проводимых мероприятиях. Работа продолжалась.

А тем временем Луиза получает сигнал от Мюрата и, несмотря на все запреты Центра, выезжает в Западную Германию.

Любимов не в силах что-либо предпринять. Остается только сообщить об этом в Центр. Что он и делает.

Но самое неприятное случается потом. Когда по всем расчетам Луиза должна возвратиться и выставить сигнал, этого не случается.

Луиза молчит. Центр нервничает и забрасывает резидентуру телеграммами: «Доложите, вернулась ли Луиза?», «Сообщите, где Луиза, что случилось?».

Что случилось? Ответ на этот вопрос хотел бы знать и сам Любимов. Он не хуже Центра понимал, чем может грозить молчание связника.

К счастью, все обошлось. 1 сентября Луиза выставила сигнал. Оказалось, она возвратилась и сразу слегла, заболела. На следующий день, 2-го, они уже встретились, и Любимов принял материалы.

Привезла Луиза и добрые вести относительно дальнейшей судьбы Мюрата. Он наконец был назначен на новую должность, но не в Порт Дофин, как планировалось раньше, а непосредственно в штаб Верховного Главнокомандующего НАТО. Казалось бы, все устроилось наилучшим образом. Но и тут, оказалось, были свои сложности.

В штабе, куда переводился Мюрат, в должности заместителя Главнокомандующего служил генерал де Леплер, в прошлом муж его старшей сестры. Сестра, легкомысленная барышня, связалась с каким-то бизнесменом, бросила генерала. Они развелись. Генерал обиделся на всю родню. Теперь Мюрат опасался неприязни бывшего шурина.

Любимову оставалось лишь надеяться, что Мюрат излишне драматизирует ситуацию и уповать на порядочность генерала де Леплера. Как, впрочем, в будущем и случилось. Генерал забыл обиды, встретил Мюрата как родного. Потом Мюрат пользовался его особым доверием и покровительством. Кстати, их доверительные отношения помогли нашей разведке получить много особо ценных документов.

…В середине февраля 1964 года новый резидент ГРУ в Париже Никита Самокиш докладывал в Центр о работе за IV квартал прошедшего года:

«В настоящее время наиболее опытным и активным работником резидентуры является капитан 2-го ранга Любимов В.А.

Любимову, поддерживающему связь с наиболее ценной агентурой, вербовочной работой заниматься запрещено.

Такое положение считаю не совсем нормальным, так как оно сильно снижает возможности резидентуры по заведению перспективных знакомств с целью подготовки новых вербовок. В связи с этим считал бы целесообразным постепенно разгрузить Любимова от важных агентурных связей с тем, чтобы более продуктивно использовать его опыт и личные деловые качества для установления новых перспективных знакомств с целью их последующей вербовки.

При принципиальном согласии Центра доложу более конкретные предложения по этому вопросу».

Так вновь возникает предложение, которое обсуждалось несколько месяцев назад: «разгрузить Любимова от агентурных связей». Теперь в качестве главной причины называются новые вербовки.

Сегодня сложно говорить, что послужило толчком к подобному предложению. Возможно, за ним и не следует искать какого-то подтекста. Новому резиденту нужны были новые агенты, важные источники, и он хотел использовать для этого «опыт и личные деловые качества» Любимова.

Помните, раньше мы говорили о вербовщиках как об элите разведки? Сдается мне, и резиденту Сомову хотелось использовать свою элиту — вербовщика Любимова. Иное дело* тут же возникал вопрос: кому передать эту «великолепную четверку» агентов — Мюрата, Луизу, Бернара и Гектора. Ведь каждый из них стоил многих. А не получится так, что, погнавшись за «новыми знакомствами», мы потеряем старые, проверенные, особо ценные?

Над этим крепко задумывался Центр. И как бы ни был велик соблазн «бросить» Любимова на вербовку, в конце апреля 1964 года, через два с лишним месяца раздумий, Москва ответила: «нет».

«Парижская резидентура. Сомову

Учитывая данные о том, что противник подозревает Любимова в принадлежности к разведке, а также проведенные им две ценные вербовки, специальных задач ему по поиску новых лиц не ставьте, а используйте для эффективного руководства сложными в информационном отношении агентами: Бернаром, Артуром, Арманом.

Коновалов».

Через неделю, в начале мая 1964 года, Центр, подводя итоги работы в I квартале, напомнит своему резиденту в Париже еще раз:

«Любимов — наиболее загруженный оперативный работник. Поддерживает связь с ценной агентурой. Проанализировав за

истекшие 3 месяца все аспекты работы агентов, находящихся на связи у Любимова, мы пришли к выводу, что передавать кого-либо из этих людей от него к другому оперативному работнику в ближайшие 8—10 месяцев нецелесообразно. К этому вопросу следует вернуться позднее».

Но больше к этому вопросу уже никто не возвращался. Виктор Андреевич работал с четырьмя ценными агентами — Мюратом, Луизой, Бернаром и Гектором до своего возвращения в Москву в июне 1965 года. Правда, к ним еще присоединились агенты Артур и Арман. Но о них особый, отдельный разговор.

ОТПУСК РАЗВЕДЧИКА

Рассказывая о работе Любимова с Мюратом и Луизой, мы не должны забывать, что у него на связи были и другие агенты, и ими тоже надо было руководить, обеспечивать безопасность, организовывать встречи, принимать материалы и документы, словом, осуществлять весь комплекс разведывательных мероприятий. Мы уже говорили о том, как в сентябре 1963 годаВиктор Любимов провел встречу с прилетевшим из США агентом Гектором, принял от него 67 катушек фотопленки с отснятыми совершенно секретными материалами и, через несколько дней, с чувством исполненного долга, написал рапорт на отпуск.

Он порядком устал, замотался. Кроме Гектора на его шее был Бернар, Мюрат с Луизой. Все ценные агенты, которых Москва ни на минуту не выпускала из своих цепких рук.

Телеграмма об отпуске была направлена в Центр. Но оттуда пришел дословный ответ: «Обсудите с Луизой перспективу ближайшей работы с Мюратом. Эта информация даст возможность решить вопрос об отпуске».

Ну что ж, пришлось организовать встречу с Луизой, утрясать все волнующие Центр вопросы. И только в начале ноября Любимову предоставили законный отпуск.

Теперь путь лежал из Парижа в Москву. Из Москвы в Ленинград, чтобы увидеть сына и дочь, которые находились у родителей жены. А из Ленинграда — в Сочи, в центральный военный санаторий.

По старой доброй традиции наших военных санаториев супругов Любимовых поселили порознь. Его — в номер к холостякам, ее — к женщинам. С отдельными номерами даже в ноябре оказалась напряженка.

Прошло три дня суматошной жизни — Валентина в одном крыле корпуса, он в другом. Первые хождения по врачам, поездка на Мацесту.

Наконец 16-го утром им дали номер на двоих. Переселение, обед и… к морю. День выдался на славу— солнечный, теплый. Виктор даже решился искупаться. Словом, отдых налаживался.

В добром настроении они возвратились с моря, а в дверях номера записка: «Тов. Любимов, зайдите к начальнику санатория».

Кто знает, зачем он понадобился начальнику санатория? Пошел.

— Вы меня приглашали?

— Да, вот вам телеграмма. Ознакомьтесь.

Глянул. Внизу под текстом подпись: «генерал-полковник Ивашутин». Эта подпись не сулила ему, отпускнику, ничего хорошего. «Оформите прекращение санаторного лечения капитану 2-го ранга Любимову с женой. Обеспечьте вылет самолетом 17 ноября в Москву».

Начальник санатория сочувственно развел руками: «Билеты заказаны. Завтра моя машина отвезет вас в аэропорт».

Утром началась беготня: получить деньги за неиспользованные дни, справку, медкнижку, сдать номер. Самолет улетел из Адлера в полдень. Вылетели голодные и злые.

Во Внукове уже ждала машина. Старший офицер на французском участке Нил Ленский встречал с шуточками-прибауточ-ками: «Приветствуем вас в столице нашей Родины — Москве».

— Нил, что случилось? Зачем с женой-то?

Ленский хитро щурился.

— Это для большего легендирования…

Оказалось, отпуск своему другу Клоду основательно испортил Гектор, разумеется, сам того не желая.

Казалось бы, теперь, после проведения незапланированной встречи с Гектором, сумасшедшая десятидневка наконец закончилась и ничего не препятствовало возвращению Любимова в Москву. Но как раз в это время резидентура получила письмо от Луизы. Она писала, что ее вызывал на встречу Мюрат. Агент считал, что наступил удобный момент возобновить работу, к тому же ему надоело бездельничать. И Луиза, несмотря на запрет Центра, уехала на встречу. Вместе они отсняли 11 пленок.

Луиза также писала, что Мюрат просит достать для него 6 билетов на концерт ансамбля песни и пляски Советской Армии им. Б. Александрова, гастроли которого предстоят в Париже.

Резидент сочинил телеграмму в Москву, в которой просил разрешения отправить Любимова на родину, чтобы тот поскорее отгулял отпуск. Он также предлагал на месте, в резиден-туре, проявить отснятые Мюратом пленки и ходатайствовал о билетах на концерт.

Центр отреагировал быстро — разрешил отпустить Любимова в Москву, все остальное запретил — и проявлять пленки, и отказал в билетах, ссылаясь на безопасность агента.

А резидент к тому времени уже поторопился заверить Мюрата, что билеты будут, пусть не волнуется.

Из отпуска Любимов возвратился 21 декабря. На следующий день получил сигнал: Луиза просила о встрече. 23-го они уже встретились.

Вот как сам Виктор Андреевич вспоминал тот день: «Операция была солидно обеспечена — страховочная машина, контрольные точки, наблюдение, система сигналов… Словом, вышел на контакт с ней в полной уверенности, что чист, как стеклышко. Сам проверил район встречи, приехав туда минут за тридцать. В общем, все нормально.

Правда, Центр рекомендовал провести встречу на улице в движении, но в Париже стояла на редкость мерзкая погода, ветер, дождь со снегом, и я решил нарушить указания начальства. К тому же Луизу знобило после болезни, и мы нашли с ней малолюдное, уютное кафе. Забрались туда, заказали по бокалу грога и после нескольких общих фраз о здоровье и семье перешли к делу».

А дела обстояли не лучшим образом. Мюрат был раздражен перерывом в работе. Он передал, что не видит для этого веских и убедительных доводов, а напряженная обстановка, на которую ссылается резидентура, наоборот, должна диктовать более активную работу разведчику. А запрет он расценивает как недоверие к нему.

Луиза передала и большую обиду Мюрата. Он просил всего шесть билетов на концерт ансамбля Б. Александрова для сына и своих друзей. Ему обещали и не выполнили. Мюрат достал эти билеты, правда, с трудом. И вот с таким настроением он настойчиво просил о встрече с Виком.

Что и говорить, Любимов был не на шутку встревожен. Не хватало только обид Мюрата по таким пустякам, как билеты на концерт. Но для Мюрата это оказалось не пустяковым делом. Страна, которой он служил честью и правдой вот уже много лет, отказала в ничтожной просьбе…

«Не иначе взбеленился мужик», — подумал тогда Виктор. В общем, еще одна головная боль. Резидент и Центр не поняли друг друга, а «утрясать» опять ему, оперативному офицеру Любимову.

Волновало и нынешнее положение агента. О нем было известно немногое. То, что Мюрат переведен к новому месту службы, на солидную должность, заместителем начальника управления. С бывшим шурином, генералом де Леплером у них сложились добрые, дружеские отношения. Но генерал вскоре собирался увольняться со службы, и оставшееся время Мюрат хотел использовать эффективнее.

Кое-что о теперешних возможностях Мюрата поведала Луиза.

Доступ к секретным документам НАТО у него оставался. Однако ужесточились условия работы с материалами. Дело в том, что секретная часть находилась в одном здании и покидать его не было необходимости. Кабинет Мюрата располагался на первом

этаже, а «секретка» на втором.

Фотосъемку вести в кабинете невозможно. По существующим здесь правилам двери кабинетов в рабочее время не запирались. Кроме того, ежедневно после обеда кабинет с ним делил полковник-англичанин, помощник начальника управления.

И наконец, самое сложное, Мюрат работал во французском коллективе, а не как прежде, в американском. А это значит, вопросы безопасности курировали французские спецслужбы. Правда, секретные документы выдавали два уорнет-офицера, один — француз, другой — американец. Они же и следили за возвратом материалов в секретную часть.

Тем не менее, несмотря на все трудности, Мюрат настаивал на возобновлении работы с документами. И отснятые пленки — доказательство того, что эта работа возможна. Он сумел вывезти документы на машине, ибо автомобили полковников и генералов штаба не подлежали досмотру. Правда, резко сокращалось время на фотокопирование, возрастал темп работы. Тут Мюрат сам помогал Луизе, особенно если документы объемные, сброшюрованные. Такова была технология работы, опасная, рискованная, во многом зависящая от времени и случая. И тем не менее первый результат этой работы — 11 пленок, на которых запечатлены совершенно секретные документы.

В стремлении Мюрата к работе с документами была и еще одна вполне прозаическая сторона. Через полтора года, в середине 1965-го, ему предстояла отставка и жизнь на офицерскую пенсию. С чем же он подходил к этому не простому для любого офицера рубежу?

Его развод состоялся, дом перешел к жене. Он жил на служебной квартире. Серьезно пошаливало здоровье. Возраст не давал возможности рассчитывать на высокооплачиваемую работу на гражданке.

Перед Мюратом вставали достаточно серьезные личные проблемы, и он был не прочь заработать на старость. Мечтал купить квартиру в каком-нибудь тихом парижском районе, жениться на Луизе.

Расставшись с Луизой, Любимов еще долго будет вспоминать встречу, размышляя и пытаясь понять состояние Мюрата. Тревожные мысли бередили душу.

Видимо, это наложило отпечаток и на письмо, которое ушло в Центр, где Любимов докладывал о встрече с Луизой. Ответ из Москвы пришел уже в январе 1964 года. Замечаний по встрече не было. Центр разъяснял свою позицию. Он сообщал, что сознательно идет на сокращение информации от Мюрата для того, чтобы сохранить его на длительный период.

Но о каком длительном периоде шла речь, если отставка приближалась со скоростью курьерского поезда? Может, Центр рассчитывал на будущее трудоустройство Мюрата? Кто знает?

Далее Центр, подчеркивая заботу об агенте, просил тем не менее, чтобы Мюрат предварительно докладывал наименование и краткое содержание документа. На деле это выглядело примерно так: взять документ, проработать, составить краткую аннотацию, передать ее в резидентуру. И жать ответа. В Москве рассмотрят, решат, дадут или не дадут «добро». Если дадут, снова взять документ, вывезти из штаба, фотокопировать, передать через связника. А если во второй раз этот документ достать не удастся, что тогда?

Ведь речь шла о материалах высшей степени секретности, государственной важности.

Зная характер Мюрата, Любимов понимал: подобные указания вызовут лишь раздражение агента. И в конечном итоге он будет поступать как ему удобнее.

Заканчивалось письмо из Центра очень нужными словами: «Надо заверить Мюрата, что независимо от количества добытых документов мы окажем ему необходимую материальную помощь. Ему не следует об этом беспокоиться и рисковать своей безопасностью в стремлении накопить денег в преддверии скорой отставки».

Много лет спустя рассказывая об ответе из Москвы, Виктор Андреевич Любимов признался в беседе с автором: «К сожалению, красиво было на бумаге. В жизни получилось намного сложнее. С одной стороны, Центр говорил о сокращении информации, а с другой — еще в декабре, накануне моей встречи с Луизой, прислал задание на 15 документов НАТО. Это были важнейшие программные документы. Вот такой парадокс».

…В марте 1964 года должна была состояться встреча Мюрата с Виктором. Весь февраль шла переписка. Агент предлагал окончание месяца, но дата совпадала с пасхальными праздниками. А на Пасху намечался прилет Гектора из США. Наконец, середина апреля удовлетворила всех.

Но до апрельской встречи Мюрату удалось добыть новую серию важных государственных документов. Общий объем материалов составлял 800 листов.

«Сов. секретно Экз. единственный

ПЕРЕЧЕНЬ Информационных документов, добытых агентурным путем

1. Доклад о состоянии вооруженных сил НАТО за 1963 год, изданный штабом командования Центрально-Европейской зоны НАТО, от 17.2.64 на 110 фотолистах, гриф: «Космик-Сов.

Секретно».

2. Протокол совещания высшего командования Центрально-Европейской зоны НАТО от 22.10.63 по вопросам:

— обмен мнением о возможном характере будущей войны (с использованием или без использования ядерного оружия);

— о трудностях, вызванных характером вооружения, которым в настоящее время располагают сухопутные войска и ВВС, а также о направлении развития этого вооружения;

— о возможной структуре развертывания тылов в Западной Европе в условиях атомной войны в рамках «передовой стратегии».

Документ издан 20.1.64, на 54 фотолистах и имеет гриф: «Космик-Сов. Секретно».

3. Проект полуавтоматической системы передач срочных данных дальнего обнаружения в оперативный центр командования НАТО в Европе, изданный штабом НАТО на 420 листах, гриф: «НАТО-Секретно».

4. Директива «ШЕЙП» главнокомандующим на театрах военных действий в Европе № 1840.3/20 от 4.11.63 по разработке плана строительства объединенных вооруженных сил НАТО в Европе на 1970 год на 86 листах, гриф: «НАТО-секретно».

5. Документы штаба сухопутных войск НАТО в Центрально-Европейской зоне, являющиеся приложениями к какому-то документу (три приложения на 34 листах, два из которых имеют гриф: «НАТО-конфиденциально» и одно — «НАТО-секретно», все приложения датированы — 8.1.64):

— Приложение 3— Оценка возможностей инженерной техники Советской Армии, по докладу штаба американского командования;

— Приложение 4— О борьбе с действиями амфибийных средств по форсированию водных преград, по взглядам военного министерства ФРГ;

— Приложение 6— О задачах и организации инженерных подразделений дивизии типа «Ландсент», по докладу министерства национальной обороны Нидерландов.

6. Взгляды на оперативное использование самолетов с вертикальным взлетом для воздушного нападения и ведения разведки, документ издан 10.10.63 на 41 листе, гриф: «НАТО-Секретно».

Инженер-контр-адмирал В. Соловьев.

1.4.1964 г.».

Даже не подготовленный в военном отношении человек, читая этот «Перечень документов», может убедиться в умении Мюрата добывать ценные материалы из разных областей военной

деятельности. Здесь научные стратегические разработки по теории ведения войны (характер будущей войны, как с применением ядерного оружия, так и без него, вооружение, структура развертывания тылов), и сугубо штабные документы по строительству объединенных вооруженных сил НАТО в Европе (директива штаба «ШЕЙП» и штаба Сухопутных войск НАТО в Центрально-Европейской зоне).

Интересны и материалы по более узкой тематике, например, оценка возможностей инженерной техники Советской Армии, по докладу штаба американского командования.

Что и говорить, ведь очень важно знать не только состояние техники и вооружения противника, но и обратное — что этот противник знает о нашей технике и как ее оценивает. В данном случае речь идет об инженерной технике.

Однако Мюрат добывает материалы, касающиеся не только НАТО вообще или вооруженных сил США в частности. В перечне есть документ, представляющий взгляды военного министерства ФРГ — о борьбе с действиями амфибийных средств, а также министерства национальной обороны Нидерландов — о задачах и организации инженерных подразделений дивизии типа «Ландсент».

Завершает перечень документ, раскрывающий взгляды на оперативное использование самолетов с вертикальным взлетом для воздушного нападения и ведения разведки.

Надо сказать, примечательный «Перечень». И грифы секретности на этих материалах самые высокие: «Космик. Совершенно секретно», «НАТО. Секретно». «Перечень» был подготовлен для начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР Маршала Советского Союза Бирюзова.

Весьма скупой на похвалу Маршал собственноручно написал: «Очень хорошо. Надо всесторонне изучить материалы. Выводы доложить. 3.04.64 года».

Здесь следует подчеркнуть одну особенность в деятельности Мюрата. За годы работы с ГРУ (а к тому времени он уже сотрудничал с советской военной разведкой более 5 лет) агент обрел опыт и оперативную интуицию. Многие материалы поступали в Центр с опережением и порой оказывались более «свежими», чем хотела Москва.

Так Центр в своем задании приказал добыть «Директиву штаба «ШЕЙП» главнокомандующим на театрах военных действий в Европе по разработке плана строительства объединенных вооруженных сил НАТО на 1970 год». Указывалось: нужна Директива за июль, а Мюрат добыл, что называется, «горячую», из-под пера. Она датирована 4 ноября 1963 года.

А доклад штаба командования ЦЕ зоны НАТО и вовсе «горяченький». Подписан в середине февраля 1964 года, а в начале апреля он уже оказался на столе начальника Генштаба Вооруженных сил СССР.

Протокол совещания высшего командования ЦЕ зоны НАТО был как раз тем документом, который заказывал Центр. Правда, по свидетельству Любимова, заказ не успел дойти до Мюрата.

Зато Мюрат успел передать его инициативно. Это характерный пример того, как агент ГРУ тонко чувствовал нужды командования разведки и оперативно действовал.

В середине марта Любимов отработал и направил в Центр план проведения встречи с Мюратом. План был достаточно лаконичный и состоял всего из 4 пунктов: цели и задачи встречи, место и время, организация проведения встречи и обеспечение безопасности.

Самое важное Любимов изложил так:

«Москва. Центр. Коновалову

Переносить встречу на более позднюю дату считаю нецелесообразным, так как это может вызвать резко отрицательную реакцию Мюрата.

Надо учитывать и то обстоятельство, что он, несмотря на указания Центра, продолжает проводить работу по изъятию документов в недостаточно известной для нас обстановке и без наших конкретных советов и рекомендаций. Такое положение явно ненормально и таит в себе большой риск.

Лютое. Париж»

А суть состояла в том, что должен был прилететь представитель Центра и встречу вполне могли «подверстать» к его прибытию. Резидент поддержал своего оперативного офицера.

До апрельской встречи Мюрата с Любимовым еще было время, и резидентура пригласила Луизу. Надо было узнать последние данные по Мюрату.

Луиза рассказала о том, что Мюрат улетел в США на учения, но к сроку вернется. Но самое главное было в другом. Мюрат встречался с министром обороны. Они были товарищами по школе. Министр принял его радушно, как и подобает однокашнику, поговорил, угостил кофе с коньяком, но тактично дал понять, что на генеральское звание Мюрат рассчитывать не может.

И еще, добавила Луиза, Мюрат внес аванс за квартиру, но ему не хватает около 30 тысяч франков.

Вскоре резидентура ходатайствовала, и Центр дал согласие на выделение нужной суммы.

А запланированная встреча состоялась вовремя. На ней

присутствовал представитель Центра— Ярошенко («Яшин»). Он привез Мюрату две специальные технические разработки ГРУ — диктофон, на который агент мог бы наговаривать текст, считывая его с документа, а также фотоаппарат, замаскированный под портсигар.

С диктофоном, кстати говоря, произошла такая история. На том самом «Перечне документов», о котором мы рассказывали раньше, сохранилась запись. Генерал Иван Чередеев пишет, что «резидент просит выслать почтой хорошо проверенный и опробованный в работе миниатюрный звукозаписывающей аппарат «Мезон» (или какой-либо другой), с запасом катушек, и, по возможности, инструкцию.

Аппарат целесообразно показать на инструктивной встрече с агентом, чтобы он мог сделать заключение о возможности его использования. Если он согласится, аппарат можно ему передать через тайник».

Судя по всему, с этим согласен и начальник направления генерал Чередеев и начальник управления адмирал Соловьев. А вот у руководителя ГРУ генерал-полковника Ивашутина, кажется, иное мнение. Во всяком случае, по резолюции, которую он написал на докладе подчиненных, видно, что Петр Иванович сомневается.

«Нужно ли давать М. аппарат «Мезон»? — задает он вопрос. — С какой целью? Прошу доложить ваше мнение».

Ивашутин в своих сомнениях оказался прав. Мюрат сразу отверг предложенный диктофон. Мол, при случае, как он объяснит наличие у него миниатюрного записывающего устройства, да еще с надиктованным текстом.

А вот фотоаппарат, это чудо шпионской техники, вызвал большой интерес. Он был с подсветкой, работал в автоматическом режиме практически бесшумно. Мюрат курил, и наличие портсигара не вызывало никаких подозрений.

Однако, как показала жизнь, фотопортсигар требовал большого терпения и аккуратности. По документу аппарат надо было двигать только слева направо, с определенной скоростью, не торопясь. Мюрат этакой размеренной работы не выдерживал, и отснятые кадры в Москве не могли «вытянуть» даже опытные опертехники. От фотопортсигара пришлось отказаться.

В ходе встречи были оговорены многие необходимые вопросы — конспиративная связь, легендирование, в том числе и финансовые проблемы.

Встреча Мюрата с представителем Центра, несомненно, подняла настроение агента. Мюрат видел искренность со стороны советских друзей, понимал, что его ценят и помнят в Москве. Он

был раскован, много шутил, рассказывал о национальной кухне. Курил мало. Хорошо разбирался в винах, но пил только в ходе ланча к подаваемому блюду. Крепкие аперитивы принимали только вечером. Пожалуй, во время вотта-

ких длительных встреч, когда он не чувствовал себя одиноким, был заложены основы дружбы, привязанности и откровенности между Мюратом и Любимовым.

Мюрату была обещана финансовая помощь в приобретении новой квартиры и в организации консультации, а если будет необходимо, то и в лечении у советских врачей-специали-стов. Мюрат обратился с просьбой оказать помощь Луизе.

Ярошенко обещал изыскать возможность улучшения жилищных условий связника Луизы. Все это впоследствии было выполнено.

На заботу Центра Мюрат ответил уже через две недели. Резидентура получила шесть особо важных документов, с грифом «Космик. Сов. секретно». Среди них было «Письмо Главнокомандующего объединенными Вооруженными Силами НАТО», в котором давалась оценка состояния сухопутных войск за 1963 год; разработка штаба Главнокомандующего по потребностям НАТО в материально-техническом обеспечении с 1966 по 1970 год; отчет Главнокомандующего ОВС НАТО и командующего сухопутными войсками по результатам учений «Зеленый лев», от января 1964 года; проекты основных положений по боевому применению ракет «Першинг».

А представитель Центра Ярошенко, возвратившись в Москву, написал доклад. Он объективно оценил работу парижской резидентуры, и в частности оперативного офицера Виктора Любимова.

Из доклада представителя Центра.

Ярошенко о работе в Парижской резидентуре от 8.05.1964 года

«Любимов ведет в резидентуре наиболее ответственную работу по руководству четырьмя агентами. Двух из них он вербовал лично.

В работе по руководству этими ценными агентами (Мюрат, Луиза, Гектор, Бернар) проявляет много инициативы, умения, смелости и оперативности. За достигнутые большие результаты в работе, добытые через закрепленных за ним агентов информационные материалы, которые в значительной мере способствовали укреплению обороноспособности нашей родины, Любимов заслуживает в порядке поощрения присвоения досрочно очередного воинского звания «капитан 1-го ранга».

НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК СУПЕРАГЕНТА

1964 год и первая половина 1965-го, несомненно, были наиболее эффективными в деятельности разведгруппы Мю-рат-Луиза.

В этот период руководство нашей страны особенно остро нуждалось в развединформации по ядерному оружию США и НАТО. Ведь международная обстановка тех лет характеризовалась необычайно острым противостоянием двух военных блоков. Страны НАТО в 1962–1965 годах увеличили свои военные бюджеты в среднем на 30 процентов (!). Разумеется, лидерство здесь было за США. Если в 1964/65 финансовом году военные расходы Штатов составляли 51,9 млрд. долларов, то в 1967/68 году они выросли уже до 76,5, а еще через год — до 79,8 млрд. долларов.

Невиданное число — 20 тысяч корпораций-подрядчиков работали на Пентагон.

Середина 60-х годов— это повышенное внимание руководителей США к новейшим военным программам, таким, как разработка баллистических ракет с разделяющимися головными частями, оснащенных приборами индивидуального наведения на цели, внедрение систем противоракетной обороны.

В 1983 году газета «Нью-Йорк тайме» вспоминала о том периоде: «НАТО полагалось… также на французские и английские ядерные силы». И это было действительно так. К 1963 году Англия уже приняла на вооружение 180 стратегических бомбардировщиков «Вулкан» и «Виктор» с ядерным вооружением, а Франция в 1960 году испытала в пустыне Сахара свою атомную бомбу и сформировала национальные ударные силы.

Советский Союз в эти годы значительно отставал от противников. И, разумеется, многое хотел знать об их ядерных планах.

В своих воспоминаниях бывший министр обороны США Роберт Макнамара, рассуждая о ситуации 60-х годов, писал: «Если бы я был советским министром обороны, я был бы чертовски озабочен неравенством сил. И меня бы тревожило то, что Соединенные Штаты стараются создать потенциал первого удара».

Что ж, Макнамара угадал: руководство страны крайне беспокоило наше отставание в ракетно-ядерном потенциале и средствах его доставки. К счастью, военная разведка как могла старалась компенсировать это отставание. Во всяком случае, по части информации об истинном положении дел в стане

противника.

«Совершенно секретно Экз. единственный Маршалу Советского Союза тов. Бирюзову С.С.

Аппаратом ГРУ в Париже добыт проект секретного документа объединенного штаба НАТО в Европе по использованию ракет «Першинг», разработанный 25 февраля 1964 года.

Документ содержит следующие сведения:

— развертывание огневых позиций ракет «Першинг» с ядерным зарядом для поражения ста объектов первой очереди на Центрально-Европейском ТВД;

— организация боевых подразделений ракет «Першинг» и их подчинение;

— боевые порядки подразделений ракет «Першинг»;

— средства связи подразделений ракет «Першинг»;

— предложения по увеличению подразделений ракет «Першинг» на период 1965–1970 гг.;

— количество ракет «Першинг», которые могут быть запущены в первые 20 и 50 минут после команды.

Генерал-полковник П.Ивашутин

16 июня 1964 года».

Как вы уже догадались, дорогие читатели, этот документ был добыт агентом ГРУ Мюратом.

В середине мая он возвратился из служебной командировки из США, у них состоялась встреча с Луизой.

Вскоре резидентура получила новую партию секретных документов. Среди них был и этот, об использовании ракет «Першинг». О нем и поспешил доложить маршалу Бирюзову начальник военной разведки.

Документ позволял судить об истинных целях американцев. Ведь даже сегодня, почти через 40 лет, в некоторых исследованиях можно прочесть утверждение, что после вывода из Европы устаревших, громоздких ракет «Тор» и «Юпитер» США превратились чуть ли не в голубя мира.

Да уж, американская пропаганда умело сыграла на выводе своих ракет.

И действительно «Тор» и «Юпитер», снятые с вооружения в 1963 году, ушли в небытие, но Америка продолжала гонку вооружений, заявляя, будто именно Советский Союз является лидером военных приготовлений.

Это была крупномасштабная фальсификация. Позже ее признали сами американцы. Ученый-ядерщик из США Дж. Кистяковский напишет: «Я убедился, что гонку вооружений подстегивают США, а не СССР»

Г. Йорк в книге «Гонка к забвению», которая вышла в 1971

году, утверждает: «Мы снова и снова предпринимали односторонние действия, которые без необходимости ускоряли гонку вооружений… Во многих случаях мы начинали разработки раньше, чем русские, и легко достигали крупных и долговременных преимуществ по числу развернутых видов вооружений». Но все эти признания прозвучали через много лет, а в начале 60-х психологическая война развернута на полную мощь, и поэтому советскому руководству важно знать истинное положение дел. А оно совсем иное, чем в речах лживых «американских трубадуров».

Об этом можно судить по рапорту начальника европейского управления ГРУ, датированному 4 августа 1964 года. Документ большой, основательный. Только перечисление названий материалов, добытых парижской резидентурой, занимает три страницы текста. И все-таки, пусть в несколько сокращенном варианте, но мне хотелось бы его процитировать. Ибо даже человек, далекий от военного дела, внимательно прочитав его, поймет, какой титанический труд стоит за этими скупыми строками разведдонесений.

Кстати, хочу обратить внимание: рапорт написан в начале августа, а в середине июня генерал Ивашутин уже докладывал маршалу Бирюзову справку по «Першингам». Прошло всего лишь полтора месяца. Это пример того, с какой интенсивностью работала разведгруппа Мюрат — Луиза под руководством Виктора Любимова.

Совершенно секретно Экз. единственный Ггнерал-лейтенанту тов. Кореневскому Н.А.

30 июля 1964 года генерал-полковник тов. Ивашутин П.И. доложил Маршалу Советского Союза тов. Бирюзову С.С. перечень наиболее важных информационных документов, добытых нами в июле с.г.

При рассмотрении этого перечня Маршал Советского Союза тов. Бирюзов С.С. дал указания по некоторым документам, которые в соответствии с достигнутой договоренностью ниже Вам сообщаются:

а) Документы, которые должны быть полностью переведены и доложены лично Маршалу Советского Союза тов. Бирю-зову С.С.:

1. Рекомендации Верховного Главнокомандующего НАТО в Европе по военному планированию.

2. Директива штаба объединенных вооруженных сил НАТО в Европе по вопросам организации специальной связи.

3. Документ НАТО АС/225-Д/39 о взаимодействии в бою танков и пехоты в условиях применения атомного оружия.

4. Предварительный приказ командующего тактическим

командованием Бельгии на учениях «Фаллекс-64».

б) Документы, выводы по которым сообщить начальнику Главного оперативного управления Генштаба:

1. Доклад штаба командования центральной группы войск НАТО по учению «Нюклоджес-2».

2. Два доклада представителей командования штаба НАТО в Европе на совещании по вопросу состояния и перспектив развития трубопроводов НАТО на Центрально-Европейском ТВД.

3. Документ командования 1 КАТАК и командования ВВС Франции в ФРГ о взглядах на ведение войны и военных операций.

4. Документ НАТО АС/225-Д/46 об оперативно-тактических принципах ведения боевых действий НАТО в Европе на период 1979—80 гг.

5. Документ НАТО АС/225-Д/44 — основные оперативнотактические принципы ПТО НАТО.

6. Приказ штаба НАТО на учение «Фаллекс-64».

7. Исходная обстановка на учениях «Фаллекс-64».

в) Документы, выводы по которым необходимо доложить нпучно-техническому комитету Генерального штаба:

1. Техническое описание и рекомендации по использованию электронно-вычислительных машин в автоматизированной системе «Стрида-2», предназначенной для управления силами и средствами ПВО.

2. Документ НАТО АС/174-Р/4 о перспективах развития бронетанковой техники до 1975 года.

3. Документ НАТО АС/174-Д/26 — оперативно-тактические характеристики танков, принятых на вооружение войск НАТО.

4. Документ НАТО АС/185— по средствам инфракрасной техйики сухопутных войск.

г) Документ, выводы по которому доложить Первому заместителю начальника Генштаба генерал-полковнику артиллерии Герасимову А.В.:

1. Документ военного комитета НАТО, содержащий тактико-технические требования к образцам вооружения для трех видов вооруженных сил НАТО на период 1970—75 гг.

д) Документ, выводы по которому доложить генерал-полковнику тов. Болятко:

1. Доклад советника по технике при посольстве Франции в ФРГ министру обороны Франции о состоянии исследований в области атомной энергии.

Инженер-контр-адмирал В.Васильев

4 августа 1964 года».

Есть еще одно обстоятельство, о котором хотелось бы сказать. Документы получены летом 1964 года, но все они ценны своей

перспективностью. Чего стоит документ об оперативно-тактических принципах ведения боевых действий НАТО в Европе уже на следующее десятилетие— 1970–1980 годы (!) или тактико-технические требования к образцам вооружений на 1970–1975 годы.

Позже в одном из своих отчетов Любимов напишет: «Работа Мюрата в июле-августе 1964 года была очень интенсивной. За этот период от него получен 31 документ высшей степени секретности, которые насчитывали в общей сложности около 2300 страниц текста. Но дело даже не в количестве страниц, а в информационной ценности материала. А их ценность была очень высока».

Конец лета и для Любимова оказался перегруженным до предела. Кроме группы Мюрат — Луиза, он вел известных уже читателю агентов — Гектора и Бернара.

Выписка из доклада о работе парижской резидентуры за 1964 год

«Любимов работал много и плодотворно. Он поддерживал связь с ценными агентами Мюратом и Луизой, Гектором, Бернаром, а также сложными в информационном отношении агентами Артуром и Арманом».

Итак, агенты Артур и Арман. Именно в августе 1964 года Виктор Любимов вылетает в Москву, чтобы принять участие во встрече Артура с учеными и представителями нашего военно-промышленного комплекса.

«Москва. Центр. Васильеву

Артур — ценный источник военно-технической информации. Крупный ученый, инженер-конструктор, специалист в области телеуправляемых снарядов, радиоэлектроники.

Ведущий конструктор крупного концерна в области вооружений. Ушел из-за серьезных разногласий с руководством, основал собственное КБ.

Принял предложение скрытно работать по нашим заказам на материальной основе.

К СССР относится без любви, но доброжелательно. Политикой интересуется мало. Испытывает удовлетворение, доказывая свою профессиональную компетентность. Личные отношения корректные, вежливые, уважительные.

Передал много ценной информации по ракетной технике и системам «Найк», «Сайдвиндер», «Фалкон», «Сейфгард», в том числе описание ракетных снарядов «Булпап», «Хорнет», инфракрасной станции «Крусейдер», аппаратуре пеленгования и ПРО кораблей.

Экономический эффект, полученный от информации Артура,

исключительно высок.

Лютое. Париж»

«Предложение поехать в Москву, — вспоминает Виктор Любимов, — Артуром было встречено с пониманием. Ехал он по оперативному паспорту, через третью страну, с обменом документов.

Я встретил его в Москве, разместил на служебной квартире. Квартира удобная, большая, в одном из «сталинских» домов. Там хозяйка за ним ухаживала, готовила. В общем, все соответствовало его положению.

Была согласована программа пребывания, а также бесед с нашими представителями. Мне поручалась роль переводчика.

Наших приехало на встречу человек семь-восемь. Представители министерств — среднего машиностроения, обороны, радиопромышленности… Диапазон вопросов был широк: от конкретных, узкоспециализированных до проблем антигравитации и летающих тарелок. Это уже тогда, в середине 60-х годов.

По оценкам специалистов, встреча удалась».

А в Париже Любимова уже ждала Луиза.

Надо было отработать все детали ее предстоящей поездки в Советский Союз. Так Центр хотя бы в какой-то мере желал отблагодарить своего агента. Луиза очень обрадовалась этому предложению. Что ж, ее чувства можно понять. Хочется посмотреть страну, на которую работаешь, ради которой рискуешь свободой, а возможно, и жизнью.

На исходе августа план поездки Луизы утвердил начальник ГРУ.

В начале сентября Луиза через тайник передала упаковку с двумя пленками и рукописным материалом Мюрата. Материалы оказались исключительно важными.

В них речь шла о военно-стратегических исследованиях НАТО на период с 1966 по 1970 год. Документ был высшей степени секретности и раскрывал основные направления создания новой техники для НАТО.

В сопроводительной шифровке Луиза писала: «Искренне благодарю за предоставленную возможность совершить это большое и прекрасное путешествие. (Поездка предусматривала посещение Москвы, Ленинграда, городов центральной России, Закавказья и Сочи. — Авт.) Нет слов, как я обрадовалась. Счастлива предстоящей поездкой, а также возможностью повидаться с Жаком (Иваном Чередеевым. — Авт.).

Я смогу увидеть Виктора 9 сентября в 16,00, о чем дам подтверждение сигналом. Друга увижу 9 сентября. До скорого

свидания, и еще раз благодарю.

Луиза».

Встреча Виктора Любимова состоялась в назначенный срок.

Луиза была в приподнятом настроении. Обсудили детали ее поездки: легенду ее отсутствия дома. Она якобы уехала в дешевую турпоездку, в Италию. Легенде способствовало то, что Луиза только что вселилась в новую квартиру в построенном доме. Соседей она своих не знала и резонно считала, что ее отсутствие не вызовет вопросов.

Любимов подробно проинструктировал Луизу о деталях встречи с нашим разведчиком в третьей стране, о переходе на новые документы, по которым она должна была въезжать в СССР и пробыть там почти месяц.

Обсудили и текущие проблемы. У Мюрата болела травмированная спина, и он огорчен тем, что, имея много документов военного комитета НАТО, до сих пор не может их фотокопировать. Специальный аппарат с автономной подсветкой Мюрат не смог использовать.

В конце встречи Любимов сообщил ей о тайнике, в котором находились деньги на дорожные расходы и 40 тысяч марок на окончательный взнос за квартиру. Они расстались.

18 сентября Луиза уехала из Парижа, 19-го уже была в Москве.

13 октября в резидентуре получили сигнал о том, что она возвратилась и готова к работе.

Через неделю после ее возвращения произошел неприятный, настораживающий случай.

Вот как об этом воспоминает сам Виктор Андреевич Любимов: «Безличная связь с Луизой в этот период по решению Центра была возложена на другого работника резидентуры, моего товарища Морозова

В его обязанности входил подбор, описание и введение в действие новых тайников. Так вот, занимаясь этой обеспечивающей, но очень важной задачей, он в начале октября подобрал новый тайник.

Через неделю решил еще раз проверить подходы к тайнику. Вечером, в сумерках, вместе с женой выехал на машине. Жену оставил в автомобиле, а сам решил пройтись мимо тайника по тропинке. Прошелся, не нагибаясь, не рассматривая, лишь взглядом оценив обстановку. Возвращался к машине по другой дорожке. И тут заметил хорошо замаскированную машину с характерной для контрразведки, вытянутой радиоантенной вдоль борта. На переднем сиденье прятался человек.

Морозов прошел мимо. Немного покатавшись в сторонке,

минут через двадцать, он снова проехал мимо тайника. Заметил еще две автомашины и группу людей, что-то оживленно обсуждавших. Стало ясно — тайник каким-то образом засвечен и провален».

Доложили в Центр. Москва оценила случившееся как ЧП и запретила работу с тайниками в этом районе. Приказала все тайники Мюрата — Луизы вновь передать Любимову.

А в конце ноября новое ЧП с тайниками. Пленки с весьма важными документами оказались подмоченными. В Центре их прочитать не удалось. Это была ошибка Луизы. Закладывая контейнер, она не проверила тайник. На дне оказалась вода.

Резиденту приказали лично разобраться в случившемся. Но, как говорят, не бывает худа без добра. Центр, наконец, разрешил пленки, полученные от Мюрата, проявлять на месте в резидентуре.

В декабре 1964 года Москва сообщила, что за заслуги в деле укрепления Советских Вооруженных Сил готовится ходатайство о повторном награждении Мюрата и его первого руководителя — Алексея Ивановича Лебедева.

На имя министра обороны было подготовлено письмо начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза Захарова и начальника ГРУ генерал-полковника Ивашутина. Они ходатайствовали о награждении Лебедева и его агентов Мюрата и Луизы орденами Красного Знамени.

Однако это письмо так и осталось неподписанным. Оно и ныне хранится в архивах военной разведки. Почему такое произошло, видимо, останется навсегда загадкой.

…Перед Рождеством Любимов получил от Мюрата 15 пленок. Агент также просил о встрече с Виком. Он хотел обсудить вопросы сотрудничества после его ухода из армии.

Ценность материалов, полученных от Мюрата, оказалась огромна. Иного слова не подобрать. Здесь были доклады военного командования стран, входящих в НАТО, о состоянии собственных Вооруженных сил и планах их дальнейшего строительства. И тут же прилагались замечания Верховного главнокомандующего НАТО на каждый из докладов. Здесь были доклады военного командования США, Великобритании, ФРГ, Голландии, Канады, Люксембурга.

В дополнение к этому— документы штаба Верховного главнокомандующего НАТО об изменениях в дислокации и размещении войск на театре военных действий.

Таков был новогодний подарок суперагента Мюрата своей второй родине… Заканчивался 1964-й.

ЦЕННЫЙ ПОДАРОК ДЛЯ ГЕНШТАБА

«Москва. Центр. Васильеву

Любимов — наиболее грамотный, опытный и активный работник. В оставшееся до замены время будет максимально использован нами для завершения ряда важных оперативных мероприятий с агентурой.

Учитывая большой положительный опыт агентурной работы, приобретенный им во Франции, отличные организаторские способности и знание двух языков, Любимова целесообразно использовать на оперативной работе в нашем управлении на должности не ниже заместителя начальника направления, с возможностью эпизодических выездов во Францию для проведения инструктивных встреч с Мюратом, Луизой, Артуром и, возможно, другими лицами.

Резидент Сомов.

Париж. 29 января 1965 года».

Шел четвертый год командировки Виктора Любимова во Франции. Ему готовили замену. В середине 1965-го он должен был убыть в Москву.

Пока его ценные агенты об этом не знали. Работа шла своим чередом.

В начале января 1965 года 1-е европейское управление направило в Информацию ГРУ еще 10 документов штаба Верховного главнокомандующего объединенных вооруженных сил НАТО. Среди этих документов было несколько материалов с грифом «Космик» и «Совершенно секретно». Три документа посвящались системе тревог в вооруженных силах НАТО. Один из них содержал описание тревог, два других рассказывали о заседании военного комитета НАТО, которое посвящалось обсуждению этой системы.

Другие материалы раскрывали ход и результаты учения «Осень-64», которое было итоговым в ушедшем году.

Среди этого десятка документов, добытых Мюратом, весьма ценным оказался материал военного комитета НАТО под названием «Стратегическая концепция НАТО».

Другие, менее секретные, но не менее важные документы, на которые Центр ориентировал резидентуру, также сумел добыть Мюрат. Речь идет в первую очередь о перечне учений вооруженных сил НАТО на Центрально-Европейском театре военных действий в 1965 году. Таким образом, ГРУ уже в начале года было хорошо осведомлено о предстоящих учениях НАТО.

В феврале Мюрат передал еще 15 документов, которые

раскрывали различные стороны функционирования структур агрессивного блока НАТО. Документы отражали особенности тылового обеспечения войск, вопросы стандартизации в различных областях вооружения, техники, средств связи, разделы долгосрочного плана потребностей командования НАТО в средствах ПВО.

Важно, что в пакете этих материалов были не только документы штаба Верховного главнокомандования, но и других подчиненных штабов. Это давало возможность отследить широкий круг проблем оперативного использования вооруженных сил НАТО. В частности, один из материалов был полностью посвящен местам дислокации частей военно-воздушных сил Великобритании в Европе, другой рассказывал о распределении задач ракетным соединениям НАТО.

Весьма ценным подарком для Генерального штаба Вооруженных сил СССР стал документ, оценивающий боевое состояние ядерных частей и соединений НАТО в Европе, датированный январем 1965 года.

В целом количество документов НАТО, добытых Мюратом, неуклонно росло, как по количеству, так и по объему. С января по апрель 1965 года было получено 37 важных секретных материалов общим объемом более 2000 страниц текста. Они уже были оценены и находились в оперативном использовании.

В последней декаде апреля резидентура получила от Мюрата еще 10 непроявленных пленок. Можно сказать, что в этот период разведгруппа Мюрат — Луиза действовала как хорошо отлаженный механизм.

Многое уже устоялось, механизм похищения, копирования, и передачи секретных документов был отработан. Документы поступали с завидной регулярностью.

«Добывая эти материалы там, во Франции, — вспоминает Виктор Андреевич Любимов, — я не совсем представлял, насколько они важны и весомы для нас. Лишь возвратившись на Родину и возглавив участок работы на французском направлении, я понял ценность этих документов. Мюрат практически выполнял работу нескольких резидентур сразу, давая достоверные доклады о состоянии вооруженных сил США, Англии, ФРГ, Канады, Нидерландов и других стран, входящих в НАТО.

Ведь основная задача аппаратов военной разведки — изучить и в годовом докладе отразить состояние вооруженных сил и перспективы их развития. А мы получали от Мюрата материалы практически по всем странам НАТО».

Однако большое количество ценнейших материалов сыграло злую шутку— привыкшее к обилию даже самых секретных

документов управление информации ГРУ вольно или невольно стало относиться к ним весьма буднично, занижать их оценку, при этом ужесточая и повышая требования. Нередко резидентура получала указания, которые, мягко говоря, свидетельствовали о том, что «информаторы» в Москве смутно представляли себе, с каким трудом достаются подобные материалы. Например, требовалось к тому или иному «Космик. сек-ретному» документу найти лист приложения или получить дополнение.

Но подавляющее большинство этих документов попадали в руки агента один раз, да и то с большим риском. Повторно их получить было невозможно.

В то же время оперативное управление имело свое мнение по поводу работы разведгруппы Мюрат — Луиза. Их тревожил большой поток документальной информации. Они понимали опасность и просили Мюрата не подвергать себя неоправданному риску, особенно в период подготовки к увольнению со службы. Они настаивали на сокращении частоты передачи материалов.

Парижская резидентура, в свою очередь, предпринимала меры оперативного характера, чтобы обезопасить ценного агента. Так, личные встречи с ним были практически прекращены. Работа осуществлялась так называемыми безличными методами, с использованием тайников, сигналов, средств оперативной техники. Казалось бы, все в порядке.

Но Мюрат от этой системы был не в восторге. Он, наоборот, хотел встреч, бесед, живого участия, а не слов одобрения в пересказе связника Луизы.

Мюрат был одинок, подавлен, расстроен неладами в семье. Муж бросил дочь, на этой почве у нее случился нервный кризис. Сын, как говорил о нем сам Мюрат, балбес и бездельник, сидел на шее у родителей.

После развода по судебному постановлению Мюрат выплачивал жене алименты. Чтобы иметь хоть какие-то деньги, он сдавал внаем свою квартиру, купленную с помощью Центра, а сам жил в штабном офицерском общежитии.

Так что стремление к встречам и общению Мюрата с Ви-ком по-человечески вполне понятно и объяснимо. Но, увы, они были не просто товарищами…

И тем не менее Мюрат настаивал на встрече с Любимовым. Ранее эта встреча планировалась на лето, но теперь агент просил перенести ее на более ранний срок. Резидент запросил Центр. Ведь до отъезда на Родину Виктор Любимов должен был провести несколько оперативных мероприятий по передаче своих агентов Гектора, Бернара, Артура, Армана другим оперативным офицерам.

Центр определил на май встречу Любимова с Мюратом, немного позже — с Луизой. Но неожиданно пришло письмо от Луизы. Она хотела увидеться с Любимовым прежде, чем тот выйдет на контакт с Мюратом. Луиза писала, что это очень важно, речь идет об их личных отношениях с Мюратом.

«Впоследствии, — вспоминал сам Виктор Любимов, — эти отношения явятся началом личной трагедии двух близких мне людей — Мюрата и Луизы, началом бурных объяснений, столкновений, жалоб друг на друга и, в конечном итоге, распада этой пары. Но в те дни мы не предполагали такого развития событий, и Центр дал согласие на мою встречу с Луизой в апреле, а с Мюратом в середине мая.

Встречу с Мюратом должен был проводить представитель Центра, начальник управления Васильев. На мне лежало участие в ней и оперативное обеспечение мероприятия».

Предстояло подумать о будущем. Центр вынашивал идею разведгруппу Мюрат — Луиза сделать самостоятельной с прямой связью с Москвой без какого-либо участия оперативных офицеров резидентуры. Но эту прямую связь, еще предстояло отработать. А тут, как известно, масса вопросов…

Рассматривались различные варианты, например, связь через третьи страны. Первостепенная роль в этой работе, разумеется, принадлежала Центру, другим резидентурам. Любимову же предстояло тщательно изучить рекомендации Москвы, условия связи с другими резидентурами и отработать все вопросы с Луизой. Тут следовало подумать о документировании, легендировании, о транспортных маршрутах… Словом, огромное количество крупных и мелких вопросов, которые надо было предусмотреть, если хотите предугадать самые различные ситуации, в которых могла оказаться Луиза.

Нужно отдать должное, Луиза не была пассивным исполнителем, активно участвовала в проработке всех деталей будущей связи. Например, она дала весьма дельные советы по использованию предметов женского туалета для конспиративного провоза фотопленки через границы.

Полезным было ее участие в подборе и использовании тайников. В своем письме она подробно и квалифицированно оценила тайники, подобранные офицером резидентуры Морозовым. Об одних отозвалась как об удобных для работы, другие раскритиковала. Луиза считала, что некоторые тайники имели серьезный изъян: их трудно было определить на местности.

В этом же письме она высказала свое отрицательное отношение к специальному фотоаппарату, с автономной

подсветкой, предложенному ей и Мюрату для работы.

Письмо Луизы послужило основанием для резкой критики из Центра. Москва указывала резиденту на слабый подбор тайников.

И словно в подтверждение правоты Центра при передаче материалов из резидентуры Луизе произошел неприятный инцидент. Если точнее, то материалы были заложены в тайник, сигналы выставлены, но ответных действий от Луизы не последовало.

Резидентура провела проверку. Оказалось, что материалы из тайника изъяты, но подтверждающего сигнала не последовало. Резидентура пережила несколько тревожных дней. Такое случалось впервые, ведь Луиза всегда отличалась точностью и пунктуальностью в этих вопросах.

Все выяснилось через неделю. Сигнал об изъятии материалов появился в условленном месте.

Позже Луиза объяснила эту ситуацию так. Сигнал о тайниковой закладке она приняла, но первая попытка изъять материалы была неудачной. Выпал снег, и она попросту не смогла отыскать тайник. После того, как снег растаял, она вновь вышла в район, материал изъяла, но сигнал выставить не успела. Торопилась на вызов Мюрата. И только по возвращению со встречи выставила сигнал.

Что ж, более наглядного примера и придумать невозможно. А резидентуре был преподан урок: при проведении оперативных тайниковых мероприятий следует учитывать и погодные условия.

Однако критические замечания Центра, сделанные на основании письма Луизы, весьма болезненно воспринял резидент. Он поручил оперативному офицеру Морозову еще раз проверить тайники и написать по этому поводу объяснительную записку. Более того, резидент сам выехал к тайникам, оглядел их и посчитал, что они вполне пригодны для работы.

Но Центр, что называется, закусил удила. Он вновь подтвердил свою прежнюю оценку, указав, что резидентура по-прежнему допускает грубые ошибки. Резиденту лично было указано на то, что он пытается оправдать неверные действия подчиненного офицера. И подчеркнул: многочисленные выходы к подобранным тайникам, увеличивают риск их «засветки».

Центр также напомнил резиденту, что группа Мюрат — Луиза находится под непосредственным руководством Центра, а обязанность резидентуры обеспечивать качественную безличную связь. Было приказано в дальнейшем описание подобранных тайников направлять в Центр. Передавать их Луизе только после утверждения руководством.

Однако резидент тоже не собирался сдаваться. Он вновь,

лично проверил тайники и доложил в Центр о полной их пригодности для связи.

Сложно сказать, следовало ли так поступать резиденту. Но из двух зол пришлось выбирать меньшее.

В последующей работе, когда Виктор Любимов сам стал резидентом, ему также приходилось лично выходить к тайнику. И он считал, что порою такой шаг необходим. Правда, в его случае ситуация была несколько иная и тем не менее…

Вот как Любимов сам вспомнил тот случай:

«Дело было в Голландии, и оперативный офицер моей резидентуры после получения данных о том, что материал заложен в тайник, дважды выезжал в район, но найти тайник не смог. Центр же ждал доклада и, разумеется, материалов от агента. Но ни того ни другого не было. И потому, как в случае с парижскими тайниками, последовали грозные окрики из Центра.

Решил поехать к тайнику вместе с оперативным офицером. Дело оказалось в том, что офицер резидентуры был привязан только к месту тайника, а не к сигналу, который как раз и указывал нужное направление. Надо было поднять голову, на уровне человеческого роста оглядеться вокруг, и сразу заметен сигнал, который располагался несколько в стороне, но точно указывал на место расположения тайника.

Материал мы благополучно изъяли и доложили об этом в Центр».

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

…В марте 1965 года из Москвы пришло приятное сообщение: агент Луиза и ее руководитель Виктор Любимов были награждены орденами Красного Знамени. А вскоре состоялась их последняя встреча.

Я часто думаю и пытаюсь понять, что чувствуют люди, разведчики, многие годы ходившие вместе по краю пропасти, в минуты расставания? Увы, нам вряд ли это дано прочувствовать. И поэтому хочу привести слова самого участника той встречи-расставания — Виктора Андреевича Любимова.

«Последняя встреча… Она состоялась в конце апреля в одном из чудесных пригородов Парижа. Теплая, весенняя погода, зеленый газон, скамейки — все располагало к романтичной встрече. Но беседа была далеко не романтичной.

Луиза выглядела немного уставшей, но спокойной, деловитой и откровенной. Она просила передать благодарность командованию за награждение орденом и поездку в СССР.

Мы поговорили о перспективах Мюрата. Оказалось, отставка его предрешена. Внешне он выглядит неплохо, но мучают боли в ногах, спине».

Мюрат сильно привязался к Луизе. Она понимала его одиночество, тоску по женской ласке, сочувствовала, но выходить за него замуж не хотела. Луиза откровенно сказала Вику, что Мюрат— человек иного круга, другого слоя общества и воспитания. При всей его добропорядочности он пренебрежительно относится к людям обычным, простым. Он как-то в ее присутствии выругался в адрес рабочих одного из заводов, бастовавших против увольнений. Луиза решила, что ее может ожидать подобная участь. После долгих сомнений и раздумий она приняла решение не выходить замуж вторично до тех пор, пока дочь не станет самостоятельной: закончит учебу и будет работать. А если и выйдет замуж, то за своего старого друга инженера одной из крупных фирм. Они большие друзья. Он к ней внимателен, заботлив, хорошо знает ее семейные трудности. Ведь у нее больна мать, дочь. По своему социальному положению они люди одного сословия, круга. Он ничего не знает о ее работе на советскую военную разведку. Луиза высказала уверенность, что если и узнает, то мешать не будет. Ее друг сочувствует компартии, хотя и не является ее членом и не имеет партийного билета…

Луиза просила, чтобы Вик на очередной встрече с Мюратом поговорил с ним. Это была ее основная просьба, ради чего она

вызвала Вика на встречу. Чувствовалось, что ей трудно далось это решение и она ищет поддержки.

Взаимоотношения между Луизой и Мюратом не были секретом для резидентуры. Любимов докладывал об этом давно, и нейтральная позиция руководства была уже выработана. Новостью стало то, что Луиза готова выйти замуж за неизвестного нам человека.

Он понимал Луизу, но в то же время вынужден был сказать, что не может запретить Мюрату испытывать к ней привязанность, симпатию. Этот вопрос должен быть решен самостоятельно между ними. Сейчас же желательно не давать Мюрату резкого отказа. У него и так очень напряженная обстановка, и поэтому решение вопроса об их совместной жизни лучше перенести на более поздний срок и сделать это тактично, не ущемляя чувств Мюрата. Он добавил: «Мы желаем им обоим большого счастья и дружбы».

Луиза согласилась, однако ни она, ни Любимов не думали, что этот разговор был только началом долгих, сложных отношений между этими двумя хорошими людьми.

На этой же встрече Любимов сказал Луизе о своем отъезде на родину. Она искренне огорчилась и заговорила о том, что вот только узнали друг друга, наладили работу с Другом (между собой они называли Мюрата Другом), и на тебе — расставание. Потом, тяжело вздохнув, тихо спросила: «Как же быть с Другом? Кто меня поддержит, Вик? С кем я смогу откровенно поговорить и посоветоваться?» В ее вопросах звучали горечь и тревога.

Успокаивая ее, Виктор признался, что они еще увидятся в Москве и товарищ, который заменит его, очень внимательный и добрый человек.

Расставание было теплым и грустным. Они обнялись напоследок, Луиза медленно пошла по дорожке. Виктор еще некоторое время стоял в одиночестве. В душе оседало чувство тревоги. Как они без него, эти смелые и такие нужные нам люди.

Больше они никогда не встречались.

В то время, как Любимов беседовал с Луизой, другой обеспечивающий офицер изъял фотокассеты, которые она заложила в тайник до встречи. На фотопленках были очень важные для нас документы штаба ВГК ОВС НАТО. Один из них был озаглавлен: «Расчет потребностей ВС НАТО в ядерном оружии по всем видам носителей ядерных боеголовок и ядерных зарядов до 1 июля 1967 г.». Документ совсем «свежий», подписан в марте 1965 года, так что наше командование на два года вперед знало планы НАТО по боевому применению ядерного оружия.

…Встречу с Мюратом проводил начальник управления Василий Соловьев. Это опытный агентурный работник, бывавший

за рубежом, прекрасно владеющий английским языком, выдержанный, немногословный, осторожный. Он был уже контр-адмиралом.

Для Мюрата Соловьев уже третий представитель Центра.

«Моя задача, — вспоминал Виктор Любимов, — состояла в том, чтобы как можно лучше показать начальнику управления состояние Мюрата, который так результативно работал на нас, считал СССР своей второй родиной. Мне хотелось вызвать у адмирала Соловьева понимание и стремление помочь Мюрату.

Все шло правильно. Мюрат держался свободно, без всякого чинопочитания, разговор проходил на равных, в спокойной манере и даже с юморком. И все-таки у меня было такое чувство, что теплоты между Соловьевым и Мюратом так и не появилось. Адмирала Соловьева неспроста в ГРУ звали «Канарисом». Он был сдержан, внимателен, но суховат. При обсуждении вопросов безопасности при добывании документов, Соловьев высказал свою обеспокоенность и начал давать рекомендации: мол, так говорите, а этак не говорите… Я знаю лучше, чем вы…

А я Мюрата всегда сравнивал с кошкой, которая гуляет сама по себе. Он, конечно, внимательно все выслушал, возражать не стал, но по всему чувствовалось, что, несмотря на советы, будет поступать по-своему, как считает нужным, сообразуясь с обстановкой».

Из беседы начальнику 1-го европейского управления адмиралу Соловьеву стало ясно, что положение Мюрата в системе НАТО достаточно высокое. В управлении он является вторым лицом после начальника. В его подчинении четыре отдела, возглавляемые полковниками.

С начальником управления у Мюрата добрые дружеские отношения. Они почти одногодки, оба участники Второй мировой войны, правда, служили в разных родах войск.

Благодаря занимаемой должности и хорошим отношениям с начальником управления Мюрат пользовался относительной свободой в распорядке дня и имел доступ практически ко всем документам управления.

Начальник управления работать не любил, в деятельность подчиненных вникал мало и вообще, как и все американцы, считал НАТО бесполезной организацией. Ознакомление с документами он поручал Мюрату. Время от времени принимал общую сводку по приказам и директивам за определенный период.

Это было на руку Мюрату. Он всегда мог сослаться на приказание своего начальника и получить документы, к которым не имел доступа.

Что касается перспектив Мюрата, то они были предельно ясны: через три месяца увольнение в запас, затем отдых. После этого, как он сказал, готов возобновить работу по заданию Центра, если, конечно, будет нужен.

Трудности трудоустройства для людей его возраста известны.

Мюрат добавил, что пытался продлить срок службы, был даже на приеме у министра обороны, которого, кстати, знал хорошо, но, увы, из этого ничего не вышло. Возраст, состояние здоровья, словом, тут и министр ничем не помог.

Разумеется, Мюрат понимал, что самым лучшим вариантом для советской военной разведки была бы возможность найти ему замену в структурах НАТО. Он высказал надежду, что, возможно, ему удастся найти одного-двух подходящих людей, которые смогут работать либо самостоятельно, либо под его руководством.

Мюрат добавил, что сочувствующие Советскому Союзу есть, но вряд ли они пойдут на риск. Сложность в том, что офицерский корпус большинства стран НАТО более реакционен, чем их правительство. Офицеры происходят, как правило, из мелкобуржуазных и аристократических семей, они крайне консервативны и зачастую враждебно относятся к Советскому Союзу. Военнослужащих прогрессивных взглядов сейчас из армии стараются убрать.

Характерным для этой встречи было то, что начальник управления лично услышал от Мюрата технику добывания документов и с каким риском это связано.

К каждой такой спецоперации Мюрат готовился заранее. Продумывал все вопросы, и прежде всего те, которые касались добывания документов — в первую очередь тех, к которым он имеет доступ, а также материалов из секретной библиотеки. Самое сложное — документы повышенной секретности — «совершенно секретные», «Космик». Тут он обдумывал, как их одолжить у хороших друзей и знакомых на часок-другой. Следовало найти правдоподобную легенду, под прикрытием которой без особых подозрений Мюрат мог попросить ознакомиться с документом в течение короткого времени.

Однако даже самый ценный документ в руках — это еще полдела. Его надо перефотографировать. Но на работе снимать возможности не было. К сожалению, фотоаппарат с автономной подсветкой, который специально разработали для Мюрата в одном из институтов ГРУ, не оправдал надежд.

Вынести и оставить у себя документ хотя бы на ночь тоже нельзя. Его следовало возвратить в секретную часть до конца рабочего дня.

Оставалось одно — вынос материалов на короткий промежуток времени, на час-два (во время обеда), быстрое его перефотографирование и скрытное возвращение.

Как правило, к этим сеансам фотосъемки Мюрат вызывал Луизу. Для нее он снимал квартиру, где она и останавливалась. Для всех окружающих Луиза была любовницей полковника, что, впрочем, соответствовало истине.

Мюрат выезжал с территории штаба на машине, как правило, в середине дня. При нем находился портфель с документами. На КПП автомобили полковников и генералов НАТО не досматривали. Он приезжал на квартиру к Луизе, оставлял ей документы, а сам возвращался в штаб. Иногда, для ускорения процесса съемки, оставался и помогал Луизе.

Мюрат рассказал адмиралу Соловьеву, что добывать документы в штабе Верховного главнокомандующего значительно труднее, чем на прежних местах службы. Ибо здесь за офицерами двойной контроль, как со стороны американской контрразведки, так и со стороны французских спецслужб, поскольку по натовским традициям безопасность штаба обеспечивает страна пребывания. В данном случае штаб находился на территории Франции.

В этих сложных условиях Мюрату помогало хорошее знание обстановки в штабе, людей, которые служили вместе с ним, а также исполнение обязанностей офицера безопасности управления. Как шутил сам Мюрат: «Я знаю, как можно пролезть в узкую щель, не оставив следов».

Соловьев предложил Мюрату посетить Советский Союз, чем несказанно обрадовал агента.

Представитель Центра попросил его ознакомиться с перечнем проблем, которые интересовали Москву. Мюрат прочел, не делая никаких пометок. Через месяц, в июне, резидентура получила 18 пленок. На них были отсняты документы общим объемом 1200 страниц текста. Подавляющее большинство материалов входило в перечень Соловьева. Среди них была «Программа нанесения ядерных ударов силами ВВС НАТО в Европе», разработанная Шейпом за № 132/65 от 26 июня 1965 года, «Доклад на конференции руководящего состава НАТО».

Интересно, что во время встречи и беседы адмирал Соловьев из списка проблем и материалов обратил внимание Мюрата на первоочередной документ. Речь шла о «Руководстве для штабного офицера армии США по использованию ядерного оружия». Мюрат, как известно, не был офицером США, он служил в штабе НАТО. Но просьбу запомнил и выполнил. На одной из отснятых пленок оказалось как раз это «Руководство…».

Мюрат еще раз поблагодарил за предложение совершить поездку по СССР. Он сказал, что будет рад увидеть страну, ради которой шел на риск. Следует сказать, что все его пожелания были учтены.

Говоря о личных проблемах, Мюрат был откровенен, но краток. Он сказал, что в его возрасте трудно оставаться одиноким человеком и он, конечно, женится. Но он постарается найти женщину, которая для него была бы одновременно женой и единомышленницей, понимала бы его и заботилась о нем. Он прозрачно намекнул, что в этой роли желал бы видеть Луизу.

Начальник управления тактично заметил, что в интересах безопасности было бы лучше, если бы Мюрат реже посещал Луизу, приезжая в Париж.

План работы с агентом был выполнен полностью. На заключительном обеде Мюрату сообщили о предстоящем отъезде Любимова в СССР. Обосновали отъезд тем, что командировка его во Франции и так затянулась, ну и, конечно, следовало подготовить предстоящую поездку Мюрата в Советский Союз. Подчеркнули, что Виктор будет сопровождать его в поездке по стране и в дальнейшем курировать работу из Центра.

Мюрат высказал сожаление по поводу отъезда Любимова из Франции, но принял это сообщение как должное. Он выразил надежду на скорую встречу.

Результаты встречи были оценены командованием ГРУ как положительные. Так завершилась работа Любимова с Мюратом и Луизой во Франции.

Генерал-майор Иван Чередеев напишет в аттестации на капитана 2-го ранга Виктора Любимова: «Исполнительный, добросовестный и точный офицер. За успешное выполнение задач в период зарубежной командировки награжден орденом Красного Знамени. Специальную работу любит. Имеет хорошую военную и специальную подготовку. Владеет английским и французским языками. Дисциплинирован, энергичен. Развито чувство поддержки товарищей по работе в решении оперативных вопросов. В будущем может быть использован как руководитель зарубежного аппарата».

Таков был итог французской командировки Любимова. Итог, надо сказать, примечательный. Люди старшего поколения знают: орден Красного Знамени — награда боевая и очень почетная. На фронте им награждали не часто, а уж в мирное, послевоенное время тем более. Как говорили в те годы, только «за большие заслуги». А заслуги у Любимова были и вправду не малые. О них уже известно читателю, и все-таки приведу несколько цифр. Уж очень они показательны. Только один ценный агент Мюрат,

которым руководил Любимов, передал в Центр около 20 000 листов секретных документов! А еще были Бернар, Гектор, Артур, Арман, Фуше. И каждый вносил свой вклад.

А проблемы, которые рассматривали, освещали агенты? Они ведь были особой, государственной важности. Производство твердого топлива для стратегических ракет, шифросвязь и ключи к шифрам Вооруженных сил США, ракетное оружие американских военно-воздушных и военно-морских сил.

Итак, успешно завершив свою вторую зарубежную командировку, Виктор Любимов был назначен старшим офицером первого управления ГРУ. Непосредственным начальником его стал известный уже генерал Чередеев, коллегами — Нил Ленский и Иван Прозоров. Все в прошлом работали во Франции, хорошо знали друг друга. «В общем, коллектив был что надо!» — скажет с восхищением о своих товарищах Любимов.

Расставшись с Мюратом в Париже, Любимов, разумеется, и не думал расставаться с ним. Он и сам того не хотел, да и кто бы ему позволил. Возвратившись из Франции в Москву, он сразу, без отпуска, подключился к разработке плана поездки Мюрата по нашей стране. Путешествие обещало быть интересным. Планировалось осмотреть достопримечательности столицы, потом выехать в Ленинград, Ташкент, Бухару, Самарканд, Ереван, Волгоград, отдохнуть в санатории ГРУ в Сухуми.

В ходе поездки следовало отработать и некоторые оперативные вопросы.

На имя начальника военной разведки был подготовлен итоговый доклад о работе Мюрата за последний, наиболее продуктивный период, с 1963 года до середины 1965 года. Цель доклада — представление Мюрата ко второй государственной награде СССР.

Кстати, в ходе анализа и подготовки доклада Любимов подсчитал, что в эти годы Мюрат добывал в среднем по 4 (!) особо важных секретных документа, то есть около 50 материалов в год, не считая других материалов, отнесенных к категории «ценные».

Предлагалось установить ему ежемесячное денежное вознаграждение и представить к награждению орденом Красного Знамени.

Вскоре на докладе появилась резолюция начальника управления Соловьева: «С изложенными в докладе предложениями согласен. Документы на представление Мюрата к награде доложены начальнику ГРУ. Необходимо решить вопрос об установлении устойчивого денежного содержания Мюрату».

Эта резолюция была хорошим знаком.

А тем временем из Парижа пришли тревожные сообщения:

судя по всему, отношения между Мюратом и Луизой становились все более натянутыми. Мюрат настаивал, Луиза не хотела выходить за него замуж. Она просила освободить ее от работы с Мюратом.

Рассказывала, что Мюрат постоянно стремится прийти к ней домой. Затяжку с ответом воспринимает как отказ, шантажирует ее.

Морозов пытался убедить Луизу не предпринимать каких-либо решительных действий, пока с Мюратом не состоится разговор в Москве. Ее долго пришлось убеждать, уговаривать, ссылаясь на личные просьбы Чередеева и Любимова. Наконец она согласилась продолжить контакты с Мюратом, в надежде на то, что после поездки в Москву он изменится.

Луиза в шутку сказала Морозову: «Не могли бы вы во время поездки в Москву найти ему красивую русскую женщину. На что Леонид Михайлович только развел руками.

Обсудили и путь Мюрата в Советский Союз. Резидентура рекомендовала своему агенту не лететь самолетом, а ехать поездом через третью страну, не останавливаясь в гостиницах, чтобы не оставлять никаких письменных следов при регистрации в отеле.

Луиза, однако, напомнила, что Мюрат прирожденный пилот и не приемлет поездов, предпочитает летать. Кроме того, он не любит Швейцарию и швейцарцев и, скорее всего, не захочет ехать по этому маршруту. Что ж, Морозов принял это к сведению и обратил внимание Луизы на то, что в Вене Мюрат должен получить билет только после перехода на оперативный паспорт.

Луиза, в свою очередь, предупредила, что Мюрат в последнее время стал рассеян и забывчив.

К счастью, все обошлось. Мюрат ничего не перепутал. Правда, в Вене, когда с оперативным паспортом пошел за билетом, поволновался. Как признался потом, все время сверлила мысль, заказан ли для него билет или не заказан.

Однако все было в порядке. Мюрат сел в самолет, выпил рюмочку коньяка и, наконец, успокоился.

29 сентября 1965 года в аэропорту Шереметьево его встречал руководитель и друг Виктор Любимов. Они крепко обнялись. Они были счастливы.

В ПОЛШАГЕ ОТ ПРОВАЛА

В Вене в ноябре стояла мокрая, промозглая погода. Весь вечер шел дождь со снегом, и Мюрат коротал время в баре отеля. В кармане у него лежал билет на завтрашний парижский экспресс, Мюрат потягивал свой любимый бурбон и вспоминал. А вспомнить было что. Пожалуй, за всю свою жизнь у него не было такого экзотического путешествия. Да он и ждал его, желал. Хотел увидеть, понять, пощупать собственными руками, что это такое — Советский Союз, на который он работал вот уже шесть лет. Шесть долгих лет.

Сколько документов переснял, с какими грифами?.. Мюрат зябко повел плечами, огляделся, словно кто-то мог подслушать его мысли. В баре, кроме него, еще две пары, но они заняты собой. До него никому нет дела.

Он отхлебнул большой глоток бурбона, подумал: как все-таки приятно, когда всем на тебя наплевать. Кроме… Кроме его друзей в необъятной и могучей стране. Вик, Жак… Они не забыли, ничего не забыли.

Мюрат прекрасно понимал: для них он, как это говорят русские, «отрезанный ломоть». После отставки потерял все или, скажем, почти все. Не было главного — доступа к документам. Да, оставались знакомые, друзья, связи. Но это не то. Конечно, что-то он услышит, узнает, обобщит, напишет, но к плану нанесения ядерных ударов по объектам Советского Союза его уже никто не пустит.

Он был реалистом. Поэтому на первом ужине вместе с Ви-ком и Жаком, когда вспомнились былые, напряженные дни, обронил с горьким сожалением: «Вот и я весь…».

Но Жак на удивление не согласился с ним. Мюрат помнил дословно, как спокойно и уверенно он тогда сказал. «Мы очень благодарны за все, что ты смог сделать для нашей страны. Руководство разведки уверено, что и в новых условиях ты сможешь активно и успешно работать. — И добавил: — Принято решение назначить тебе ежемесячный оклад в 500 долларов, а также единовременное пособие на покупку новой машины и оплату счетов дочери за ее лечение».

Как приятно это было слышать! Что тебя не списывают в отставку, как в НАТО, не сбрасывают со счетов, а по-прежнему ценят и надеются.

В окно бара хлестал холодный дождь, а на душе Мюрата было тепло и уютно. Он заказал себе еще коньяка. Мюрат хмелел…

…В Ленинграде, куда они приехали с Виком из Москвы, ему

понравился Исаакиевский собор. Огромный, величественный— одним словом, русский собор. А еще памятник царю Петру I. Они называют его почему-то Медным Всадником. Весьма интересной оказалась и Петропавловская крепость, могилы русских царей, камеры для узников в казематах крепости.

Эрмитаж? Эрмитаж хорош, без сомнения, но их парижский Лувр побогаче будет. Хотя?.. Он вспомнил музей в Вашингтоне, в Мадриде. Трудно сказать, который лучше-хуже.

Мюрат отдавал должное музеям, но они не вызывали в нем больших эмоций.

Иное дело… Сталинград. Этот город был не из какого-то далекого неведомого прошлого, а из его, фронтовика, жизни. Конечно же, он слышал, читал о Сталинграде, но то, что увидел, узнал теперь, потрясло. Штаб Паулюса, Мамаев Курган, Волга, величественная плотина Волгоградской ГЭС. Особенно его поразила осетровая рыба, плывущая вверх по Волге и бьющаяся в отстойниках в ожидании подъема на другой уровень.

Когда их пароход спускался вниз по Волге к Астрахани, Виктор сказал, что совсем молодым матросом в 1943 году был здесь. Он рассказал, как страшно был разрушен город фашистами.

Затем Средняя Азия. Ташкент, Бухара, Самарканд. Удивительные по красоте богато отреставрированные мечети с нестареющей мозаикой и памятник красноармейцам, погибшим в борьбе с басмачами. Он был не в лучшем виде, и возмущенный Мюрат хотел во что бы то ни стало посетить председателя городского Совета и выразить свое негодование. Вик с трудом уговорил его не делать этого, пообещав через свои каналы обратить внимание на это городских властей.

В Армении они ездили на озеро Севан, ели королевскую рыбу, пили белое вино. А потом их принимал хлебосольный глава кооператива, или, как говорят в Советском Союзе, колхоза. Они ехали по улице села, и сопровождающий товарищ показывал дома, где жили армянские крестьяне. Говорил, что два этажа сверху — это еще не все. Внизу еще этаж, где хранятся овощи, фрукты, мясо и вино. Мюрат захотел посмотреть.

Каково же было его удивление от того, с каким радушием встретили их, незнакомых людей, иностранцев. Показали село, организовали застолье. Да что застолье, настоящий пир! Пили армянский коньяк, вино, закусывали шашлыком. С трудом удалось покинуть гостеприимных хозяев. А назавтра было посещение знаменитого ереванского коньячного завода. Дегустация коньяка «Арарат» прошла с успехом.

А на следующий день их встречал Сухуми, санаторий ГРУ на

берегу Черного моря. Их разместили в номере люкс, на берегу моря. В столовую со всеми Виктор и Мюрат не ходили, завтрак, обед и ужин им подавали в номер. Они купались, загорали, ходили на рыбалку. В их распоряжении был персональный катер начальника ГРУ.

Во время отдыха говорили о делах. Виктор старался ненавязчиво объяснить, что неосторожные высказывания в кругу особенно американских офицеров могут сыграть дурную службу. Да и осторожность с теми людьми, которых он считает своими единомышленниками, тоже не помешает. Оставалось только согласиться с этими доводами.

Говорили о прошлом, настоящем и пока туманном будущем. Оба понимали, что в сложившейся обстановке придется переориентироваться с добывания документов на поиск актуальной информации методом осведомления в среде хороших знакомых, друзей и родных Мюрата, которые занимали солидные должности в различных эшелонах власти. Предстояло восстановить и укрепить эти связи.

Мюрат признался, что он хорошо знаком и даже находится в дружеских отношениях с крупным немецким промышленником Куртом Юнкерсом. Их познакомил брат Мюрата, который много лет дружит с Куртом.

Юнкере — видная фигура в компании Флика Сименса. Еще в 1944 году Курт присоединился к французскому движению Сопротивления. Он живет в Париже, контролирует солидную часть предприятий Сименса.

Главное, Юнкере высказывает большое желание наладить торговые контакты с Советским Союзом. Мюрат предложил организовать одну-две крупные коммерческие сделки с группой компаний Юнкерса или его брата. Он, естественно, останется в тени, но в глазах крупных промышленников сможет укрепить свой авторитет и положение.

Вик и Жак обещали изучить его предложения после получения перечня товаров, которые Юнкере готов поставить в Советский Союз.

Беседовали о мерах безопасности, поведении и даже возможности провала. Отношения Мюрата с Виктором были столь доверительны, что позволяли касаться любого вопроса.

В Москве Мюрат побывал в гостях у Виктора, в его маленькой двухкомнатной квартире «хрущевского» типа. Вообще-то инициатором такого приглашения был генерал Иван Череде-ев. Виктор поначалу возражал. Мол, как-то неудобно, совмещенная двушка, комнатки маленькие, но Чередеев настаивал, и Виктор сдался.

Мюрат приглашению обрадовался и с удовольствием поехал в район новостроек Зюзино. Оглядел квартиру, крохотную кухоньку, вышел на балкон, сказал: «Ну что ж, для офицера высокого ранга маловата квартирка, но жили мы и в худших условиях». На что Любимов добавил: «А мы и тем более».

Виктору хотелось разобраться во взаимоотношениях Луизы и Мюрата. Ведь накануне приезда Мюрата из резидентуры в Париже поступили тревожные сигналы.

Мюрат сказал, что рано или поздно женится на женщине, близкой для него по характеру, мировоззрению… В его годы, при подорванном здоровье, оставаться в старости в одиночестве не хотелось. Он, конечно, хотел бы выбрать в подруги жизни Луизу. Без сомнения, она лучшая кандидатура — скромна, мила, честна, аккуратна. Луиза пока не ответила на его предложение. И ее можно понять — у нее обязательство перед больной матерью, да и дочь надо поднять на ноги, устроить. Но если она ответит отрицательно, то отношение к ней не изменится.

Мюрат заявлял это искренне, с уверенностью. И Любимов поверил ему. Однако в жизни все сложилось иначе. Возможно, в ту минуту, когда агент говорил подобное, он верил, что будет именно так. Увы, Мюрат переоценил себя, свои возможности. По возвращению в Париж он повел себя иначе. И это стало первым шагом в разрушении уникальной разведгруппы.

Что касалось новых условий работы, то, по признанию Мюрата, у него были достаточно серьезные источники: сержант, имеющий доступ к оперативной информации одного из центров НАТО; женщина, работающая в Бельгийском посольстве; высокопоставленный дипломат, дальний родственник-начальник канцелярии одного из министерств. Мюрат считал, что их можно будет использовать втемную для получения важной военной и политической информации.

Первоочередной задачей, которая ставилась Мюрату, было предупреждение о возможном военном нападении НАТО на Советский Союз. Агент прошел подготовку по связи и оперативной технике. Центр отработал с ним новые условия связи напрямую, минуя Луизу и резидентуру в Париже.

Перед возвращением во Францию Мюрата принял первый заместитель начальника ГРУ.

После полуторамесячного пребывания в Советском Союзе Мюрат вылетел в Вену. Там его встретил офицер венской резидентуры, возвратил подлинные документы, забрал оперативный паспорт, вручил билет первого класса на завтрашний парижский экспресс. И вот теперь Мюрат в баре отеля потягивает любимый бурбон и вспоминает Черное море,

королевскую рыбу из озера Севан, гостеприимных хозяев.

Завтра поезд унесет его в Париж.

А назавтра было 13-е число (вот уж поистине несчастливый день).

Мюрат приехал на вокзал за полчаса до отхода поезда. Нашел свой вагон, купе, разместился и раскрыл газету, купленную на перроне. Не успел он пролистать газету, как в дверь купе постучали.

На пороге стояли двое — мужчина и женщина в форменной одежде железнодорожников. Он представился как начальник поезда, она — билетный кассир вокзала. Женщина называла Мюрата по его настоящей фамилии. За полтора месяца впервые. Ибо до этого он действовал под оперативным псевдонимом. Что бы это могло значить? Представьте себе состояние Мюрата. Он следует через третью страну из Советского Союза, где пробыл полтора месяца. Что случилось за это время? Почему ему задают вопросы люди в форме? Кто знает, что это за люди?

Мюрат отвечает на вопросы как можно спокойнее. Женщина, получив утвердительный ответ, что перед ней мсье Ж., сказала: «Мы разыскиваем вас уже второй день. Обращались в турагентство, звонили в консульство, но поняли: вас лучше искать в вагоне. Представитель турагентства, который приобрел билет, видимо, в спешке не оплатил покупку. Скорее всего, он вместе с билетом забрал и деньги, которые приготовил для оплаты».

Мюрат молча оплатил стоимость билета. Читать газету не хотелось. В эту ночь он так и не уснул, еще и еще раз анализировал каждый свой шаг. Что это могло значить? Под видом железнодорожников его посетили сотрудники контрразведки? Так ли это, не так, но он должен был понять первопричину инцидента.

Возвратившись в Париж, Мюрат был необычайно осторожен, все время проверялся, но потом решил, что это некое недоразумение. В резидентуру он об этом не сообщил. И только через несколько месяцев неожиданно признался приемнику Любимова, Леониду Морозову.

Что послужило толчком к признанию? Оказывается, Мюрат в очередной раз побывал в Министерстве обороны, но встретил необычайно холодный прием. Это встревожило его. И он связал это с инцидентом в Вене. Морозов незамедлительно доложил в Центр. Москва провела служебное расследование. Оказалось, действительно оперативный офицер венской резидентуры не заплатил за билет. Финансовый отчет был представлен в Москву. Произошла досадная оплошность, которая могла стать причиной

провала ценнейшего агента.

Да, разведчик всегда находится в шаге от провала. Даже в том случае, если он не сделал ни единой ошибки. В истории разведки достаточно таких примеров. Мюрату тогда удалось уцелеть. Инцидент с билетом, к счастью, остался незамеченным спецслужбами, как, впрочем, и сама поездка агента в Советский Союз.

Мюрат попытался продолжить работу на Главное разведуправление, но звезда его уже была на закате.

Он лишился главного: доступа к секретной документации. Ведь Мюрат никогда не был аналитиком военно-политической информации, получаемой от своих связей в высших кругах. Он слыл добытчиком совершенно секретных документов и тем был особо ценен. Одно дело разговоры, пересуды, слухи (хотя и они важны для разведки), другое дело — документ из недр самых секретных сейфов. Теперь документов у Мюрата не было.

Однако, как оказалось, дело не только в этом. Прошло совсем немного времени после возвращения Мюрата из Советского Союза, и он замолчал. Разведгруппа была практически выведена из дела. И виновником, увы, стал сам ценный агент Мюрат.

«Я ПОТЕРЯЛ ВСЕ…»

Вот мы и подошли к концу. А конец он и есть конец. Это начало бывает яркое, радостное. А конец чаще всего горький, тяжелый.

«Я потерял все; — писал Мюрат. — Работая на вас; поломал свою карьеру, потерял положение, пожертвовал будущим. Я не сожалею об этом. Сожалеть бесполезно. Но это факт».

С тех пор, как высохли чернила на письме агента, прошло сорок лет. Солидный срок для короткой человеческой жизни. На свете почти не осталось свидетелей той далекой трагедии двух уже немолодых людей.

Еще ждет своего исследователя поистине одна из самых загадочных тем— любовь и разведка. Совместимы ли они? Помогают ли друг другу или, наоборот, противостоят?

Это только у киношного красавчика, созданного фантазией Яна Флеминга, Джеймса Бонда — агента 007 любовь и разведка всегда в одной постели. В жизни все намного сложнее и драматичнее.

Письмо Мюрата, адресованное Жаку и Вику— Ивану Чередееву и Виктору Любимову, и сегодня хранится в его оперативном деле. Это крик души, мольба о помощи.

«Осенью 1965 года в Москве Виктор спросил меня, смогу ли я работать без Луизы.

Ответ был «да». Я сказал, что абсолютно не нуждаюсь в ней, но в душе очень верил: она вернется. Обманывая себя, обманывал вас. Прошу простить меня.

Вы, наверное, считаете, это реакция старого человека, оскорбленного тем, что его бросили. Вы думаете, что на это дело не стоит обращать внимание. Думайте что хотите… Но она не вернулась ко мне, и я не способен что-либо делать. Не могу жить, не могу работать без нее. Речь идет не о банальной любовной истории, которую можно забыть через год-другой, а о полном слиянии чувств и существования.

Луиза — моя память, моя жизнь, мой Бог! Глупо это или нет, но объективной реальностью является то, что без нее я — ничто».

В общем, Мюрат умолял, просил, требовал вернуть Луизу. В конце своего послания он заявлял, что без нее прекращает всю работу. «Я ничего не буду делать без Луизы». И действительно, он замолчал.

Резидентура и Центр оказались в сложном положении. Как выяснилось, после возвращения Мюрата из Москвы Луиза и вправду была готова простить ему прежние обиды и даже выйти

за него замуж. Хотя Мюрату она об этом и не сказала. А он, наоборот, вместо уважения и любви шантажировал ее, угрожал самоубийством, если она не выйдет за него. А однажды крепко побил ее, да так, что она несколько дней не выходила из дома из-за синяков.

После этого случая Луиза заявила, что никогда подобного Мюрату не простит и о примирении не может быть и речи.

Вот уж действительно от любви до ненависти один шаг.

Обстановка накалялась и грозила выйти из-под контроля. На докладах резидентуры появились тревожные резолюции начальника ГРУ:

«Видимо> Мюрат тяжело переживает разрыв с Луизой. Боюсь, что он сможет допустить много глупостей. Прошу переговорить со мной» или «Правильную ли линию мы занимаем? Прошу обсудить».

Командование европейского управления приказало провести тщательный анализ ситуации старшему офицеру Виктору Любимову. Во-первых, это был его участок работы; во-вторых, вряд ли кто-либо другой смог бы более профессионально разобраться в тонкостях личных отношений Мюрата и Луизы.

Даже через много лет Виктору Андреевичу было тяжело вспоминать об этом. Рушилась не только любовь двух близких ему людей.

В их жизнь входили ожесточенность и непонимание. По сути, прекращала свое существование уникальная разведгруппа. Та самая, которую он лепил, создавал собственными руками. А он, признаться, мало что мог предпринять в этой ситуации. И тут прав начальник ГРУ: главное, чтобы Мюрат не наделал глупостей. А их он уже начинал делать, несмотря на свой богатый оперативный опыт.

В одном из писем, написанном в крайнем возбуждении, Мюрат нарушает все правила конспирации: указывает свой почтовый адрес и просит ответить. Он ставит свою работу в зависимость от возвращения к нему Луизы. Более того, настаивает на том, чтобы Центр уговорил, приказал ей возвратиться.

Разумеется, в таком положении речь шла не о налаживании отношений между Мюратом и Луизой, а об их спасении.

После анализа Виктор Любимов предложил руководству:

«…Первое. Положение крайне тяжелое. Действия Мюрата — его неискренность, угрозы, необдуманные выходки привели к тому, что Центр не получает никакой разведи нформа-ции, а ценная и эффективная разведгруппа находится на грани развала.

Второе. Вину за создавшееся положение несет только Мюрат.

Третье. Продолжать разбор взаимных обвинений Мюрата и Луизы и подчинять нашу работу этим разборкам далее нельзя.

Четвертое. Если Мюрат и дальше будет ставить свою разведдеятельность в зависимость от личных отношений с Луизой, то работу с ним следует прекратить, законсервировать.

Пятое. Тот же метод применить к Луизе.

Шестое. Рекомендовать Луизе обменять квартиру и переехать в другой район, не сообщая об этом Мюрату. Сказать, что мы не возражаем против ее замужества с давним товарищем…»

На основании этих выводов и предложений начальником Главного разведуправления было принято решение по разведгруппе Мюрат — Луиза. В рекомендациях для резидентуры говорилось: «У Мюрата есть единственный путь: прекратить все контакты с Луизой, начать работу с кандидатами, которых он предлагал для изучения. Центр считает, что у агента есть реальная возможность втянуть в работу с нами одного из них на основе дружбы и материальной заинтересованности.

Работа отрезвит его, и боль от разрыва с Луизой пройдет».

Выполняя указания Центра, резидентура организовала встречу с Луизой. Она согласилась с предложением об обмене квартиры. Сказала, что вряд ли следует ожидать каких-то результатов от Мюрата, пока не решится проблема его трудоустройства.

Позже Морозов вышел на встречу с Мюратом, изложил позицию Центра. Встреча была тяжелой, реакция агента резкой. Он по-прежнему упрекал Центр за то, что Жак и Вик не смогли воздействовать на Луизу.

И все-таки удалось договориться, что Мюрат восстановит связи со знакомыми из НАТО и будет работать над получением устной военно-политической информации.

Так завершилась работа этого поистине уникального дуэта двух советских разведчиков.

Напомню: за большие заслуги перед Советским Союзом они были награждены орденами высшего достоинства нашей страны — Мюрат— орденом Ленина (и представлен к званию Героя Советского Союза), Луиза — орденом Красного Знамени.

Как сложилась их дальнейшая судьба?

Луиза вышла замуж за своего давнего друга. Было принято решение на некоторое время вывести ее из активной деятельности.

В начале 70-х годов работу с ней возобновили, и Луиза еще несколько лет верой и правдой, используя свой богатый оперативных опыт, работала на военную разведку нашей страны.

Мюрат со временем тоже успокоился, женился. Его подругой

жизни стала Франсуаза, привлекательная и скромная женщина. Они познакомились в госпитале, где Мюрат лечился после аварии.

Франсуаза знала о его симпатиях к Советскому Союзу, но о том, что ее муж — агент ГРУ, не подозревала. Мюрат полностью доверял ей и считал, что со временем она сможет заменить Луизу.

Мюрат пытался восстановить связи. Он добыл устную информацию о позиции де Голля по отношению к НАТО, некоторые данные по Израилю и Румынии.

Информация была интересная, но подтверждающих документов достать не удалось.

В конце 1966 года Мюрат еще раз попал в автомобильную аварию, получил серьезные травмы. Однако ему удалось восстановиться.

В последний раз Виктор Любимов видел Мюрата летом 1967 года. Мюрат приезжал из Парижа в Советский Союз по турпутевке.

Они встретились втроем в Москве, в ресторане «Узбекистан», — Мюрат, Любимов и Чередеев.

Мюрат и на этот раз не обошелся без сюрприза. Он ошарашил своих руководителей рассказом о том, что фактически привлек к работе одного из своих друзей и якобы тот согласился передавать секретную техническую информацию по системам ПВО НАТО.

Для этого Мюрат не придумал ничего лучшего, как полностью раскрыться перед другом и признать, что уже давно помогает СССР в борьбе с США и НАТО. Разумеется, все это было сделано без ведома Центра.

Когда Чередеев и Любимов спросили, как воспринял его признание друг, Мюрат ответил:

— С восхищением!

— И только? — уточнили Чередеев и Любимов.

— Да нет, — признался Мюрат, — были и страх, и боязнь за себя и семью.

Пришлось предупредить Мюрата, что такие необдуманные шаги грозят провалом.

Как признался сам Мюрат, найти работу по душе «на гражданке» пока не удалось.

Пытался устроиться в Европейское космическое агентство, в Национальную торговую палату, но увы…

Где-то не подошел по возрасту, по здоровью, а некоторые должности не подходили ему — пусть и в запасе, но полковнику, потомственному аристократу. Но он искал, понимая, что без солидной работы и общественного положения не будет нужных

связей.

Агент подтвердил свою готовность в случае угрозы нападения НАТО на Советский Союз незамедлительно сообщить информацию в Центр.

Оперативная связь с Мюратом была упрощена.

Он уже не мог работать с некоторыми средствами опер-техники— плохо двигалась травмированная рука, частично оказался потерянным слух.

Однако для связи агент по-прежнему имел действующую явку и конспиративный адрес.

После возвращения Мюрата в Париж Центр сделал заключение о том, что период неурядиц с Луизой завершен, Мюрат поверил в свои силы и готов работать, однако, несмотря на то, что агент обещал восстанавливать старые связи, эта деятельность ему не по душе. Надо пробудить у Мюрата вкус и стремление к контактам с информированными людьми в высших сферах и добыванию военно-политической информации.

…В начале 1969 года произошли некоторые кадровые изменения в Центре. Виктор Андреевич Любимов был переведен на другой участок работы. А перевод этот объяснялся тем, что он готовился отправиться в очередную зарубежную командировку. На сей раз в Голландию.

Там ему предстояло занять «крышевую» должность заместителя торгпреда. А это значит, предварительно перед отъездом следовало пройти трехмесячную стажировку во Всесоюзной торговой палате.

Как раз в конце лета в Центр пришла скорбная весть. В Париже трагически погиб друг Любимова и ценный агент Мюрат.

Он являлся истинным другом нашей страны: он воевал вместе с нами против фашистов в годы Второй мировой войны, остался верен нам и в период «войны холодной», когда мы противостояли американцам и НАТО. Ради своей второй Родины — Советского Союза рисковал жизнью и погиб, унеся с собой секреты разведки, не выдав своих товарищей. Так, возможно, прав капитан 1-го ранга Виктор Андреевич Любимов, который до самой смерти убеждал руководство военной разведки «восстановить справедливость и ходатайствовать о присвоении Мюрату звания Героя России посмертно за большой вклад в дело укрепления нашего государства и проявленные при этом мужество и героизм».

А как же сложились судьбы офицеров ГРУ, которые вели Мюрата все эти годы, работали с ним?

Герой Советского Союза Алексей Иванович Лебедев, военно-воздушный атташе во Франции, возвратившись из Парижа

несколько лет трудился в Москве, а в 1965 году ему предложили поехать во Вьетнам.

Напомню, там уже шла жесточайшая война. Американцы бомбили большие и малые города Северного Вьетнама, выжигали напалмом сотни деревень, расстреливая сельчан за помощь вьетконговцам.

Как сказал мне однажды боевой генерал ГРУ, в прошлом фронтовой разведчик: «Мне предлагали ехать во Вьетнам военным атташе. Но я отказался. Хватило Великой Отечественной».

Полковник Алексей Лебедев не отказался. Поехал в Ханой и стал первым военным атташе Советского Союза во Вьетнаме.

Здесь он получил генерала и… едва не погиб. «Во Вьетнаме было тяжело, — вспоминает дочь Лебедева Светлана Старновская. — Климатические условия жуткие. Отец с матерью чудом уцелели.

Конечно, американцы знали, где в Ханое живут дипломаты. Втом числе и советские. Естественно, на этот район бомбы не падали. Тем не менее, слепой, заблудившийся «Шрайк» прилетел в их спальню. Мать встала готовить завтрак, а отец брился в ванной. Случайность. Но все могло закончиться трагически. Как говорят, на войне как на войне. Хоть ты и атташе».

Военный атташе во Вьетнаме руководил не только своим аппаратом, но и группой специалистов-оборонщиков по авиационной технике, вооружению, боеприпасам. Они изучали американскую технику и оружие, анализировали методы и способы ведения боевых действий США в условиях Вьетнама, вырабатывали рекомендации войскам ДРВ по противодействию агрессору.

Возвратившись из Вьетнама, генерал Лебедев недолго задержался в Центре.

Как сказал о нем сокурсник по академии Владимир Стрельбицкий: «Алексей Иванович не засиживался в штабах». И действительно, вскоре он был назначен военным атташе в Алжире, а в 1970 году Лебедев вновь возвратился в Париж.

Потом он возглавлял факультет в военно-дипломатической академии, передавал свой богатый опыт молодым офицерам.

Последняя его должность на службе — военный атташе в ГДР.

Полковник Ананьин, который принял на связь Мюрата у Лебедева, после возвращения на родину работал в центральном аппарате ГРУ.

И, наконец, капитан 1-го ранга Виктор Андреевич Любимов. Завершив свою вторую зарубежную командировку, он был назначен старшим офицером 1-го европейского управления.

Работая в Центре, он, как и положено настоящему разведчику, готовился к очередной командировке. Надеялся, что во франкоговорящую страну, в такую, например, как Бельгия или Швейцария. Если бы его спросили, предпочел бы Бельгию. Только вышло, как в анекдоте: «Съесть то он съест, да кто ж ему даст».

В 1968 году Виктора Андреевича вызвал начальник управления и сказал: «Готовься в Голландию». Представьте себе состояние Любимова: готовился на Бельгию — Швейцарию, а тут на тебе — Голландия. Несмотря на сопротивление Виктора Андреевича, начальство было непреклонно.

Вскоре на стол начальника управления кадров ГРУ лег доклад: «В ноябре 1969 года капитан 2-го ранга Любимов В.А. должен выехать в Голландию в качестве резидента ГРУ под прикрытием должности заместителя торгпреда СССР».

После подготовки во Всесоюзной торговой палате Любимов выехал в Голландию. Там он проработал 4 года. Был сначала заместителем резидента, потом сам возглавил разведап-парат.

В характеристике по итогам командировки говорилось: «Под руководством Любимова Голландский разведаппарат проделал значительную работу по успешному выполнению разведывательных и организационных задач.

За указанный период через агентуру; доверенных лиц и разрабатываемых резидентурой было добыто более 300 документов и образцов, оцененных как «ценные» и «особой важности». В целом уровень выполнения разведзадач по сравнению с 1970 годом вырос в 3 раза.

Тов. Любимов В.А. во время командировки принимал личное участие в вербовочной работе, имел на связи наиболее ценного агента Голландской резидентуры Демона».

В мае 1974 года Любимов возвратился в Москву. За плечами было три зарубежные командировки, путь от молодого разведчика до руководителя разведаппарата, вербовка нескольких особо ценных источников. Эту работу родина отметила его двумя орденами.

Виктор Андреевич был назначен начальником направления и направлен работать в «крышевое» учреждение. Несколько лет он трудился в Москве. А когда пришло время увольняться в запас, ему продлили срок службы и назначили представителем ГРУ при разведуправлении Национальной Народной армии ГДР.

После возвращения из Восточной Германии и увольнения в запас Любимов остался работать в родном ГРУ.

Вот, собственно, и вся история противостояния советской военной разведки и НАТО в годы «холодной войны». История величайшего агента Мюрата и офицеров ГРУ — Лебедева,

Ананьина, Любимова. Их уже нет в этом мире. Но мир существует благодаря и их усилиям.

Часть третья КТО ВЫ, МИССИС ГЛЕН?

Ярким майским утром хозяйка косметического салона в Бронксе, что на севере Нью-Йорка, Глен Морреро Подцески, как обычно, вышла из своей квартиры. Она направлялась в супермаркет, чтобы сделать закупки. На одном из перекрестков затормозила на светофоре, и привычно бросила взгляд на неприметный придорожный столбик. От увиденного ее бросило в жар. В условленном месте был начерчен крестик, но нанесли его не мелом, а белой краской.

Для Глен Морреро Подцески, жительницы США, он не означал ровным счетом ничего. А вот для Марии Добровой, агента-нелегала советской военной разведки, которая скрывалась под этим именем, было от чего занервничать. Крестик означал крайнюю степень тревоги. Центр приказывал ей срочно уходить. Но что могло случиться? Она всегда была осторожна и осмотрительна. Да и обстановка, как казалось ей, оставалась, как прежде, спокойной.

Мария не знала, что заместитель руководителя нью-йоркской резидентуры, работавший под официальным прикрытием представителя Вооруженных сил СССР в Военно-штабном комитете ООН, полковник Дмитрий Поляков, оказался предателем и уже сдал ее своим американским хозяевам.

«Поляков, — писал генерал-лейтенант ГРУ Леонид Гуль-ев, — выдал американским спецслужбам около 20 разведчи-ков-нелегалов, более 100 агентов из числа иностранных граждан, часть из которых американцы, — до сих пор отбывают пожизненный срок в тюрьме. Противник получил от Полякова списки более тысячи офицеров-разведчиков, государство лишилось высокопрофессиональных работников.

Более двадцати лет Поляков работал на американскую разведку. Его «заслуги» высоко ценились и высоко оплачивались. Не случайно бывший шеф ЦРУ Джеймс Вулен заявил: «Из всех завербованных в годы «холодной войны» секретных агентов он был драгоценным камнем в короне».

Среди тех, кого выдал Бурбон (такой оперативный псевдоним дали Полякову американцы), оказалась Мария Доброва.

Дело в том, что в мае 1962 года в связи с угрожающей обстановкой Центр решил агентов-нелегалов, имеющих прямой выход на Москву, перевести на связь с нью-йоркской резидентурой. Так данные на Глен Морреро Подцески, то есть на

Доброву, попали в руки Полякова. Он завершал командировку и его на этой должности должен был сменить первый секретарь посольства СССР Е. Маслов.

Предатель действовал осторожно. Он не передавал американцам данные на наших нелегалов, а указывал место встречи, описывал тайники, сигналы. Остальное, как говорят, было делом техники. Тот, кто выходил на место встречи, выставлял сигнал, делал закладку в тайник, оказывался в лапах контрразведки. Так они вышли на Маслова и на Доброву. Правда, брать их не спешили. «Драгоценный камень в короне» американских спецслужб поставил условие: аресты производить только после его отъезда из США.

В июне 1962 года Дмитрий Поляков с семьей покинул Америку. Руки у контрразведчиков были развязаны.

Наступило сложное время Карибского кризиса. Связка Маслов— Доброва продолжала работать, но «под колпаком» у спецслужб США. Их обоих уже засняли на фотопленку у тайника.

Первый удар пришелся по Маслову. Его заманили на квартиру к знакомому, где его уже ждали «контрики». Здесь они показали заместителю резидента снимки, на которых Мария выставляла сигнал, потом он его стирал. Предложили Маслову сотрудничество, пригрозив, мол, он провалил женщину-неле-гала и в Москве его ждут репрессии.

Советскому офицеру удалось уйти из квартиры, срочное сообщение пошло в Центр, и вот теперь по дороге в супермаркет Мария увидела этот знак тревоги.

Следовало быстро покидать Нью-Йорк и двигаться по отработанному заранее запасному маршруту в Канаду. Она знала — там свои, там помогут.

10 мая Мария якобы вышла в магазин за хлебом и молоком. В руках у нее была авоська и маленькая сумочка. Она быстро спустилась в метро, потом пересела на автобус и отправилась в Чикаго. Казалось, Канада уже близко.

Действительно, по ту сторону границы ее ждали. В консульский отдел пришла шифрограмма: если к ним обратится женщина и предъявит паспорт на имя Глен Морреро Подцески, либо просто назовется Марией Добровой, оказать ей всяческую помощь, выдать деньги, отправить самолетом в Амстердам.

В Чикаго Мария нашла себе гостиницу на тихой улице, разместилась в номере. Все эти дни Доброва не переставала анализировать случившееся. Кто сдал ее или она сама совершила непоправимую ошибку? Искала ответ и не находила.

Утром она спустилась к завтраку и тут увидела двух мужчин, которые, лениво развалившись, сидели в креслах в вестибюле.

Она поняла, нет, скорее почувствовала: это по ее душу.

Мария вышла на улицу. Недалеко от входа в гостиницу была припаркована машина контрразведки. Она знала эти автомобили еще по Нью-Йорку.

Доброва взяла такси и поехала в центр города, якобы побродить по магазинам. Пока ходила по бутикам, отметила, что ее плотно ведут. На обратной дороге зашла в аптеку, купила лекарство. Ланч и ужин распорядилась подать в номер. Горничную попросила ее не беспокоить.

Закрывшись в номере, судорожно соображала, что делать, как известить Центр? Они должны помочь. Решила написать письмо на парижский адрес, который использовался для связи с Москвой.

В гостинице, как обычно, была почтовая шахта. Письмо, опущенное в нее, попадало в закрытый почтовый ящик. Его дважды в день забирали почтальоны.

«12 мая 1962 года, воскресенье, — писала Мария. — Дорогая подруга! Пишу тебе из Чикаго, путешествую, если это можно так назвать». Далее письмо изобиловало фразами: «в последнее время мне в Нью-Йорке стало тяжело», «решила поменять обстановку, развеяться на севере», «красивы Великие Озера, совсем близко Канада», «головные боли продолжают преследовать меня».

В Москве по получении письма сразу станет ясно: Мария после получения сигнала покинула Нью-Йорк и перебралась на север, в Чикаго, поближе к Канаде. Контрразведка продолжает ее преследовать.

Опустив письмо, Доброва изрезала запасной паспорт и смыла его в унитаз.

А вечером 14-го в ее дверь постучали.

— Я сотрудник службы федеральной безопасности, — сказал мужчина, появившийся на пороге номера, — ФБР располагает сведениями о вашей незаконной деятельности в США.

И он вынул из бокового кармана пиджака фотографии. На них Мария узнала себя. Вот она выставляет сигнал, а вот Маслов стирает его.

— Кроме того, мы знаем, кто на самом деле была Глен Морреро. Это дает достаточно оснований для возбуждения уголовного дела. Не надейтесь, вам никто не поможет.

А дальше, как обычно, ей предложили взаимовыгодное сотрудничество, освобождение от уголовной ответственности и возвращение домой. Дальше — жизнь двойного агента.

Однако они плохо знали Марию Доброву. Она даже на мгновение не могла представить себя в подобной роли.

Собравшись с силами, сказала:

— Мне надо подумать над вашим предложением.

— Подумайте, — согласился контрразведчик. — Но не долго.

Дверь номера закрылась, и Мария осталась одна. Она понимала: это полный провал. Но как, почему? Ответа на вопросы не было.

Доброва открыла двери на балкон, перебралась через ограждение и шагнула в пустоту.

УСТАНОВИТЬ ПРИЧИНУ ПРОВАЛА — НЕВОЗМОЖНО

…Ее разыскивали еще четыре года. В 1967-м военная разведка пришла к заключению: установить причину провала капитана Добровой в настоящее время не представляется возможным. Предположительно, она находится в руках американских спецслужб или погибла.

Все прояснится, когда генерал Дмитрий Поляков будет разоблачен как американский шпион. Но случится это почти через четверть века, в 1987 году. На допросе Бурбон признается, что американская контрразведка действительно попыталась перевербовать Доброву, но та отказалась от предательства и выбросилась с балкона.

Кто же она такая, эта мужественная женщина, капитан ГРУ Мария Доброва, она же Глен Морреро Подцески?

Сразу на подобный вопрос и не ответишь. Дело в том, что Мария Дмитриевна пришла в разведку в весьма зрелом возрасте. Ей уже исполнилось 44 года. То есть за спиной целая жизнь. Более того, к лету 1951 года, когда ей предложили поступить на службу в ГРУ, Доброва была вполне состоявшимся человеком — кандидатом филологических наук, старшим преподавателем испанского языка в институте Академии наук, с весьма солидной зарплатой и уважением в коллективе. Работай себе и живи в свое удовольствие. Но, судя по всему, Мария иначе представляла свою благополучную жизнь.

Так уж вышло в ее судьбе, что ко времени прихода в разведку она сменила несколько профессий, потеряла мужа и сына, повоевала в Испании, поработала в зарубежной командировке в Колумбии.

Впрочем, все по порядку. Родилась Маша в Минске, в 1907 году. Отец ее, Дмитрий Федорович, прошел солдатом Первую мировую, примкнул к революционерам, вступил в партию большевиков. В годы советской власти работал в налоговом управлении.

В 1920 году его перевели на работу в Петроград. А через четыре года Дмитрий Федорович умер. Остались Мария и ее старшая сестра Ольга на руках у матери.

Окончив школу, Маша поступила в музыкальный техникум по классу вокала и фортепьяно. В 1927 году получила диплом с отличием.

Вскоре она познакомилась с молодым командиром

Петергофской пограничной школы. Маша в составе концертной бригады выступала на эстраде, и всякий раз в зале появлялся этот красавец-пограничник. Весной 1930 года они поженились.

Молодая жена переехала к мужу в военный городок. В одной из петергофских школ стала преподавать пение, а в клубе части руководила хором и танцевальным кружком.

Маша было энергичным и увлеченным человеком. Ей оказалось мало школьной нагрузки и вечернего хорового руководства, она решила заняться изучением английского языка. Преподаватель, уже достаточно немолодая женщина, как тогда говорили, из бывших, посоветовала Добровой:

— У тебя, Машенька, от природы прекрасные способности к языкам. Тебе следует серьезно заняться этим.

И посоветовала поступить на высшие курсы иностранных языков при Академии наук. Так Мария и сделала. Путь был не ближний. Три раза в неделю она ездила на электричке по два часа в одну сторону. Но, как говорят, охота пуще неволи. Тем более муж всячески поддерживал устремления жены. Она по-настоящему увлеклась языком — полюбила английскую прозу, поэзию. А вскоре стала изучать второй язык — французский.

В мае 1934 года командир-пограничник Борис Добров получил назначение на Дальний Восток в состав Особой Дальневосточной армии. Провожая мужа на вокзале, она еще не знала, что видит его в последний раз.

А через несколько месяцев, осенью у нее родится сын Дима. Сестра Ольга переехала в Казахстан, а Маша вместе с мамой растили сына и внука.

В 1936 году она возобновила учебу на курсах, успешно сдала экзамены и получила диплом преподавателя английского языка. Ей предложили остаться на кафедре. Маша согласилась.

С мужем Борисом стали происходить непонятные события: всегда пунктуальный и заботливый, он почему-то не прислал поздравление жене и сыну к Новому, 1937 году. Потом письма вообще перестали приходить на их ленинградский адрес. Обращение в военкомат ничего не дало. Словно канул человек бесследно.

А тут новое горе — умер от дифтерии сын Дима. Маша едва выкарабкалась из этой полосы несчастий. Больше в Ленинграде находиться она не могла: пошла в военкомат, попросилась добровольцем в Испанию. Что ж, там нужны были люди со знанием языков. Ее вскоре отправили в действующую армию. Больше года проработала Мария на фронте.

В архивах сохранилась характеристика на Доброву: «Совместно с советником участвовала в Теруэльской и Белогер-

ской операциях, а также в боевых действиях на Восточном фронте.

Участвовала в высвобождении танков с территории, захваченной фашистами. В боях показала себя стойкой и смелой. Пользовалась большим авторитетом среди друзей и соотечественников. За храбрость в боях представляется к награде — ордену Красного Знамени».

Правда, здесь, в Москве, награду снизили на ступень, и Добровой был вручен орден Красной Звезды.

А она после Испании снова села на студенческую скамью. Поступила в Ленинградский университет. За два года окончила французское отделение филологического факультета и экстерном завершила обучение. Да еще как завершила! С отличием!

Все эти годы искала мужа, встречалась с командирами, которые знали Бориса. Но никто ничего определенного сказать не мог: одни говорили, что погиб в боях на реке Халхин-Гол, другие, якобы, был репрессирован.

После окончания университета Добровой предложили остаться на кафедре иностранных языков. Теперь она преподавала английский и французский языки.

С началом Великой Отечественной войны она ушла работать в госпиталь обычной няней-санитаркой в отделение головной и лицевой хирургии. Можно было эвакуироваться, но она осталась. Освоила обязанности медсестры и всю блокаду в 900 дней провела в госпитале.

Летом 1944 года вернулась в университет. А вскоре пришла заявка из Министерства иностранных дел: нужны специалисты со знанием языка для работы за границей. Ей предложили должность старшего референта посольства СССР в Колумбии. Что ж, очередной поворот в ее судьбе. И она согласилась. Упорно занялась подготовкой, не один день провела в университетской библиотеке, изучая, что же это за страна такая, Колумбия.

Через месяц ее вызвали на собеседование в Москву, в МИД. Оказалось, что на эту должность претендовало шесть кандидатов. Но победила в конкурсе она, Мария Доброва. Конечно, сыграли свою роль отличное знание языков, участие в испанских событиях и боевой орден.

После стажировки в консульском управлении она получила визу и вылетела в Иран. Оттуда пароходом добиралась до места назначения.

Мария проработала в Колумбии четыре года, объездила все крупные города страны, познакомилась и установила добрые отношения с многими колумбийцами — представителями общественных и деловых кругов.

Однако случилось так, что победу на президентских выборах 1948 года одержал кандидат от консервативной партии Оспина Перес. Он был настроен проамерикански. И вскоре, после очередной провокации, Колумбия разорвала дипотно-шения с СССР, и советское посольство покинуло Боготу, выехав на родину.

Возвратившись, Доброва устроилась в институт Академии наук. Окончила аспирантуру, защитила диссертацию. И тут судьба преподнесла ей новый сюрприз.

СУДЬБА ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА

В июле 1951 года ее пригласили в разведотдел Ленинградского военного округа и предложили работу за границей. Потом— командировка в Москву и беседы в Главном развед-управлении. Казалось, в прошлой ее жизни все было устроено благополучно, зачем ей буйные ветры разведки? Но вот такой женщиной, неугомонной, ищущей, напористой, оказалась Мария Дмитриевна Доброва.

Ей готовили непростую роль, пожалуй, самую сложную в разведке: она должна была сыграть не должность, не профессию дипломата, торгпредовца, журналиста, как это обычно бывает. Добровой предстояло вжиться в роль, в судьбу другого человека, женщины-американки, некой Глен Морреро Подцес-ки. И сделать это так, чтобы никто не усомнился, что она и есть американка Глен.

Началась подготовка. С ней работали опытные разведчики, инженеры, психологи и, конечно же, специалисты по языку. Следовало отлично изучить страны, где по биографии бывала Глен, — прежде всего европейские и, разумеется, США. Доброва, естественно, не знала разведдела, и ее учили специальным дисциплинам, технике.

Через два месяца — первый экзамен. Язык идет лучше, техника — хуже.

Следующий этап— вживание в биографию. Глен появилась на свет в американском городке Ки-Вест, в штате Флорида. Ее отец был кубинцем, работал парикмахером, потом занялся коммерцией. Мать занималась домашним хозяйством.

В 1919 году семья выехала в Колумбию и осела в столице страны — Боготе.

Через шесть лет они вернулись в США, в Филадельфию. Глен пошла учиться в частную школу. Однако родителям не сиделось на одном месте. Не прошло и двух лет, как они вновь собрались в дорогу. На этот раз в Европу, во Францию. Жили в Сен-Жерменском предместье.

В 1932-м в один год ушли из жизни сначала отец, потом мать, и Глен решила уехать из Парижа. Взяв билет на пароход, она отправилась из Саутгемптона, что в Англии, на американский континент, в США.

Остановилась в Нью-Йорке, стала давать частные уроки французского. А вскоре к ней пришла любовь, и она вышла замуж за американского коммерсанта Лео Подцески.

В 1942 году они выехали в Колумбию. Лео не хотелось

попадать в армию, ведь уже шла война с Японией. Там они открыли фирму, которая специализировалась на скупке и продаже драгоценных камней.

После окончания Второй мировой войны Подцески вновь вернулись во Францию. Лео был полон амбициозных планов, он много работал, выставлял образцы ювелирных изделий в разных городах Франции. Дела шли вполне успешно. Но в.1948 году муж Глен умер от сердечного приступа. Она похоронила Лео на том же кладбище, где покоились ее родители.

Все дела по фирме пришлось улаживать ей. После этого она уехала в Нью-Йорк, поселилась в Бруклине и вернулась к прежнему своему занятию: частному преподаванию уроков французского языка. Однако уроки не приносили прежнего удовлетворения, и она увлеклась косметологией, решила поехать на обучение во Францию и в Австрию. Решила стать дипломированным специалистом-косметологом и, возвратившись в США, открыть свой салон.

Теперь эту легенду примеряла на себя Мария Доброва. Ох, как это непросто русской женщине стать американкой. Но, как говорят, глаза боятся, а руки делают.

Для начала Добровой предстояло побывать в Европе. Ее снарядили в поездку. Надо было предусмотреть многое, ведь теперь она была американкой Подцески, путешествующей по Европе.

Первое задание— из Москвы выехать в Вену, перейти на нелегальное положение. По приезде в Австрию Доброву встретил сотрудник венской резидентуры, разместил на квартире. Теперь она бродила по магазинам, делала покупки, сидела в кафе и внимательно наблюдала за жителями столицы: как они одеты, какие разговоры ведут, словом, изучала нравы и быт местного населения.

Жила теперь уже Глен Морреро Подцески в гостинице «Вест-Энд». Старалась почаще бывать среди туристов-аме-риканцев. Присоединилась к группе из США и ездила с ними на экскурсии по городу. Приглядывалась к одежде, завидовала умению американцев вести себя раскованно, весело. Она даже купила себе такое же пальто, как на приглянувшейся ей американке, и сумку через плечо носила теперь на штатовский манер.

Две недели в Вене пролетели быстро, но они оказались весьма полезными. Далее ее путь лежал в Италию. По плану подготовки она должна была остановиться в Венеции.

Пересечение границы. Обычно люди волнуются, проезжая ее: все-таки пограничники, проверка документов. Но Глен, сев в поезд, задремала и проснулась, только увидев перед собой

пограничника. Он поставил штамп в паспорт, не спросив ни слова.

Следом за ним появился итальянский таможенник. Поинтересовался: «Что в чемоданах?» «Личные вещи», — ответила Глен. Чиновник удивился, что она, американка, так хорошо говорит по-французски. Но глянув в паспорт, улыбнулся: «Ах, вы учительница. Все понятно». И это было только начало. В вагоне-ресторане она попала за один столик с американцем, мексиканкой и французом. С каждым из них Глен говорила на их родном языке. Это почему-то раздражало американца:

— Так какой же язык для вас родной? — спросил он.

Глен улыбнулась:

— Английский, французский и испанский.

После ресторана она сидела в купе, в поезде было душно, и дверь в коридор открыта. Проходя мимо, к ней заглянул мужчина, и, извинившись, сказал, что слышал ее диалог с американцем в ресторане. Не удержавшись, спросил:

— А все-таки какой вы национальности?

Глен предложила ему угадать.

— Аргентинка! — сказал француз.

Пришлось признаться: отец был американцем, мать француженкой. Долгое время они жили в Колумбии.

Что ж, даже поездка в поезде показала, сколь непросто выдавать себя за другого человека, не вызывая подозрений.

В Венеции на вокзале носильщик порекомендовал ей отель «Вена». Да, действительно, гостиница была хорошая, но только не для людей ее профессии. Портье здесь были излишне навязчивы и любопытны. Кроме того, все они говорили на нескольких языках.

Пришлось переехать в другой отель. Он был значительно тише, да и обслуга говорила только на английском.

Прожив несколько дней в Венеции, Глен отправилась во Флоренцию, оттуда — в Рим. В этих двух городах она почувствовала себя настоящей туристкой: с утра уходила в город, осматривала музеи, ездила на экскурсии. В одной из контор обменяла доллары на лиры и отметила, что во время подготовки к поездке в Москве ей говорили, якобы, эта процедура достаточно проста. Оказалось, совсем иначе. Надо было заполнить достаточно подробную анкету, где, кроме фамилии, имени, домашних адресов в Италии и в США, следовало указать еще и номер паспорта. Так что, несмотря на всю тщательную подготовку, жизнь иногда подбрасывала сюрпризы.

Из Рима Глен возвратилась в Париж и поселилась в отеле «Марсо», что на улице Жюль Сезор. Обслуживающий персонал здесь говорил только на французском.

Туристический этап подготовки закончился. Надо было приниматься за работу. Ведь Глен Морреро Подцески приехала в Париж с определенной целью — освоить секреты косметологии. Так она, собственно, и сделала — поступила в институт косметики Пьерро. Оплатила курс обучения по классу массажа лица.

Училась усердно. Преподаватели относились к ней тепло, почти по-дружески. Им импонировало то, что американка приехала из-за океана и выбрала именно их институт.

Сложно было с деньгами. Порой приходилось сидеть на молоке и хлебе. Однако курс обучения Глен успешно закончила, и ей выдали диплом.

Она продала кое-какие свои вещи, набрала денег на билет и вылетела в Вену. Здесь ей предстояло отчитаться о своей поездке по странам Европы. После тщательного анализа ее путешествия было принято решение: Глен возвращается в Париж и приступает к завершающему этапу подготовки.

Летом 1953 года поездом из Вены, через Швейцарию, она выехала во Францию. Вновь остановилась в Париже, поступила в косметическую школу Фернандо Обри. Важно, что здесь было мало теории и много практики.

В ноябре Глен совершила поездку из Парижа в Вену. На границе пришлось поволноваться. Таможенник долго и придирчиво рассматривал ее паспорт, щупал бумагу, приглядывался к визам и штампам. Но в конце концов спросил, не хочет ли она заявить о чем-либо. Глен ничего заявить не желала.

В Вене она остановилась в небольшой гостинице. Ей предстояло подвести итоги своей командировки. Как же она оценивала результаты своей работы?

Кроме обретения необходимых знаний по косметологии, во Франции она брала частные уроки у педагога из фонетического института, в частности по специфике американского произношения во французском языке.

Она не без основания считала, что этот вопрос при подготовке в Москве был недостаточно проработан.

Нужно было также снять русский акцент, и заменить его на американский. Глен считала, что ей это удалось, так как теперь ее принимали за американку или англичанку. В эти месяцы она много читала, бывала в кино и в театрах.

Проблем с общением не было. Она знакомилась с людьми разных профессий, национальностей. Самым слабым местом в подготовке, считала Глен, оказалось знание США. А ведь она выдавала себя за американку.

В отчете Глен Морреро напишет: «Не имея знаний о нравах и обычаях американцев, я вынуждена была буквально фантазировать, отвечая на самые обыденные вопросы. Например, как хоронят в США покойников, во что их одевают, каковы обычаи на свадьбах; что в Америке едят, из чего приготавливают салаты и так далее. К сожалению, мало знаю об известных и популярных общественных, культурных и политических деятелях, о тонкостях семейной жизни артистов и разных американских знаменитостей. Оказалась неподготовленной и в биржевых вопросах, и в правилах национальных спортивных игр».

В середине ноября Доброва возвратилась в Москву. На аэродроме ее встречал руководитель подготовки. Марии дали десять дней на то, чтобы она смогла изложить свои впечатления о командировке, отметить недостатки и высказать предложения по собственной доподготовке.

Доброва вела в Европе краткий дневник, который теперь помог написать подробный отчет. Сдав отчет, она выехала в Ленинград, чтобы наконец после долгой разлуки обнять мать и сестру.

Новый, 1954 год Мария встретила в семейном кругу, а в январе уже была в Москве. Ей сообщили, что программа доподготовки принята и специалисты считают, что для этого потребуется четыре месяца.

Руководитель подготовки не раз говорил Добровой: основная задача вовремя вскрывать агрессивные действия политического и военного руководства США и стран НАТО. На занятиях Марию учили определять признаки подготовки к нападению на Советский Союз, верно оценивать их и отрабатывать способы передачи информации.

Как будущий врач-косметолог она проходила стажировку в военном госпитале, в отделении лицевой хирургии. С ней работали опытные лингвисты. И, конечно же, большое внимание было уделено тем вопросам, в которых Доброва сама ощущала недостаток знаний. А это изучение Соединенных Штатов Америки, и в первую очередь Нью-Йорка, где ей предстояло жить и работать. Она подробно знакомилась с районами и улицами города, с метро, с местами работы и отдыха американцев.

Прошло время доподготовки. Специалисты вынесли единогласное решение: Мария Доброва готова к нелегальной работе в США.

КОСМЕТИЧЕСКИЙ САЛОН ДЛЯ НЕЛЕГАЛА

В мае 1954 года она вылетела в Вену и через несколько дней перешла на нелегальное положение. Офицеры венской резидентуры помогли ей приобрести авиабилет до Нью-Йорка, через Амстердам и Монреаль.

Первая остановка была в Амстердаме, а потом четырнадцатичасовой перелет до Нью-Йорка с небольшой остановкой в Монреале.

Она сняла номер в гостинице невдалеке от Таймс-сквер. Яркая реклама впечатляла. Город жил напряженной жизнью огромного мегаполиса.

А вскоре на венский адрес из Америки пришла открытка.

«Дорогая Хелен! — писала Глен Морреро Подцески. — Долетела я благополучно. Остановилась в отеле Вудсток на 44 улице, рядом с Бродвеем. Просматриваю газетные объявления, ищу скромную квартирку».

Это сообщение из Австрии вскоре поступило в Москву. Руководитель облегченно вздохнул. Теперь в дело предстояло вступить нелегальному резиденту ГРУ в Нью-Йорке Френсису. Он должен был принять Глен под свое крыло.

Она достаточно быстро подобрала себе квартиру на Вест Энд-авеню. А летом 1954 года впервые встретилась с резидентом Френсисом. Рассказала о себе, о подготовке, прилете в США. Френсис, в свою очередь, признался, что он адвокат, художник, работает в одном из рекламных агентств, неплохо зарабатывает.

Иногда они осторожно переходили на русский язык. Тогда же Глен узнала, что резидент не был на родине три года, что семейная жизнь его не сложилась, умерла жена. А новую семью он завести не смог.

Они посидели в ресторанчике «Лотос», прогулялись по Медисон-авеню. Резидент конкретизировал задание Центра. «Ближайшие три года, — сказал он, — ни о каких оперативных делах не может идти речи. Надо прочно легализоваться в Нью-Йорке, получить настоящий американский загранпаспорт, диплом об окончании местных косметических курсов, усвоить юридические, налоговые требования, для тех, кто открывает свой бизнес.

Разумеется, надо посещать салоны красоты, заводить полезные знакомства, особенно с женами чиновников. Они могут в будущем стать клиентами вашего салона».

Договорились об условиях связи: личные встречи раз в три месяца, экстренные — по сигналу Глен в условленном месте.

После этого Френсис передал ей деньги для обучения в Академии красоты. На том и расстались. Для Глен началось «врастание» в американскую среду.

Для начала она познакомилась с соседями по дому. Поделилась, что она косметолог, долгие годы проживала в Латинской Америке, обучалась в Европе. Теперь обучается в престижной Академии красоты, планирует открыть свой косметический салон.

Она прошла курс обучения вождения в одной из автошкол, сдала экзамен, получила водительские права.

В Академии Глен выбрала для себя самый сложный курс, включающий изучение американских косметических средств. Одновременно, как советовал резидент, посещала салоны, знакомилась с их посетительницами.

В октябре состоялась очередная встреча с Френсисом. Он обрадовал сообщением, что мама и сестра здоровы, у них все хорошо. Глен рассказала об учебе, описала своих новых знакомых. Резидент поддержал ее в стремлении завести более широкий круг знакомых, но в то же время посоветовал делать это не спеша, осмотрительно.

Она продолжила учебу. Вскоре обратилась в паспортное бюро. Сказала, что хотела бы летом совершить турпоездку во Францию. Ей предложили заполнить подробную анкету, в которой следовало указать не только образование, профессию, но даже цвет глаз и волос.

В январе они вновь увиделись с резидентом. Глен с волнением говорила о том, как долго рассматривают ее документы. Френсис успокоил: это обычная процедура, на нее уходит пол-тора-два месяца.

На этой встрече Френсис по-настоящему порадовал Глен. Он протянул записку от мамы. «Дорогая доченька!» — замелькал знакомый почерк. Повлажнели глаза. Через сколько же границ надо рисковать, тащить эту записку, чтобы поддержать ее вдалеке. Она искренне была благодарна Френсису.

Вскоре Глен получила загранпаспорт, потом диплом об окончании Академии и лицензию на открытие своего бизнеса.

Теперь предстояло отыскать жилплощадь для размещения салона. Оказалось, это не так просто. Она объездила несколько районов города и, наконец, нашла квартиру с отдельным выходом. В ней можно было не только разместить салон, но и при необходимости кого-либо укрыть от любопытных глаз.

Стоимость квартиры оказалась сравнительно небольшая.

Следующий шаг— получение разрешения на открытие салона, уплата налогов. Френсис посоветовал эту работу

отложить на более поздний срок, а летом съездить в Европу, оттуда — домой. Так и поступила. В июле 1957 года она уже прилетела в Москву. Как обычно после отчета, последовал тщательный анализ деятельности и новые планы. Потом она съездила к родным в Ленинград. После возвращения в Москву, заключительный инструктаж. Ей разрешили открыть салон, выделили деньги на покупку оборудования и автомашины. Предупредили: вскоре придется принять на связь ценного агента.

…Возвращение в США прошло успешно. Глен оборудовала модный косметический салон, прошла регистрацию, поместила объявление в газете. В телефонном справочнике появился адрес салона и номер телефона.

В Центре внимательно следили за публикациями в газете «Дейли». В трех номерах подряд было опубликовано объявление об открытии салона. Это сигнал, что у Глен все хорошо.

Поначалу бизнес шел не самым лучшим образом, но постепенно Глен стала завоевывать клиентов. Сказалось личное обаяние, высокий профессионализм, знание языков. Появились новые, доверительные связи. Чтобы расширить клиентскую базу, она вела прием не только в салоне, но и выезжала на дом.

Но пока у нее не было ни одного завербованного агента. Тем не менее, Глен могла выудить нужную информацию, ведь ее клиентами были жены политиков, военных, журналистов, бизнесменов. Не всегда эти данные были достоверны, порою на уровне слухов и сплетен, и все-таки из этой руды удавалось добыть настоящие золотники.

В свою очередь, резидент сообщал в Центр о том, что он доволен работой Глен, легализацию она прошла успешно, и причин для беспокойства нет. А также в связи со своим отъездом из США он предлагал ценного агента Диона передать на связь Глен.

Центр обсудил предложение Френсиса и согласился с ним. В Москве посчитали, что Подцески готова для такой ответственной роли, и приказали готовить ее встречу с Дионом. Место выбрали на севере штата, в районе Медвежьих гор, время — конец января, начало февраля. Агент увлекался горными лыжами, и его выезд был вполне отлегендирован.

А теперь, видимо, пришло время рассказать, кто же он такой — ценный агент Дион. По профессии — юрист, степень магистра получил в Колумбийском университете, доктора философии — в университете Дж. Вашингтона. Государственный служащий, работал в Госдепе, в отделе стран Латинской Америки. Работал за границей, в посольствах США в Аргентине, Бразилии, Колумбии.

В начале 50-х годов был назначен на пост заместителя

директора одного из департаментов исполнительного управления президента США.

Решение работать на советскую разведку принял самостоятельно. Имея высокое служебное положение, Дион имел возможность следить за подготовкой США к войне с Советским Союзом. Что, собственно, и делал. Несколько лет он был на связи с Френсисом. Теперь его предстояло передать под руководство Глен.

ДОКЛАДЫВАЮ ПОЛУЧЕННУЮ ИНФОРМАЦИЮ

Встреча состоялась в феврале 1961 года. Устроившись в гостинице, Глен на следующее утро покаталась на санях. Первым к ней подъехал Френсис. Они обнялись, как старые знакомые, встретившиеся случайно. Вскоре к ним подкатил мужчина, среднего роста, волосы темные с проседью. По всему было видно, что он любит горнолыжный спорт и умеет стоять на лыжах.

Они познакомились с Глен, потом втроем посидели в ресторане.

— «Дядюшке» не нравится поведение молодой «кузины», — сказал Дион.

Френсис и Глен все поняли — «дядюшка» — США, а молодая «кузина» — Куба.

— Он намерен сорвать любые попытки любовных отношений с кем бы то ни было из «чужой семьи». У него на этот счет свои планы. Дело за временем. События вокруг «кузины» могут развернуться быстрее, чем мы ожидаем.

В это время Дион незаметно передал записку. «Приеду в Нью-Йорк 20 марта. К этому времени буду знать что-то новое».

Возвратившись к себе в номер, Глен решила обдумать все, что произошло сегодня. Ведь до сих пор ей не приходилось выполнять активных агентурных задач. Она занималась собственной легализацией, открытием своего салона. Теперь наступил новый этап в ее жизни.

…16 марта Глен выехала за покупками. С Дионом они встретились в небольшом кафе. Его рассказ занял всего 15 минут, но важность информации трудно было переоценить. Резидент сообщил в Москву:

«Глен встретилась с Дионом. Докладываю полученную информацию.

Кеннеди утвердил план ЦРУ о внезапном военном вторжении на Кубу. Заключительная подготовка и общее руководство операцией возложено на Даллеса. Проведение операции намечается в два этапа».

Дальше указывалось время, место высадки контрас.

Кроме работы с Дионом, Глен и сама добывала информацию от своих клиенток. Вот лишь одна из ее шифрограмм:

«Знакомые Б., которые, по моей оценке, могут представлять интерес:

— контр-адмирал Джеймс Грегори Паттерсон, военный

моряк, служит в штабе ВМФ в Норфолке, любовник Б.

— молодой бизнесмен, занимается рекламой и продажей продукции «Дженерал Электрик».

…19 апреля Глен из газет узнала о провале американской военной авантюры против Кубы. Что-то шевельнулось в душе. Возможно, в этом успехе есть и крупица ее труда.

Вскоре она получила шифрограмму. Наряду с другими задачами значилась следующая: «Важное значение имеют данные о направлениях и мероприятиях по укреплению ВС НАТО, на подрыв единства социалистических стран в Европе, на дистабилизацию положения в ГДР, особенно в Берлине».

Глен внимательно изучила указания Москвы. Очередная встреча с Дионом состоялась у входа в кинотеатр на Маркет-стрит в Квинзе. Ценный агент дал очередную информацию. Вскоре в Вене получили открытку, где было тайнописное донесение. В частности, Глен писала: «Информация, полученная от Д. Провал в апреле авантюры против Кубы, подход к планированию, подготовке и руководству операции вызвал бурную реакцию президента». И далее сообщалось о закрытом совещании в Белом доме, о том, что снятие Аллена Даллеса с поста директора ЦРУ дело решенное. Подчеркивалось, что Госдеп готовит рекомендации президенту к предстоящей встрече с Хрущевым в Вене.

Летом 1961 года Глен побывает на родине, а в августе возвратится в США. Состоялась еще одна встреча с Дионом. Оказалось, он освобожден от должности и направлен на высокий дипломатический пост в одну из стран Западной Африки. Что ж, жизнь не остановить. Впрочем, у Глен теперь были другие источники информации. Так за девять месяцев 1962 года она передала около десятка сообщений.

В конце сентября к ней в салон забежала старая подруга Марианна.

— Встречалась со своим адмиралом. Страшные вещи! Наши военные корабли приводят в боевую готовность. Возможна атомная война с Советами. Нью-Йорк будет стерт с лица земли. Он настаивал, чтобы я уехала из города.

Все, что удалось узнать у подруги адмирала, Глен зашифровала и срочно отправила в Вену.

Она активно работала и не подозревала, что уже находится в предательских руках Полякова.

…Майским утром 1963 года она неожиданно увидит крестик, начерченный краской. Потом будет Чикаго, шаг с балкона гостиницы, годы небытия. Теперь славное имя капитана Марии Добровой возвращается в нашу историю.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В книге, которая близка к завершению, мы рассказали о крупнейших агентах ГРУ, успешно работавших против США и НАТО. Однако их было значительно больше. Агентурная сеть военной разведки Советского Союза охватывала практически все государства, которые входили в Североатлантический альянс. И потому было бы несправедливо не вспомнить этих людей и их благородные дела по спасению нашей страны от самого мощного и агрессивного военного блока, которые когда-либо знала мировая история.

Итак, самого пристального внимания советской военной разведки, разумеется, удостоились Соединенные Штаты Америки. Здесь работал ценный агент ГРУ Джек Данлап. Он воевал в Корее, за храбрость и воинскую доблесть был удостоен ордена «Пурпурное сердце».

В 1958 году Данлап стал водителем генерал-майора Гаррисона Б. Ковердейла, начальника секретариата Агентства национальной безопасности (АНБ). Напомним, что АНБ является ключевой структурой в составе большого разведсообщества США. Штаб-квартира расположена в Форт-Мид, штат Мэриленд.

Так вот, именно сержант Данлап один из немногих имел право беспрепятственно, без досмотра покидать территорию Форт-Мида. Он занимался доставкой секретных документов в различные подразделения АНБ.

Сержант имел большую семью и был крайне стеснен в денежных средствах. В 1960 году он предложил свои услуги советскому посольству в Вашингтоне. Офицер военной разведки, работавший под дипломатическим прикрытием, принял, выслушал Данлапа, быстро разобрался в ситуации, и вскоре сержант стал агентом ГРУ.

Это был очень ценный агент. По свидетельству предателя Полякова, которое он дал на допросе после своего ареста, Джек Данлап поставлял совершенно секретные сведения о планах НАТО, о местах дислокации частей и соединений армии США, о средствах радиотехнической разведки США и Великобритании, данные по шифровальным системам.

Данлап работал на ГРУ более трех лет. К сожалению, несмотря на предупреждения руководителей резидентуры, полученные от разведдеятельности деньги Джек вкладывал в дорогостоящие покупки — автомобили. Говорят, он приобрел даже яхту. И это при том, что зарплата водителя была весьма скромной. Естественно, неожиданно разбогатевший сержант

вызвал подозрение, как налоговых органов, так и контрразведки.

Видимо, почувствовав, что его подозревают, Джек покончил жизнь самоубийством и был с почестями похоронен на Арлингтонском кладбище. Возможно, о его шпионской деятельности так бы никто и не узнал, если бы через месяц после смерти вдова не обнаружила в доме тайник с секретными материалами. Она передала их в АНБ.

Уильям Генри Валлен, в отличие от сержанта Данлапа, имел весьма солидное звание подполковника армии США и руководил шифровальным отделом Комитета начальников штабов. Ох уж эти шифровальщики! Любая разведка мечтает иметь такого агента. А тут не простой шифровальщик, а начальник подразделения.

Валлена завербовали в 1962 году, и он в течение четырех лет передавал совершенно секретные данные о планах НАТО и американских войск в Европе, о размещении ядерного оружия, об ударных силах стратегической авиации.

Выдал ценного агента предатель Поляков. Валлена приговорили к 15 годам заключения.

В штаб-квартире ВВС в Пентагоне у военной разведки так же был свой информатор. Звали его Герберт Бекенхауп, сержант военно-воздушных сил. Он также имел доступ к секретным документам и передавал их своим руководителям в Вашингтоне и в Москве. Бекенхауп получил еще более суровый приговор — 30 лет тюрьмы.

Самым верным и преданным союзником США в НАТО всегда была и является поныне Великобритания. Главное разведывательное управление Генштаба Вооруженных сил СССР прилагало немало усилий, чтобы вскрыть планы британской военщины. Ибо они реально угрожали безопасности нашей страны. И потому Лондонская резидентура всегда работала активно и имела несомненные успехи.

Примером тому деятельность агента ГРУ Фрэнка Боссар-да. Он являлся опытным сотрудником английской разведки.

Боссард испытывал финансовые затруднения и потому пошел на сотрудничество с советской военной разведкой. С ним познакомился наш офицер И. Глазков. Сошлись они на общем увлечении нумизматикой. Работали через тайники. Фрэнк закладывал материал, а позже забирал вознаграждение. Считается, что среди наиболее ценных материалов, которые предоставил агент, были документы о системах наведения ракетного оружия.

В Англии на военно-морской базе в Портсмуте действовал другой агент ГРУ, лейтенант британских ВВС Дэвид Бингем.

В течение двух лет офицер переснимал на фотопленку секретные материалы и передавал их оператору военной разведки. К сожалению, психологические нагрузки были столь велики, что Бингем сам признался в незаконной деятельности своему командиру и был отдан под суд.

Франция, еще одна крупнейшая европейская страна, член Североатлантического альянса, вызывала пристальное внимание советской военной разведки. Здесь действовала агентурная сеть, которую возглавлял Сергей Фабиев. Сын русского эмигранта, он долгое время добивался французского гражданства. Офицер ГРУ И. Кудрявцев привлек Фабиева к работе на военную разведку, и вскоре тот возглавил группу информаторов. В нее входили Марк Лефевр, инженер-электронщик фирмы «Матра», потом «Ханивел-Булл», Джованни Ферреро, редактор в компании «Фиат-Франс»; Роже Лаваль, авиадиспетчер генерального секретариата гражданской авиации.

Группа Фабиева была одной из самых результативных. Лефевру удалось добыть документацию по компьютерным системам, с помощью которых осуществлялся запуск и контроль за баллистическими ракетами, Ферреро передал секретные материалы по системам наземного управления ПВО НАТО, программы исследований в области вооружений, документацию по американскому самолету F-104, материалы о летных испытаниях истребителя Т-33, данные по консультативной промышленной группе, которая занималась стандартизацией промышленного оборудования для стран альянса.

Агент Роже Лаваль к началу работы на советскую разведку был уже в отставке, но у него имелись обширные связи в авиационных кругах. И он умело ими пользовался.

Лаваль бывал на авиабазах, фотографировал объекты, представляющие ценность для разведки. Таким образом, он сумел составить планы многих гражданских и военных аэродромов, добыл документацию по управлению аэронавигацией, современным радаром.

Провал группы Фабиева произошел в результате предательства.

Особо важным и ценным агентом ГРУ во Франции был и Жорж Бофис. Коммунист, участник движения Сопротивления, после войны он продолжил службу в армии. Уволился в запас в 1963 году. Передал в Москву секретные документы военного ведомства — план обороны Западного округа. Как известно, на территории округа размещаются порты Нана и Сен-Но-зера, база атомных подводных сил на острове Лонг, арсеналы Шербура и Бреста.

Контрразведке удалось «вычислить» Бофиса. Его арестовали и приговорили к 8 годам тюрьмы.

В Германии на Главное разведуправление работал генерал Эдгар Фойтингер. Участник Первой мировой войны, опытный артиллерийский офицер, он пригодился на фронте и во Вторую мировую. В1942 году Фойтингер получил звание генерал-майора и принял под свое командование танковую дивизию.

При отступлении немцев из Франции, где и располагалась дивизия, он был обвинен в мародерстве и приговорен имперским судом к смертной казни. Однако его под свою защиту взял лично Гитлер, освободил из тюрьмы и поручил формирование «гитлерюгента». Но генерал не собирался служить гибнущему режиму. Он дезертировал и находился в английском лагере для военнопленных.

После войны жил в ФРГ, представлял интересы крупных немецких химических фирм. С 1953 года стал работать на советскую военную разведку. Он якобы писал мемуары и вел исследования военной статистики по вермахту и бундесверу ФРГ. Таким образом, в руки к нему попадала секретная информация по вооруженным силам Германии.

Генерал Фойтингер так и не был раскрыт до своей кончины в 1 960 году.

В Италии в 1967 году сотрудники военной контрразведки арестовали торговца антиквариатом Джорджо Ринальди. Ему предъявили обвинение в шпионаже в пользу СССР. Агента интересовали объекты НАТО, расположенные на территории Италии. Ринальди работал на военную разведку СССР более 10 лет.

Следует отметить, что ГРУ Генштаба Вооруженных сил Советского Союза проводило разведоперации не только непосредственно в странах, которые входили в блок НАТО, но и действовало против Североатлантического альянса с территории нейтральных государств. Одним из таких государств была Швейцария.

В 1962 году советский военный атташе В. Денисенко привлек к работе на ГРУ командующего войсками ПВО бригадного генерала швейцарской армии Жана-Луи Жанмера. Он передал своему руководителю мобилизационный план, материалы по оборонной политике, но самое главное, данные по системе раннего оповещения ПВО. Утечку обнаружили американцы. Швейцарская контрразведка начала активное расследование, в результате которого советский агент был раскрыт.

Столь же успешно действовала военная разведка СССР и с территории Австрии. Здесь с ГРУ сотрудничал бывший майор

вермахта, а ныне архивариус госархива Ганс Нильке, дипкурьер МИД Франц Крафт, австриец Александр Вольф, организовавший скупку макулатуры из штаба американских войск.

Разумеется, речь идет об агентах военной разведки, которые были раскрыты, их дела получили огласку. О тех, кто успешно работал на ГРУ и чьи имена надежно хранит спецархив, возможно, мы не узнаем никогда. Они — государственная тайна.

Впрочем, и названных вполне достаточно, дабы убедиться в высокопрофессиональной, эффективной, мастерской деятельности нашей военной разведки.